

Лейла

Шанс за шанс

Катерина Цвик

Катерина Цвик
Лейла. Шанс за шанс
Серия «Лейла», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67590552

SelfPub; 2023

Аннотация

Умерла в своем мире? Попала в тело маленького ребенка? Не беда, если папа король, а в женихах маячит герцог или принц! Но что, если ничего этого нет? Более того, женщины в этом мире существа бесправные и полностью зависящие от мужчин! Плюс ко всему ты замечаешь, что обладаешь Даром, из-за которого с легкостью можешь отправиться на костер! Да и в семье обычного купца, в которую попала по воле случая, оказалось не все так просто, как виделось поначалу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	45
Глава 4	57
Глава 5	85
Глава 6	127
Глава 7	157
Глава 8	221
Глава 9	247
Глава 10	265
Глава 11	286
Глава 12	312
Эпилог	342

Катерина Цвик

Лейла. Шанс за шанс

Глава 1

Какой же длинный и тяжелый выдался день... Мачеха сегодня лютовала, требовала, чтобы я, Лейла-Лиза, была везде и сразу. А я еще маленькая и чисто физически не могла все делать. Да и не полная дура, чтобы таскать в пять лет полные ведра воды. Бабушка не раз говаривала, что тяжести девочкам таскать нельзя, если эта самая девочка не хочет в будущем иметь грыжу, проблемы по женской части и руки, как у орангутанга. Правда, здесь, в Эльмирантии, никто никогда про такого зверя и слыхом не слыхивал. Да и у себя в России я его видела только на картинках.

Ну да это и неважно... Уже неважно... Все, что когда-то было с молодой двадцатитрехлетней выпускницей пединститута Елизаветой, уже в прошлом. Таким далеким и, кажется, нереальном, что подернулось дымкой и лишь изредка напоминает о себе такими же далекими и нереальными воспоминаниями и снами.

Снами, в которых я почему-то вижу себя со стороны...

Девушка Лиза сидела на парапете моста и смотрела на бурную весеннюю реку под ногами. Красивое зрелище, завораживающее, в момент созерцания которого она всегда с необоримой ясностью понимала, что стихия – вода, воздух, огонь или земля – это та мощь, которая может уничтожить тебя и даже не заметить такой малости. Было жутко и немного тревожно, но наполняло какой-то мощью и даже радостью.

Внезапно ее кто-то окликнул.

– Девушка! А, девушка! А что вы там делаете? Поверьте, не случилось ничего такого, чего нельзя было бы поправить!

Лиза с удивлением обернулась и увидела щуплого молодого человека, который вышел из машины и с расширившимися от тревоги глазами смотрел на нее.

– С чего вы решили, что что-то произошло? – удивилась Лиза. – Я просто смотрю на воду.

– Да? – Молодой человек заметно удивился.

– Точно вам говорю, – улыбнулась она в ответ. – Буйство стихии в чистом виде. Сами посмотрите!

Она взмахнула рукой и показала на воду.

В этот момент она что-то увидела в воде.

– Не может быть... Смотрите, там человек! Ребенок! Да что же это такое? – Воскликнула девушка, не в силах оторвать взгляд от мелькавшей под мостом макушки, которая с угрожающей скоростью неслась вперед, то пропадая, то вновь появляясь над водой.

Молодой человек подошел поближе и, побледнев, сказал:

– А я плавать не умею.

– А я умею, но здесь же так высоко...

– Мама! Мамочка! – еле слышно донеслось снизу.

У Лизы не было мамы. Сколько себя помнила, она всегда жила с бабушкой, которой уже несколько лет как не стало. Однако это простое слово она и сама не раз и не два шептала в ночи, жалея, что ее мама на небе и не может помочь в ее девичьих бедах и житейских несчастьях. Но она выросла и научилась справляться со своими проблемами сама. И вот сейчас другой маленький человечек зовет свою маму в самый тяжелый момент в жизни. И Лиза почему-то поняла, что не сможет просто проводить глазами головку тонущей девочки, что должна... нет, просто обязана сделать все, чтобы спасти этого ребенка.

Сама, по сути, еще ребенок, Лиза почему-то ощутила себя ответственной за судьбу этой девочки. А потому, еще не веря, что собирается делать, начала стаскивать с плеч куртку и тяжелые ботинки.

– Девушка. Де-девушка, вы чего? – чуть ли не шепотом спросил стоявший около ограждения парень.

– Подержи! – она кинула вещи ему. – Звони в МЧС и постарайся подобрать нас на берегу.

После чего повернулась к воде и, перекрестившись, прыгнула вниз.

Удар о воду вышел знатный. Лизе даже показалось, что

она на мгновение лишилась сознания, а от холода сперло дыхание. Она гребла вверх, стараясь не выпустить остатки воздуха, одежда липла к телу и тянула вниз, а мутная вода не давала понять, сколько еще до поверхности. Первый вдох оказался воистину живительным и сладким, а дальше пришло осознание, ради чего был совершен этот самоубийственный прыжок. Она судорожно закрутила головой и смогла разглядеть впереди головку девочки.

Несчастную получилось догнать не сразу – ее успело отнести довольно далеко. Та была уже на последнем дыхании и держалась только потому, что рукав ее куртки зацепился за сучковатую корягу. Вода была ледяная, и Лиза уже не чувствовала своих конечностей, однако, преодолевая слабость и жуткий холод, ухватила девочку под руки и, положив ее голову себе на грудь, как учили все спасательные стенды, постаралась грести к берегу. Получалось это с трудом, мешало не только течение и холод, но и различный мусор в реке, который мог не просто поранить, но и ненадолго убить.

Немного впереди девушка увидела отмель – шанс выбраться из бурного потока. Она из последних сил гребла, чтобы не разминуться со спасательным местом, и... она смогла! Вытолкнула на отмель уже ничего не соображавшую девочку, но ее саму потоков увлекло дальше, хоть она и гребла изо всех сил. Еще немного – и была бы спасена, но непокорная река принесла в своих водах разлапистый труп-

лявый пень, который с размаху бросило в голову девушки.

«Неужели все? Как хочется жить!» – было последней ее мыслью...

А потом шепот в темноте забвения, который я, Лейла-Ли-за слышала лишь раз, но вспоминаю почти каждую ночь после вот таких вот снов-воспоминаний:

– Действительно, как жаль... Такая чистая душа и так мало опыта в данном воплощении.

– Это была не ее судьба.

– Да, не ее. Но она здесь.

– Смотри, еще одна чистая душа из сонма миров, только тут опыта и вовсе нет...

– Ну, тут сразу на новое воплощение, а вот предыдущая душа свое еще не получила.

– Ну что, дадим ей еще один шанс? Она ведь не поскупилась и смогла подарить его другой душе.

– Судьбу за судьбу?

– Шанс за шанс...

Глава 2

– Лейла, вставай! Нузью идти зивотину кормить, – слышался громкий детский шепот прямо над ухом.

Я осоловело приоткрыла глаза и снова закрыла, пытаюсь прийти в себя после такого реалистичного и знакомого сна. Каждый раз после таких пробуждений мне стоило большого труда вновь натянуть на себя личину маленького ребенка, которым я была в этом мире.

– Да, Мамук, сейчас.

Я провела руками по лицу и рывком села. Как же мне все это надоело!

Уже почти два года я вынуждена жить в чужом мире, чужом теле и даже чужом возрасте. С каким упоением я читала про попаданцев-прогрессоров! Иногда мне даже представлялось, как я, вся такая умная и красивая – три раза ха! – буду наводить порядок в другом мире, какие новшестваведу и какие мысли смогу посеять в умах людей – еще три раза ха! Ну вот – я самая настоящая попаданка в общество, которое по своему устройству ближе к нашему восточному... в тело трехлетнего ребенка из семьи небогатого купца, у которого только что от кори умерла жена и чуть не умер этот самый ребенок. Здесь царят мужской шовинизм и женская несправность, и за подозрение в колдовстве или еще какой

ереси, отличной от той, что представлена в постулатах местных верований, здесь запросто сжигают на костре. Нет, до махрового средневековья в этом плане здесь далеко, но не так чтобы очень. Поэтому со временем я осознала, что мне еще очень повезло, что попала в тело маленькой трехлетней девочки, которая толком не умела говорить и задавать вопросы, ведь местного языка я не знала. Не было тут доброго дяди волшебника, который бы вложил в мою головушку столь нужную любому попаданцу опцию. Здесь таких добрых и не очень дядей сжигали. Хотя, судя по всему, магия здесь все-таки имелась, потому что некоторые вещи даже я, как представитель более прогрессивного и глубоко материалистичного мира, объяснить обычными природными явлениями просто не могла. Ну да об этом позже.

Я нашла в себе силы встать и натянуть штанишки на завязочках и длинную рубаху. В такой одежде в этом приморском городке по весне бегали почти все дети лет до десяти. Мамук вот выглядел так же, только цвет рубахи отличался. Мамук – мой сводный младший братом. И за те полтора года, что мы живем одной семьей, я успела его полюбить как родного. Мамук платил мне тем же, хотя подчас и не слушался – часто именно я приглядывала за ним и даже видела его первые шаги. Да и в своей прошлой жизни я всегда мечтала о братике. Получается, я его получила.

– Лейла, ну где ты?

– Да здесь я!..

Мы вышли из дома и зашагали к сараю. Рассвет только занимался. Я любила этот ранний час. Мне всегда казалось, что в такие мгновенья мир замирает и к чему-то прислушивается. Может, даже к нам – людям-букашкам на его поверхности... Я вздохнула и, остановившись, захватила по дороге короб с ячменем – нас ждали куры, индюки и кролики. Подумать только! В своей прошлой жизни мне приходилось их видеть разве что в зоопарке, а здесь – на тебе, сама ухаживаю, сама кормлю.

Дверь соседнего сарая скрипнула, и оттуда вышел Ромич, ведя в поводу двух козочек.

– Доброе утро, – сказал парнишка и поклонился нам.

– Доброе утро, Ромич, – ответила я. – Ты уже на пастбище?

– Да, маленькая хозяйка. Сегодня ожидается хорошая погода.

– Да... – Я еще раз поглядела в рассветное небо. – Ты уж там проследи, чтобы Руся и Муся хорошо наелись.

Я с улыбкой потрепала белоснежных козочек, имена которым придумала сама, потому что местные клички животных, как мне казалось, были слишком грубыми для таких милых белых созданий. Паренек в ответ лишь улыбнулся, а я, глядя на него, грустно вздохнула.

Ромич – мальчик десяти лет, худющий, с соломенными волосами и пронзительными голубыми глазами. Он совершенно не похож на коренных жителей этих мест, да и не мог

быть похож, так как его совсем маленьким пленили где-то в северных землях и продали отцу Лейлы, когда тот решил сделать подарок жене на день рождения дочери. В этом краю принято, чтобы о детях заботились другие дети чуть постарше или же старики. Так уж сложилось, что в свое время отцу пришлось уехать из отчего дома и поселиться с молодой женой в совершенно другом городе, и его старики не могли да и не хотели помогать молодой хозяйке. И история с этим переездом на самом деле довольно запутанная, и я сама до сих пор до конца в ней не разобралась. Но это тоже потом. Вот Ратмир, отец Лейлы, и купил жене маленького помощника. Странные нравы. Ну да тут ничего не попишешь.

Поначалу подобные вещи меня возмущали, однако что-либо предпринять в этом направлении я, увы, не могла. Поэтому компенсировала такое положение мальчишки своим хорошим отношением. Хотя, стоит отметить, что по большей части к рабам тут относились неплохо. Все-таки они стоили немаленьких денег и лишиться своей собственности из-за жестокого отношения никто не хотел. Но бывало всякое.

Мы с Мамуком управились по хозяйству, умылись и пошли в дом завтракать.

– А, вот и вы, проказники. Садитесь за стол. – Нас встретила на кухне улыбающаяся Малика, вторая жена моего отца и моя мачеха.

Малика милovidная, черноволосая, чернобровая и черноглазая ... девчонка! Да-да! По моим понятиям, она просто

молоденькая девчонка. А кем еще можно быть в семнадцать лет? У нее уже был сын от первого брака и даже второй муж – мой отец, но при всем при этом по законам моей предыдущей родины она не была даже совершеннолетней! А тут уже считалась степенной матроной. Подумать только, мой теперешний отец считался уже состоявшимся и серьезным мужчиной аж двадцати четырех лет от роду! Капец! Я как это все проанализировала и соотнесла с реалиями своего мира, не знала то ли мне плакать, то ли смеяться.

Здесь вообще детство очень короткое и отнюдь не беззаботное. Мы вставали каждый день вместе с петухами и помогали Малике по хозяйству. Она на самом деле не была жестокой или слишком требовательной. Просто здесь так жили. Наверное, примерно так же когда-то жили и наши предки в моем мире, однако мне, урбанистическому ребенку двадцать первого века, поначалу все казалось диким и неправильным. Да и сейчас я не все могу понять и принять. Но человек – такая животинка, что ко всему привыкает. Вот и я привыкла и даже начала получать удовольствие от простых вещей.

Например, я очень любила наших козочек, курочек, кроликов и другую живность. Никогда в прежней жизни мне не приходилось с ними соприкасаться, а здесь без них никуда. Странно, но, по-моему, я иногда понимала их на интуитивном уровне, а они меня. Честно говоря, сама для себя я приравнивала этот эффект от общения к некоей магии, которая существует в этом мире, потому что ничем другим неко-

торые моменты общения с ними объяснить просто не могла.

– Дети, сегодня приедет ваш отец!

Я обрадовалась этой новости и, наконец, обратила внимание на приподнятое настроение Малики.

– Правда? А когда он будет дома?

Пусть это и был не мой настоящий отец, но своего настоящего я, честно говоря, и не знала вовсе, а этот человек за последнее время смог стать для меня родным и близким.

– Его корабль уже пришвартовался к пристани, и он прислал мальчишку сообщить об этом. Думаю, за пару часов они успеют разгрузиться и разобраться со всеми своими делами.

– Мама! – Да-да, я называла Малику мамой! – А можно мы с Мамуком побежим его встречать?!

– Ну да разве ж вас удержишь, маленьких шиканов¹? – Улыбаясь, ответила она. – Поешьте только хорошенько, а то до обеда больше ничего вам не перепадет! Кстати, Лейла, ты там не задерживайся. Мне понадобится твоя помощь.

– Хорошо, мамочка!

Мы с Мамуком быстренько похватали свежих лепешек с маслом и вареньем, запили все это молоком и выбежали из дома, а затем и из ворот на улицу. Прохладный ветер забирался под одежду, но мы, не замечая этого, стремглав неслись вперед. Бежать пришлось минут пятнадцать, и, когда запыхавшиеся и запыленные мы подбегали к пристани, уви-

¹ Шиканы – маленькие юркие хитрые зверьки, похожие на сурикатов и частенько ворующие у людей орехи и ягоды.

дели высокого атлетически сложенного мужчину с небольшой бородкой клинышком и широкими черными бровями. Он стоял в распахнутом ярком парчовом халате и, белозубо улыбаясь, махал нам рукой, привлекая внимание и подзывая к себе.

– Отец! Отец! – кричали мы с маленьким Мамуком наперебой. – Ты приехал!

– Конечно, мои маленькие шакер-пури².

Я вырвалась вперед и первой запрыгнула к нему в объятия. Его крепкие руки уже стали для меня привычными, а терпкий запах родным. Я обвила его шею руками и, крепко обняв, зашептала прямо в ухо:

– Папа, папочка, я так рада, что ты приехал! Я так волновалась, так скучала!

– Знаю, родная. – Он немного меня отстранил и оглядел с улыбкой. – А ты подросла и стала еще краше.

Я на это лишь фыркнула. А в это время за своей порцией объятий в него врезался Мамук. Отец подхватил его на руки и несколько раз высоко подкинул над головой, после чего обнял и так и оставил сидеть на сгибе локтя. Потом таким же образом подхватил и меня и зашагал к пристани.

– Отец, а ты привез что-то интересное? – задала я свой стандартный в таких случаях вопрос.

– Конечно, малышка.

– А подайки? Подайки ты привез? – Тут же вклинился Ма-

² Шакер-пури – сладости, печенье в виде полумесяца.

мук.

– А как же, сын, куда же без подарков-то?..

Что меня удивляло и восхищало в этом человеке, так это то, что он полностью без каких-либо экивоков принял Ма-мука как родного сына. И, приняв однажды, действительно сроднился с ним! Да что там! Со временем Мамук даже начал походить на него внешне! Наш старый Кирым, глядя на это, лишь улыбался и качал головой, говоря «Всевышний благоволит этому дому».

– ...Только вам придется немного здесь погулять самим. Мне нужно переговорить с партнерами и закончить опись товара.

Отец вел дела не один, так как нанять или купить корабль в одиночку не мог. Поэтому эти слова не стали для нас сюр-призом.

И пока он не ушел, я, затаив дыхание, спросила:

– А можно мы сбегает на «Ласточку»?

Побывать на отцовском корабле было нашей с Мамуком давней мечтой, но нас туда не пускали. Отец немного поколебался, но на этот раз дал согласие:

– Хорошо, только разгрузке не мешать, под ногами не путаться и слушаться боцмана. – Он громко свистнул, привлекая внимание невысокого, квадратного, бородатого мужика в цветастом халате, стоявшего на корме купеческой каравеллы, которая частично принадлежала отцу, и громко крикнул: – Сакол, присмотри за моими, они хотят побыть на «Ла-

сточке»!

Тот в ответ лишь степенно поклонился. А мы, спущенные на землю, молнией метнулись к сходням, где, приплясывая от нетерпения, пропустили вереницу грузчиков и взобрались на судно. Разумеется, шнырять по кораблю нам особо никто не дал, но вот побыть на корме, глядя с раскачивающегося корабля на просторы моря, воображая себя отважными капитанами – покорителями морей, нам запретить никто не мог. Воображение рисовало самые разные картинки, Мамук так вообще от восторга разве что из штанов не выпрыгивал. Мне же было жутко интересно побывать на самом настоящем деревянном корабле. Нечто подобное я видела лишь однажды в музее, да и то внешний вид экспоната был далек от целостности, а здесь все можно осмотреть и потрогать, а про ощущения я уже и не говорю!

В голове вертелось: Она прошла, как каравелла, по зеленым волнам... Ведь именно на таком корабле я сейчас и стояла! Однопалубное, с высокими надстройками по краям, оно словно сошло с кадра какого-то исторического фильма! Мы с Мамуком воображали себя то пиратами, то доблестными военными. Брат и вовсе разошелся не на шутку и во всю махал своей палкой-мечом. Наконец, я подошла к высокому борту судна и вместе с Саколом стала наблюдать за разгрузкой. Тот все это время краем глаза следил за нами и посмеивался в бороду. В какой-то момент мне надоело просто смотреть, и я вежливо к нему обратилась.

– Сакол-аха, можно у вас кое-что спросить?

Тот удивленно приподнял брови:

– Ну, спрашивай, юная анна.

Обращением «анна» он сразу перевел меня в разряд незамужних девушек от десяти лет. Именно в этом возрасте у девочек здесь заканчивается детство и идет подготовка к замужеству, которое возможно практически сразу после начала месячных, которые здесь называют «крови», но не раньше тринадцати лет. Хотя чем богаче семья, тем позже девочку отдают замуж, но не позже шестнадцати. Дальше уже девочки становятся перестарками.

Для мальчиков минимальный возраст женитьбы составляет шестнадцать лет. Но опять же многое зависит от дохода семьи и обстоятельств. Данная торопливость, как я уже успела понять, вызвана ранним созреванием молодежи и такой же ранней смертностью, хотя те, кого миновали различные несчастные случаи, тяжелые – а здесь это значит неизлечимые – болезни и криворукие лекари, живут довольно долго даже по меркам моего мира.

Несмотря на вежливое обращение, сейчас это его «анна» означало, что он надо мной подтрунивает, но я не обиделась, ведь вопрос то он мне задать разрешил, да и сложно относиться серьезно к малявке с большими голубыми глазами и двумя тонкими растрепавшимися светло-русыми косичками.

– Скажите, а много ли сейчас в море пиратов?

Этот вопрос сильно волновал меня, ведь каждый раз, когда отец уходил в море, я большей частью переживала именно из-за пиратов, о которых в свое время много читала. Однако на все мои расспросы о них отец всегда смеялся и говорил, что воды Алого моря спокойны и такой напасти почти не знают. Я почему-то не до конца ему верила, ведь само название моря навевало самые разные ассоциации, поэтому решила спросить об этом постороннего человека.

– Пиратов, говоришь... – протянул Сакол. – Да, бывают, куда ж без них? Только в нашем море все-таки больше стоит бояться штормов, чем этой братии.

– А почему тогда море называется Алым?

Он несколько секунд озадаченно на меня смотрел, а потом расхохотался, да так, что даже голову запрокинул. Я немного смутилась и даже обиделась. Чего ржать-то так? Что я такого смешного спросила?

– Ох и насмешила ты меня, маленькая анна. Ты что, решила, будто море называется Алым из-за рек пролитой пиратами крови? – Он вновь хохотнул. – Боюсь, чтобы залить море кровью, не хватит и целой Эльмирантии. Благослови ее Всевышний в веках! – Он провел ладонями вдоль лица и соединил их на секунду под подбородком, отдавая дань всевышнему, после чего немного мечтательно продолжил: – Алое море называют так из-за удивительных восходов над ним. Нигде больше море в этот момент не принимает такой удивительный прозрачно-алый оттенок. Ученые мужи мно-

гих стран бились над разрешением этой загадки, но так и не преуспели.

– А откуда вы это знаете? – Непосредственно спросила я.

Будь я постарше, за такие вопросы можно было бы и огрести, но мне пока можно. Все-таки есть свои плюсы и в маленьком возрасте.

– Откуда знаю?.. Да вот несколько лет назад пришлось мне служить на одном корабле, недолго, правда, но не суть. Так вот, однажды капитан принял на борт занимательного старичка, который оказался ученым мужем и советником Султана Туранской Империи. Он и поведал мне о том, что изыскания в этой области ни к чему не привели.

– Ну не скажите! – задумавшись и обманувшись вполне взрослым ответом, протянула я. – Отрицательный результат – это тоже результат. Просто ответ нужно искать в другой плоскости...

Я подняла голову на боцмана и увидела, как его брови медленно поползли вверх. Да уж, я, наверное, тоже удивилась бы, выдай мне пятилетняя малявка такой спич. Дура! Привыкла, что никто меня серьезно не воспринимает и говорит как с ребенком, и забылась, когда со мной начали нормально разговаривать. Так можно и на костер отправиться.

– ...Мне так однажды отец сказал, когда я рассказала, что у меня никак не получается найти длинную палку, чтобы сбивать яблоки с дерева, – лихорадочно начала выдумывать полную чушь.

– И как же он решил эту твою проблему?

– Он сорвал для меня яблоко сам.

Бецман рассмеялся вновь и отечески потрепал меня по голове:

– Ох, чувствую, и намается твой отец отбиваться от женихов!

Я, честно говоря, не поняла, к чему он произнес последнюю фразу, по крайней мере, моя пресловутая женская логика мужскую не постигла, но отвечать ничего не стала.

В этот момент с берега нам, подзывая к себе, помахал отец, и я, отыскав у борта Мамука, взяла его за руку и повела к сходням.

– Ну что, посмотрелись на корабль? – первым делом спросил родитель.

Мамук тут же с восторгом затрещал на своем не всегда понятном языке, выражая дикую радость. Я же только улыбалась и поглядывала на отца, пока мы шли на выход из небольшого порта, на выходе из которого нас уже ждала запряженная лошадью коляска. Мы уселись, а двое грузчиков, следовавших за нами, загрузили внутрь несколько мешков. Видимо, подарки и всякие полезные для дома вещи. Наконец, когда Мамук немного примолк, я спросила:

– Отец, что нового в мире творится?

– Ох, сердечко, помяни мое слово, нас ждет много перемен, – задумчиво протянул отец.

Я насторожилась и, пихнув локтем Мамука, который

опять решил влезть в беседу, снова спросила:

– А каких перемен нам ждать? Хороших или не очень?

– Нам? – Отец снова задумчиво вздохнул. – Даже и не знаю, сердечко. Но я все сделаю, чтобы к лучшему.

– Так что случилось-то? – взволнованно снова спросила я.

– Ничего, сердечко, ничего еще не случилось, и, даст Всевышний, не случится. Не бери в голову.

– Папа... – обратилась я к нему так, как обращалась только один на один или когда хотела вызнать что-то действительно важное.

Но на этот раз отец остался непреклонен:

– Я же сказал – все хорошо. Кстати, я привез вам на пробу кое-что интересное.

– Правда? – Я поняла, что отец мне ничего не расскажет, но была почти уверена, что скоро и так все узнаю. – И что же это?

– Зерна одного фархатского растения, из которых эти самые фархаты делают довольно своеобразный напиток. – При этих словах отец немного скривился.

Я прыснула в кулачек смехом – в этот момент он выглядел забавно:

– Тебе он не понравился?

– Ну как тебе сказать... – протянул он. – Сначала подумал, что мой добрый друг Измир решил меня отравить... – Он снова кривовато улыбнулся. – Но он сам с удовольствием его пил, поэтому я решил попробовать еще раз и, пораз-

мыслив, пришел к выводу, что напиток неплох. Он бодрит, да и, как сказал Измир, сейчас он набирает популярность в Турании...

В этот момент мы подъехали к воротам нашего небольшого домика. Поначалу я была удивлена, что довольно удачливый купец живет так небогато, а потом узнала, что все его деньги сейчас вложены в покупку доли корабля и в товар. Однако, отец уже присмотрел новый дом, и если все и дальше пойдет удачно, то совсем скоро мы переселимся в него.

Из дома, вытирая полотенцем руки, выбежала Малика и, улыбаясь, принялась подгонять гревшегося на ласковом весеннем солнышке старого Кирима, чтобы тот поскорее открывал ворота. Так дружной и веселой толпой мы и направились в дом, где Малика тут же стянула с мужа сапоги и, вытолкав нас всех за дверь и надавав заданий, потянула того умываться и кормить.

Мне было жутко интересно, что же ей рассказывает отец, однако лезть и подслушивать не решилась, все-таки молодые люди давно не виделись и понятно чем могут заниматься, а во вторых – знала, что самые важные новости отец предпочитает рассказывать в спокойной обстановке после ужина, когда отправляют детей спать.

Придя в кухню, куда меня отправила Малика с наказом сделать к чаю сладких лепешек, я задумалась. Готовить эти самые сладкие лепешки совершенно не хотелось. На самом деле это были примитивные оладьи, с той лишь разницей,

что запекались они в печи и без добавления погашенной соды, короче, получались маленькие, толстенькие и довольно вкусные блинчики. Малика их готовила каждый раз, когда отец возвращался домой, и подавала с медом.

Вообще, на мой взгляд, со сладостями здесь не очень. Что-то, конечно, готовили, как те же сладкие лепешки, засахаренные фрукты, мармелад, даже медовую пахлаву, однако тех десертов, которыми я любила лакомиться в своем мире, здесь не было, а на мед у меня оказалась жуткая аллергия.

Сейчас мне захотелось порадовать отца чем-то новеньким. Но вот чем? Пригодной для различных кулинарных экзерсисов посуды здесь не было, да и весна на дворе – фрукты даже завязаться не успели. И я решила взглянуть, что, собственно, имелось в наличии.

«Ага... Почему бы и нет?» – решила, увидев в холодной³ сливки, купленные для Мамука – он недавно болел, и лекарь рекомендовал их ему для скорейшего восстановления сил, как и молоко. Нашла на полке сахар, привезенный отцом из Фархата, и стручки ванили из Турании, которые Малика, к слову, так и не придумала куда пристроить. И нечто похожее на Агар-агар нашего мира или попросту растительный желатин – местные делают его из водорослей и используют для создания фруктового мармелада, который я очень уважала, однако весной его было делать совершенно не из чего.

³ Холодная – углубление в полу, чем-то схожее с обычным подвалом, где старались сохранять низкую температуру, и в небогатых домах хранили продукты.

Последний штрих в виде подготовленных для готового продукта кружек и – вуаля! Панна-котта⁴, я готова тебя сделать!

Сам процесс не занял много времени. Печь была уже растоплена, рецепт незамысловат, и через какое-то время я уже разливала продукт и ставила в холодную.

«Еще бы мягкой карамелью после остывания полить...» – Мечтательно подумала я и спохватилась – ведь я ее и сама сделать могу! И в этом ничего сложного тоже нет. Та-ак... где мое молочко, где мои сахарок и ванилька?!

С карамелью пришлось повозиться. Печь – это вам не газовая или электрическая плита, на которых степень нагрева можно регулировать простым поворотом колесика или нажатием кнопки. Поэтому пару раз, чуть не сжегши сахар, я все-таки сделала мягкую, тягучую, похожую по консистенции на сгущенку карамель!

Устав, я слезла с маленького стульчика, на котором колдовала у печи, и присела на лавку у стены, облачиваясь и блаженно поводя плечами – постоянные манипуляции с кастрюлей у плиты для пятилетнего ребенка не так уж и просты. Моих подруг-одногодок в этом возрасте к печи еще не пускали, но так получилось, что мы с Маликой этот момент как-то обошли – то ли я вела себя с посудой слишком уверенно, то ли ей просто нужна была помощь, и, видя, что у

⁴ Панна-котта (итал. *panna cotta* «варёные сливки») – северо-итальянский десерт из сливок, сахара, желатина и ванили.

меня все получается, она не стала от нее отказываться. Я же еще в той жизни готовить не то чтобы очень любила, но умела, а под настроение могла и полдня над чем-то провозиться. Так получилось, что еще будучи подростком я увидела, как моя бабушка, которая была хорошо в годах, сослепу бросала в суп недомытые или даже грязные овощи. С тех пор я предпочла готовить для нас обеих сама.

В этот момент на кухню вошла улыбающаяся Малика и спросила, оглядывая столы:

– Лейла, отдыхаешь? Ты уже сделала сладкие блинчики?

– Нет, мама, я решила приготовить отцу что-нибудь новенькое!

Малика нахмурилась, но сразу браниться не стала:

– И что же это?

А я задумалась, как же обозвать Панна-котту? Здесь таких слов не знают, да и звучит слишком экзотично для этих мест.

– Сливочный мармелад! – наконец придумала я.

– Да? Это он и есть? – указала она пальцем на стоявшую на плите кастрюльку с мягкой карамелью.

– Нет, это... это ... – фантазия в этот момент мне, как назло, отказала, и я обреченно ответила: – Это мягкая карамель.

– Карамел? – немного коверкая слово, переспросила она. – А пахнет вкусно, необычно...

– Карамель, – утвердительно вздохнула я.

– Странное название... откуда ты его взяла?

– Сама придумала. А что это у тебя в руках? – Спросила я, наконец, заметив, что она держит в руках какой-то мешочек.

– А, это твой отец очередной раз привез что-то экзотическое и сам толком не знает, что с этим делать. Вроде что-то для какого-то экзотического напитка. – Недовольно ответила Малика, ставя довольно увесистый мешочек на стол. – А это, кстати, можно есть? И где твой сливочный мармелад?

До этого я не совершала кулинарных экспериментов, лишь училась готовить местную кухню, поэтому недовольство и скепсис Малики понимала – трудно поверить, что ребенок может сам придумать и приготовить нечто хотя бы просто съедобное.

– Уже совсем скоро будет готов, а этой карамелью я его полью. – Ответила я и сунула нос в принесенный мешочек. – Мама дорогая, да это же кофе! – вырвалось у меня.

– Ты знаешь, что это такое? – несказанно удивилась Малика.

Я же с удовольствием вдыхала знакомый аромат и млела. Не может быть! Кофе! Офигеть! Да я о нем почти каждое утро вспоминала со слезами на глазах!

– Да-а-а... – выдохнула я и зажмурилась от удовольствия.

– Откуда?

«От верблюда» – чуть не вырвалось снова, но я вовремя спохватилась и стала лихорадочно выдумать очередную ложь. Да уж, в этом мире я себе карму прилично попорчу. Но тут уж выбора у меня не было.

– Недавно мы с девочками на берегу гуляли, а там каких-то два господина развели костер и что-то жарили. Мы сначала боялись подойти, но потом к нам донесся интересный запах, которого мы не слышали раньше. Тогда мы решили подойти и посмотреть, что они жарят. Оказалось, что один из них что-то кипятит в маленькой кастрюльке. Я и спросила, что это, а он посмеялся и ответил, что это заморский напиток – кофе – и дал попробовать и даже показал, как готовить.

Некоторое время Малика молчала, усиленно сверля меня взглядом:

– И много вас там таких интересующихся было?

И тут я поняла, что попала, причем по-крупному. Сказать, что была с кем-то из детей, я не могла, потому что никто мою ложь не подтвердит, а вот предсказать реакцию Малики, когда скажу, что разговаривала и пила неизвестный напиток с неизвестными людьми, примерно могла. Поэтому, бочком-бочком отойдя от нее на пару шагов, ответила:

– Так это... Сама была, остальные того... испугались и не пошли.

– Поня-я-я-ятно... Значит, ты, глупая малявка, подошла к незнакомым мужчинам, еще и что-то с ними пила?! – В ее руках непонятно откуда появилось полотенце, и она им замахнулась, чтобы поучить меня уму-разуму. Я, разумеется, таким образом учиться не собиралась, поэтому мы с Маликой припустили вокруг стола. – Ах ты ж, ослица малолетняя,

дура непроходимая, малявка недалекая!..

Малика бегала за мной и, ругаясь от души, охаживала полотенцем, конечно, когда удавалось до меня дотянуться. Я же в самые опасные моменты ныряла под стол – прятаться там, конечно, не было никакой возможности, но вот быстренько перебежать на другую сторону – вполне. Наконец, когда мы обе выбились из сил, она села на лавку и закрыла лицо руками:

– Лейла, ты хоть понимаешь, чего избежала? Они же могли тебя убить, одурманить, украсть, продать в рабство... Да мало ли еще какое непотребство совершить! Ну чем ты думала, когда к ним подходила?!

Я видела, что девушка по-настоящему расстроена и переживает за меня. Поэтому, подойдя и сев рядом, сделала расстроенное лицо и сказала:

– Мамочка, ну не расстраивайся, все ведь хорошо закончилось, да и не могли они мне ничего сделать. Там совсем старый дедок со своим таким же дряхлым рабом были.

– Ну какие старики? Откуда они здесь взяты-то могли? Ты что? Опять мне врешь?

Она убрала руки от лица и угрожающе посмотрела. Я поерзала, одновременно немного отодвигаясь, и возмущенно ответила:

– Это когда я тебе врала? А? Да и откуда мне знать, как они там появились и куда делись?

– Ох, Лейла, выпороть тебя надо хорошенько. – Снова тя-

жело вздохнула она.

А я увидела, что в уголках ее глаз стоят слезы. Мне стало стыдно. Малика ведь и правда сильно за меня переживает, а я не придумала ничего лучше этой дурацкой истории. Уж лучше бы на озарение какое сослалась.

– Ну, мамочка, не расстраивайся, все ведь и правда хорошо закончилось, – жалобно сказала я, глядя ей в глаза и прижимаясь к боку.

Некоторое время она грустно и укоризненно смотрела на меня, а потом обняла и поцеловала в лоб:

– Ох, Лейла. Когда ты смотришь на меня своими бездонными глазами, на тебя просто невозможно злиться. – А потом, немного помолчав, добавила: – И ведь знаю, что такими же глазами на Ратмира смотрела твоя мать, и он ее до сих пор не забыл, иногда даже ревную, но вот не любить тебя не могу. Пообещай мне, что больше никогда так не сделаешь?

– Конечно, мамочка.

Я расчувствовалась и сама с трудом удерживала слезы. Почему-то только сейчас я смогла себе признаться и принять, что действительно считаю Малику матерью. Той, кого в прошлой жизни и не знала вовсе. Да и была ли она – прошлая жизнь? Возможно, уже давным-давно нужно о ней забыть, принять девочку Лейлу как саму себя, перестать отгораживаться от этого мира и, наконец, стать его частью? Да, где-то глубоко внутри себя я так и не приняла это перемещение, часто горевала о прошлом, которое тем чаще возвращалось

ко мне во снах, чем чаще я о нем думала. Но ведь, если задуматься, именно здесь я обрела то, о чем всегда мечтала там: семью, брата, отца и... маму. Я не сдержалась и зарыдала в голос, обхватывая ее крепче.

Этими слезами я, наконец, прощалась со своим прошлым: с миром, с бабушкой, с той Лизой, душа которой была полна одиночества и нерастраченной любви. И, поплакав, поняла, что только сейчас по-настоящему готова сказать девочке Лейле: «Здравствуй, я рада, что мы встретились, и надеюсь, что твоя душа обретет истинное счастье в следующем воплощении. А еще я сделаю все, чтобы твои родные были счастливы и никогда не поняли, какую утрату понесли».

Все это время Малика гладила меня по голове и тоже плакала. Только вот что вылакивала она? То, что не смогла меня не полюбить, или что в сердце отца всегда будет второй после моей матери? А может, какие-то другие свои женские горести? Не знаю...

Наплакавшись, мы просто тихо сидели и прижимались друг к дружке, чувствуя опустошение и легкость. Потом Малика вздохнула:

– А что мы скажем твоему отцу? Если он узнает, что я могла тебя не уберечь...

– А ничего мы ему не скажем! – Также вздохнув, ответила я.

Еще немного помолчав, Малика спросила:

– Что с кофю делать будем?

– А кофю, – исковеркала я слово, подражая маме, – я сейчас сварю и вместе со сливочным мармеладом принесу в комнату. А ты пока иди, умойся да причешись, а то отец непонятно что подумать может.

– А если он спросит, как мы догадались, как нужно готовить этот кофю? – немного испуганно спросила она.

– Тогда мы ответим, что это дело нехитрое, было бы желание разобраться. – Ответила я, вставая и осматриваясь в поисках ступки, чтобы размолоть зерна. К сожалению, кофемолки здесь еще не придумали.

– Ну да... ну, я тогда пойду? – снова как-то пришибленно спросила она и направилась во двор.

Ступка нашлась на нижней полке. Размолот зерна, я решила, что для первого раза приготовлю классический вариант – без добавления так любимой мной ванили или корицы. Найдя еще одну небольшую кастрюльку, сварила в ней кофе, решив обязательно попросить у отца привезти турку или то, в чем готовят кофе в Турании, налила в отдельную кружку молоко, чтобы добавляли по вкусу, и поставила на поднос сахар. Свою порцию, не удержавшись, выпила сразу, заедая уже застывшим сливочным мармеладом, политым карамелью. Кайф! Я была в восторге!

Конечно, для первого раза я сделала не очень крепкий напиток, все-таки я еще ребенок, да и родителям крепкий кофе может не прийтись по душе. Наконец, подхватив поднос с вкусоностями, я отправилась в гостиную.

Малика, увидев нагруженную меня, тут же подскочила и помогла расставить кувшинчик с напитком, кружки и сливочный мармелад. Отец в это время удивленно взирал на неизвестный ему десерт.

– Что это? Вы меня заинтриговали... – улыбнувшись, сказал он.

– О, это новое блюдо Лейлы. Она сделала его сегодня специально для тебя. Даже я его еще не пробовала, – затараторила мама и попыталась незаметно сделать отцу большие глаза, чтобы он хотя бы сделал вид, что оценил мои кулинарные успехи.

Я, скрыв улыбку, начала разливать кофе и добавила туда немного молока.

– Что ты делаешь?! – удивленно воскликнул отец.

– Папа, я же помню, что тебе не понравился кофе, – я сложила два и два и догадалась, о каком напитке он мне рассказывал по пути из порта, – поэтому предлагаю попробовать его с молоком. Поверь, так тебе понравится больше. Можно и сахар добавить, но с моим сливочным мармеладом лучше пить так.

Удивившись моему напору, он взял протянутую чашку немного отпил:

– Хм... Так и правда намного лучше, – задумчиво протянул он.

Мама к странному напитку притрагиваться не торопилась, она взяла чашку с панна-коттой и нерешительно за-

черпнула содержимое маленькой ложечкой.

Столовые приборы здесь очень походили на земные, лишь вилка была двузубой, но основная масса людей в городе пользовались просто ложками. Наша же семья хоть и считалась небогатой, но все вышеперечисленное имела, и даже больше.

Я решила, что еще от одной порции сладости не откажусь, и тоже взяла кружечку.

– А где Мамук? Я думала, он уже с вами, – огляделась я в поисках брата.

Мама с отцом ответили не сразу, увлекшись десертом:

– Мамук? Он куда-то убежал с друзьями. Скоро придет. – Мама смотрела на меня округлившимися глазами и облизывала ложечку. – Лейла, что это?

– Ммм? – я недоуменно посмотрела на нее.

– Я спрашиваю, что это за рецепт? Откуда ты его узнала? Это же... это же... – она снова зачерпнула ложечкой и отправила в рот, прикрыв глаза.

– Я же говорила: сама придумала, – пожала я плечами, поедая вкуснятинку.

– Лейла, дочка, мама права, у тебя получилось нечто очень вкусное. Я нигде и никогда прежде такого не пробовал. Да и... как ты его назвала... кофю. С молоком и правда вкуснее.

Отец внимательно на меня смотрел и чего-то ждал. Я решила косить под дурачку и только недоуменно хлопала глаз-

ками – знала, к чему приведут все эти ниоткуда взявшиеся знания у маленького ребенка... Знала и то, что это только начало. Но сознательно решила приоткрыться. В эту самую минуту решила. Пусть считают меня немного странной, пусть заподозрят непонятно в чем, но этим людям я решила довериться хотя бы немного и надеялась, что они не предадут. Мне до зубовного скрежета надоело притворяться маленьким ребенком! Да что там притворяться! Просто быть маленьким ребенком! Это хорошо лишь говорить: вот бы опять стать маленькими и не знать ни забот, ни хлопот! А на деле, да еще в другом мире и с другими устоями... Да еще и с полным отсутствием всего того, что дает современному человеку цивилизация... Лишь с Мамуком я могла хоть немного быть собой, потому что была его старшей сестрой, и какими сестры бывают в пять лет, он мог знать только от меня. Дети постарше на подсознательном уровне чувствовали, что со мной что-то не то, и хоть и любили играть в придуманные мною игры и даже прислушивались к моим словам, но все-таки чувствовалась некая внутренняя дистанция, которую мы не могли преодолеть в общении друг с другом. Для младших же я была маленькой мамочкой. Как меня, кстати, они и называли: Лейла-ма или просто Лейма, ведь к трем годам редко кто имел хорошую дикцию.

Но сейчас не о детях, а о взрослых. Мне катастрофически не хватало нормального общения!

Тем временем пауза затягивалась, и я решила ответить:

– Отец, мама, никогда раньше с вами об этом не говорила, но... – Я замерла, подбирая и лихорадочно обдумывая слова. На примере Малики я поняла, что врать, привлекая каких-то посторонних людей, нельзя – будет только хуже. Поэтому решила положиться на высшее и непознанное: – Но после того как я выздоровела после той страшной болезни, я стала замечать, что знаю некоторые вещи, которые вроде как и не должна знать. Например, как с этим сливочным мармеладом. Я просто знала, что если я сделаю так-то и так-то, то будет именно он.

– И с кофею так же? – после некоторой паузы спросил отец.

Я скосила глаза на Малику, решила, что она меня не спалит, и кивнула.

– И что еще ты знаешь? – Отец смотрел очень внимательно и, кажется, даже верил.

– Много чего. Просто знание всплывает применительно к чему-то. Например, сегодня я захотела удивить тебя чем-то вкусеньким, и в голову пришел этот рецепт.

Некоторое время лицо отца было очень серьезным и сосредоточенным, и я даже испугалась. Заметив это, он тепло улыбнулся и сказал:

– Лейла, милая, иди найди Мамука, а то твой мармелад настолько вкусный, что ему может ничего и не достаться, а мы с мамой еще немного здесь посидим.

– Хорошо.

Я неловко спрыгнула с лавки и вышла из комнаты, а потом и из дома.

Крикнув во все горло «Мамук, ты где?», я быстренько развернулась и мышкой проскользнула в предусмотрительно оставленную приоткрытой дверь обратно в дом и прокрадлась к занавеси в комнату, где совсем чуть-чуть, стараясь не шевельнуть все полотно, отодвинула тяжелую плотную ткань вбок⁵.

Сначала мне показалось, что в комнате никого нет, но тут отец тяжело вздохнул:

– Знаешь, Малика... – тихий голос отца зазвучал как-то неожиданно, и я вздрогнула. – Я никому об этом не рассказывал, но во время своей болезни Лейла на несколько минут перестала дышать. В тот момент я был рядом с ней. Аврора как раз слегла и попросила меня присмотреть за дочкой. Так вот, в тот момент я понял, что она умерла. – Отец сглотнул и продолжил: – А через несколько минут она снова вдохнула воздух. Всевышний вернул мне ее. Он знал, что заберет мою Аврору, и если бы ушли они обе, я бы не пережил. После смерти Авроры только Лейла дала мне силы жить.

– Всевышний? – откликнулась Малика.

– Да, Малика, больше некому. Только он может забрать и отдать жизнь. Только он.

⁵ В небогатых домах Эльмирантии дверь как таковая имела только при входе в жилище. Все остальные помещения отделялись друг от друга различными занавесями.

– Но зачем ты рассказываешь мне это сейчас?

– Понимаешь, мне кажется, что те несколько минут рядом с Всевышним и есть причина того, что сегодня нам поведала Лейла.

– Ты думаешь, что простой рецепт... – начала Малика, но отец ее прервал.

– Дело не в рецепте! Разве ты не видишь, что Лейла не такая, как другие дети? Да, со стороны это не бросается в глаза, но попробуй с ней пообщаться несколько минут без скидки на возраст, и...

На несколько минут в комнате повисло молчание.

– Знаешь, Ратмир, возможно, ты и прав. Иногда она рассуждает так, будто старше меня. Иногда, глядя на нее, это смотрится смешно, а иногда даже страшно...

Я сидела за занавеской и думала, что я полная дура и никакущая актриса. Я-то все это время думала, что вполне профессионально шифруюсь, а вот те на: оказывается, все мои потуги ни к чему не привели. Остается только удивляться, как меня до сих пор не приперли к стенке и не задали неудобные вопросы.

– Ты ее боишься? – недоверчиво и с какой-то непонятной интонацией спросил отец.

Я услышала, как мама фыркнула:

– Нет, Ратмир, что ты?! Это же Лейла! Ее можно только любить. – А вот это уже было сказано с грустью. – Просто она бывает... – Малика задумалась, подбирая слова и пытаюсь

объяснить свои чувства, – непонятной, а все, что непонятно, пугает. Понимаешь?

– Понимаю, моя сладкая. Понимаю.

Послышались звуки поцелуя, и я уже хотела ретироваться, как услышала:

– Что будем делать?

– А что мы будем делать? – деланно удивился отец. – Будем дальше жить.

– Но ведь ее необычность скоро заметим не только мы.

На несколько минут снова наступила тишина.

– Ты права, Малика, я подумаю над этим вопросом... Чуть позже.

После чего послышался звук поцелуя и шорох одежды. Дальше я слушать не стала, потому что молодые люди явно занялись вещами, не предназначенными для чужих ушей.

Несколько дней пролетело незаметно, и я почти забыла о странных слова отца о больших переменах. А вечером третьего дня он вернулся со встречи со своими компаньонами какой-то взъерошенный и на взводе. Я видела, что он о чем-то усиленно размышляет, и надеялась, что позже решит поделиться своими мыслями с Маликой, а я смогу это услышать. Почему-то мне казалось, что это его состояние как раз и связано с этими самыми переменами. Обсуждать их со мной – девочкой пяти лет отроду – никто, конечно, не соби-

рался.

Наконец, мама уложила нас спать и отправилась к отцу. Еще с полгода нам с Мамуком будет не зазорно спать в одной комнате, но потом его придется переселять в другую. Пока же мы обитаем вместе. Он часто раскрывается и замерзает, а я за ним приглядываю. Я с трудом дождалась, когда Мамук заснет, и прокралась к родительской комнате. Там уже шла беседа, подхватив занавеси, я прислушалась...

– Ратмир, но ты же только приехал! – услышала возмущенный шепот Малики – громко разговаривать она не решалась, чтобы не услышали мы – дети.

– Сладкая моя, сейчас решается слишком многое. Я же объяснил, нам очень нужны деньги!

– Не нужны нам эти деньги! Подумаешь, ну не влезем мы в очередную авантюру твоих дружков, и слава Всевышнему! Зато будем видеть тебя дома, а не мечтать каждый день о встрече!..

На самом деле «дружки», как их назвала Малика, были взрослыми дядьками, – чуть ли не в два раза старше отца. Сама же история их знакомства и сотрудничества, как мне кажется, шита белыми нитками, но я не исключала, что просто чего-то не знаю. Все-таки при жене и детях рассказывается и обсуждается отнюдь не все. Так вот, около шести лет назад отец с матерью и старым рабом Киримом прибыли из Турании в Эльмирантию, чтобы поселиться в небольшом приморском городе Шалем. Отцу тогда было восемнадцать,

матери – пятнадцать. Согласно официальной версии, благодаря хорошему образованию, отец смог устроиться к одному из местных купцов помощником, но довольно скоро смог уйти от него и основать свое небольшое дело, а затем и разбогатеть настолько, что договорился с этим самым купцом и еще двумя другими представителями купеческой братии о совместной доле в корабле, предназначенном для далеких морских путешествий. И путешествия эти планировались не в ближайшую Тализию, а в далекую и полную новых товаров и рынков сбыта Туранию. Но это по официальной версии, а мне кажется, что все было не так просто. Но это лишь мои мысли.

Задумавшись, я чуть не пропустила продолжение беседы...

– Малика, ты не понимаешь! Совсем скоро сюда введут целый гарнизон, будет строиться крепость и расширяться порт, а главное – об этом проекте еще почти никто не знает! Если мы сможем хотя бы немного поучаствовать в становлении города, это даст большие дивиденды, а для подобного нужны деньги!

– Ратмир, но ты же говорил, что у нас уже достаточно денег, чтобы купить новый дом! Давай мы откроем рядом небольшую лавку, будем продавать привозные товары, как делают твои партнеры. Ты же только мотаешься по морю, чтобы продать им товар и снова уплыть от нас!

– Малика, все не совсем так. Да, и у меня были опреде-

ленные договоренности с ними. Сейчас же перед нами открываются совсем новые перспективы и возможности. Просто поверь мне!

Мама всхлипнула и сказала:

– Ратмир, я лишь хочу сказать, что люблю тебя и хочу, чтобы ты был рядом. А ты и недели дома не пробыл и снова уплываешь на полтора месяца.

– Сладкая моя, обещаю: в следующий раз я буду дома настолько долго, что ты от меня устанешь, – с улыбкой в голосе проговорил он. – К тому же я решил, что мы не будем покупать дом.

– Как? – встрепенулась и расстроено забормотала девушка. – Почему?

– Успокойся, Малика, – со смешком попросил отец. – И не надо так на меня смотреть! Дослушай! Я решил, что мы не купим, а построим новый дом. Сегодня я ездил в мэрию и выкупил довольно большой участок за городом...

Встрепенувшаяся было мама, снова погрузилась:

– За городом? Но ведь это за стеной, разве это не опасно?

– Сладкая моя, если все то, о чем мне удалось узнать – правда, то вскоре наш новый дом может стать чуть ли ни центром города, а стену в любом случае будут переносить. Неужели ты думаешь, что с военной точки зрения то, что ты называешь стеной, способно хоть кого-то остановить? Это, скорее, декоративное сооружение, чем военное. Эльмирантия слишком давно не воевала с Фаргоцией. Наш Шалем за-

щищен от нее горами, да и соседи из Имитана не дают ей расслабиться. – А потом добавил, скорее, даже для себя, а не для жены: – Но надолго ли хватит этого мира?..

– Ты думаешь, может быть война? – испуганно вскрикнула Малика и тут же себя одернула и заговорила шепотом: – Неужели военных собираются вводить не зря?

Отец тут же понял свою оплошность и успокаивающе заговорил:

– Ну что ты, сладкая! Никаких войн не будет, это лишь мои глупые мысли вслух. Военный контингент вводят все не для этого. Просто Король решил укрепить свои позиции с Тализией. Есть сведения, что он собирается выдать свою третью дочь за сына тализийского короля. За этим последует развитие экономических отношений, которые ранее с поразительным успехом спустил в помойную яму наш предыдущий посол. И как следствие, нужен хороший порт. А наш Шалем как раз и является самой удобной и близкой точкой...

Я будто наяву видела, как Малика замороженно смотрит на мужа и, понимая через третье на десятое, кивает головой, соглашаясь с ним. Не скажу, что она совсем дура – она простая девушка, которую и грамоте-то обучал сам Ратмир, хотя она уже много успела от него нахвататься. Но образования, достаточного для того, чтобы понять некоторые вещи и термины, у нее просто не было. Ну не принято тут обучать девочек наукам! Возможно, в больших городах у богатых ро-

дителей все иначе, но Малика – дочь обычного рыбака. Я подозревала, что отец и женился-то на ней лишь для того, чтобы было с кем меня оставить, пока он в отъездах, а выбор пал на девушку, потому что она оказалась почти в таких же обстоятельствах, как и он: одна с ребенком на руках – ее муж однажды не успел вернуться перед штормом в гавань, а через несколько дней его лодку прибило к берегу, и мужчины там уже не было.

– Это хорошо, и ты, наверное, во всем прав, но я так не хочу тебя отпускать... – Малика немного посопела и тихо-тихо, почти на грани моего восприятия, сказала: – Ратмир, я беременна... уже почти три месяца.

Несколько секунда в комнате стояла полная тишина, а потом, судя по звуку, отец ее обнял, поцеловал и сказал:

– Сладкая моя, я очень рад! Все будет хорошо, поверь мне! Нужно лишь немножко подождать...

Снова звук влажных поцелуев, тихий стон Малики и громкое сбивчивое дыхание.

– М-да, пожалуй, мне пора... – пробормотала я и пошла спать.

Однако быстро заснуть мне не удалось. Опережая друг друга, в голове крутились мысли, и я чувствовала, что стою на пороге больших перемен. Это радовало и страшило одновременно, ведь за два года я уже привыкла к спокойной и размеренной жизни небольшого приморского городка. Но мне безумно, до чертиков, хотелось этих перемен!

Глава 3

– Лягушка, лягушка! – уперев руки в бока, кривлялась Рунира, стоя недалеко от дома папиного партнера, к которому он ушел еще с утра.

– Эй, лягушка, прыгай к малышне, чего тут забыла?! – вторила ей Маниша.

– Нечего тут своими лупалками лупать! И рот закрой, а то вон какой большой да длинный. Может, у тебя еще и язык зеленый да раздвоенный? – ядовито припечатала Ануша.

– Я-то свой закрою, Ануша, а твой закрывай не закрывай, а ядом все равно капать будет, – ответила я и побежала по улице, скрываясь от мести «взрослых» девочек.

Эти дурынды уже неделю доставали меня со своей «лягушкой». Будь я действительно пятилетней девочкой, наверное, до слез бы расстраивалась. Просто я не такая как они: у меня волосы светлые, а не темные, глаза голубые, а не карие, даже черты лица другие – не как у всех местных жителей. Я вообще получилась, как говорили отец и Малика, вылитая мать, лишь разрез глаз был отцовским – немного вытянутым к вискам. Да и мальчишки, даже кто постарше, не брезговали со мной играть. Что интересно, мне иногда, как в детстве, хотелось просто попрыгать в классики, которые я, кстати, местной малышне и показала, поиграть в догонял-

ки и просто пообщаться с детьми. Может, так детское тело давало о себе знать, а может, и не реализованный материнский инстинкт... Н-да, даже не знала какой вариант предпочесть... Поэтому старалась вообще по этому поводу не заговаривать, к тому же эти желания вполне способствовали поддержанию детского образа, что в моем случае тоже немало важно.

Но блин, как же не вовремя эти дурынды нарисовались. Я хотела перехватить отца и поговорить с ним без свидетелей. Уже завтра он снова отбывает в Туранию и застать его одного практически невыполнимая задача.

Оглянувшись, я увидела, что девочки за мной не гонятся, и замедлила шаг, постепенно останавливаясь. Может, здесь подождать? Я огляделась. Не-ет, не получится, здесь тетка Майла живет, склочная и жадная бабенка. Эта обязательно свой нос сунет и поинтересуется, чего это я тут делаю. Как ее только муж терпит?

– Лейла! – Услышав окрик, я обернулась. Навстречу мне шел Малик, младший сын Алназа, того самого папиного партнера. Ему уже десять лет, и он считал себя жутко взрослым и умным. А еще любил меня задирать, отчего в моих глазах был персоной не очень желательной для общения. – Чего ты тут делаешь? Отца ищешь, что ли?

– Угу... – ответила я, глядя немного исподлобья.

– Так чего ж назад повернула? Твой отец скоро уходит собирается, могла бы немного подождать.

– Анушу видел? – недовольно спросила я, на что мальчик кивнул головой. – Вот потому и не дошла.

– А, слышал, эта самка скунса тебя лягушкой обзывает.

Я на это лишь фыркнула и отвернулась, решая сразу уйти или все же пробить оборону Ануши и пройти к отцу? Слушать оскорбления еще и от этого мальчишки желания не было совсем. Однако его следующие слова меня изрядно удивили:

– Лейла, ты ее не слушай. Ты вовсе не похожа на лягушку.

Мои брови поползли вверх и, обернувшись, я не нашла ничего лучше как ответить:

– Я знаю.

– Ну и хорошо! – натянул улыбку мальчишка. – Пойдем, я отведу тебя к отцу.

– Пойдем... – все так же под впечатлением ответила я и пошла за ним следом.

«Это что же такое случилось, что Малик решил позаботиться о моем душевном здравии?»

Однако через пару шагов все эти мысли вымело из головы, потому что навстречу уже шел мой отец. Ему давно нужно было бы лошадку прикупить и на ней ездить, только он говорил, что дома находится слишком мало, а содержание лошади дорого, к тому же наш городишко совсем маленький, чего, мол, здесь на лошади развезжать? На это я могла бы ответить, что все его, так называемые, партнеры как раз на лошадках или в возках и ездят, но понимала, что все это отец

делал лишь в целях экономии, которая, как он нас всех уверял, совсем скоро закончится. И я ему верила.

Распроставшись с Маликом, мы пошли вдоль улицы. Некоторое время шли молча, а потом отец сказал:

– А пошли, я тебе покажу место, которое вчера для дома выкупил.

Я взвизгнула и полезла к нему обниматься, сверкая от счастья и делая вид, что совершенно не в курсе этой новости.

– Неужели?! У нас будет свой дом! Отец!

– Не кричи, а то вся улица сбежится. – Улыбаясь, он подхватил меня на руки. – Я же вам с мамой уже давно обещал, вот и пришло время.

– А где это место? Я думала, ты купишь уже готовый дом.

Он как-то так улыбнулся, будто заглядывал внутрь себя, вспоминая или представляя нечто давно лелеемое.

– Понимаешь, сердечко, здесь просто нет такого дома, о котором я мечтаю для своей семьи.

Я немного подумала и согласилась:

– Да, дома мечты я в Шалеме тоже не наблюдаю. – А потомглянула на посмурневшего отца и затараторила: – Но не подумай! Мне наш домик тоже нравится! Пусть он маленький, но крепкий и уютный, да и двор имеется довольно большой.

Отец снова улыбнулся, только уже грустной улыбкой:

– Не надо, сердечко, не оправдывайся, я и сам знаю все гораздо лучше тебя. Мы бы уже давно могли переехать в более удобный и большой дом, но... Понимаешь... – отец замял-

ся. – В этом доме мы с Авророй провели свои самые счастливые дни, и именно там ее не стало, сердечко. Это место держит мою душу и не отпускает.

Я затихла и лишь тихо поглаживала его по плечу и прижималась своей щекой к его. Таким откровенным он со мной еще ни разу не был.

– Но как же тогда мы... – все же попыталась задать вопрос я, но осеклась.

– Как мы переедем? – Я мотнула головой в знак согласия. – Когда-то давно, когда мы только приехали сюда с твоей матерью, строили много планов, в том числе и о новом доме для нашей будущей большой семьи. – Грустно, но светло вспоминал он. Видимо, уже перегорел, и печаль перестала висеть темным облаком на его душе. – Так вот, мы выбрали место, и сейчас я тебе его покажу.

Я и не заметила, как мы прошли по улице и вышли за пределы города. Весна... Разнотравье радовало глаз, легкий ветер колыхал наши волосы и приносил умопомрачительные запахи цветов, где-то впереди горы плавали в белой дымке облаков, а сбоку плескалось море. Как же здесь все-таки красиво!

Соглашаясь с моими мыслями, отец произнес:

– Удивительно красивое место, но глушь глушью. А ведь я хотел, чтобы ты росла совсем в другом месте.

– Не говори так, отец! – отозвалась я, заглядывая ему в глаза и слезая с его рук. Все это время он нес меня и уже

порядком устал. – Дети как раз и должны расти вот в таких вот красивых местах. Но в одном ты прав...

Отец немного удивился и посмотрел на меня, понукая продолжить мысль.

– ...Кое-что нужно изменить...

Он продолжал смотреть на меня с прежним непониманием.

– ...Мне нужен учитель, – наконец, выдала то, ради чего и хотела поговорить с ним наедине.

Эту мысль я вынашивала уже довольно давно. Я попала в этот мир со своими знаниями, но вот элементарных знаний этого у меня не было. Тот же язык я выучила сама, однако письмо, географию, да даже элементарное написание цифр я не знала, и никто не торопился мне все это разъяснить – на это нужно время, а никто в этой глуши не собирался тратить его на девочку. Все, что за это время я узнала об окружающем меня мире, было изучено эмпирическим путем или же со слов и рассказов взрослых.

Пока я знала, что живу в маленьком приморском городке Шалеме в государстве Эльмирантия, которым правил Король. Именно так – Король с большой буквы, потому как имени его здесь никто не произносил. Однажды ради интереса я поинтересовалась, как его зовут, на меня посмотрели, как на дурочку, и сказали «Ну, Король и есть Король», после чего отвернулись и пошли по своим делам. И дело было даже не в том, что никого не интересовало его имя, а в том,

что для этого городка Король был фигурой настолько далекой и почти сказочной, что имел смысл только его титул, а имя... Король мог и поменяться, но вот титул – это навечно. И таких нюансов тут воз и маленькая тележка. Отец, конечно, мог бы рассказать мне гораздо больше, но ему банально было некогда.

Еще об этом мире я знала, что с юга Эльмирантия граничит с Фаргоцией, но отделена практически непроходимыми горами, отчего наш почти приграничный город уже лет сто живет в полной безопасности. Фаргоции, к слову, с местами пригодными к выходу в море очень не повезло: ближайший был далеко на севере, что затрудняло их торговлю с той же Туранией, да и с Эльмирантией они предпочитали связываться по суше. С кем мы граничим по остальным направлениям, я пока не выяснила, так как это далеко, а для местных то, что, по их мнению далеко, почти не существует. Знаю еще, что есть еще два материка: один, на котором находится Тализии, и другой, на котором находится Турания и Фархат. И знала я это лишь потому, что туда плавал торговать отец.

Задумавшись обо всем этом, я даже не сразу сообразила, что отец молчал. Его лицо все это время претерпевало некоторые изменения. Сначала оно вытянулось, потом приобрело задумчивое выражение, потом заинтересованное, а через некоторое время он произнес:

– И что же ты хочешь, чтобы он тебе преподавал?

Я тяжело вздохнула и ответила:

– Все, отец.

– Лейла, – укоризненно произнес отец, – все не может знать ни один человек в мире.

Я задумалась. И правда, как-то я неправильно сформулировала запрос.

– Извини, отец, ты прав. Я хочу, чтобы этот человек смог рассказать мне о мире, каким он был, каким стал сейчас, научил читать и писать. Не знаю, что еще обычно изучают?

Отец смотрел на меня большими глазами и ответил не сразу.

– Ты знаешь, сердечко, обычно, всему этому обучают мальчиков, ну, еще может разбираться в небесных светилах, языкам и военному делу. И то в довольно обеспеченных семьях.

– А чему тогда обучают девочек? – Замечание про обеспеченность я пока решила опустить.

– Девочек? Девочек обычно обучают готовить, вести дом, танцевать. Не знаю... может, еще играть на инструментах. Я особо не интересовался.

– А что, читать и писать не обучают? – искренне удивилась я.

– Кого-то, наверное, обучают. – В голосе отца чувствовалась неуверенность.

– Неужели ты не знаешь ни одной такой женщины?

Мужчина задумался.

– Ну почему же, знаю. – Наконец, ответил отец. – Твоя

мать умела.

– Вот и я хочу уметь.

Он немного пожевал губами и очень тихо произнес:

– Местные могут не понять...

– Местным можно рассказать, что в Турании так обучают всех более-менее обеспеченных девочек, и ты решил блюсти законы своей бывшей родины.

– Но ведь это не так.

– А кто об этом знает? Или там из местных кто-то, кроме тебя, жил?

– Не жил, – подтвердил отец. – Но, Лейла, очень скоро ты вырастешь, и тебе нужно будет выходить замуж, а мужчины не любят, когда женщины умнее них.

– Пф! – фыркнула я. – Вот куда я не тороплюсь.

Отец по-доброму снисходительно улыбнулся и сказал:

– Просто ты еще маленькая, мое сердечко, и я об этом в последнее время частенько забываю.

– Все равно, отец, если на то будет воля Всевышнего, то мой будущий муж полюбит меня и умной. Да и умная женщина всегда сможет прикинуться дурочкой, будь на то ее желание. А вот наоборот, к сожалению, гораздо сложнее.

На это заявление отец расхохотался:

– Знаешь, а ведь сегодня Алназ пытался сосватать тебя за Малика. Но чуют мои пятки, что если он узнает про учителя, то в следующий раз хорошенько подумает над своим предложением.

– Меня сватали? За Малика? – я удивилась. Все-таки до сих пор я как-то не задумывалась, что меня вот так, не спрашивая моего мнения, могут сделать невестой! – Отец, надеюсь, ты не согласился! – испуганно воскликнула я.

То-то этот хамоватый зазнайка был сегодня на себя не похож. Видимо, решил, что не резон будущей жене быть лягушкой.

– Конечно, нет! – усмехнулся отец и потрепал меня по макушке. – Кто же соглашается на первое предложение? К тому же я почти уверен, что как минимум парочка принцев еще будут стоять в очереди, чтобы жениться на тебе.

Тут уж мы расхохотались оба.

– Отец, так что ты решил насчет учителя? – Отсмеявшись и посерьезнев, вернулась я к волновавшему меня вопросу.

– Учителя дороги... Но я попробую решить эту проблему. В любом случае, сердечко, я тебя услышал.

Вот за что люблю отца, так это именно за то, что он может не просто слушать, а услышать.

– Папа, я тебя люблю. – Искренне произнесла я и снова обняла его, только уже за ноги, выше просто не дотягивалась.

– И я тебя, мое сердечко. – Отец снова подхватил меня на руки. – Пошли домой, а то Малика уже, наверное, потеряла нас и волнуется.

– Пошли. – Вдруг мне на ум пришла мысль, которая формировалась в голове уже несколько дней. – Отец, а давай откроем кофейню?

– Кофе... что? – переспросил отец.

– Кофейню. – С самым невинным видом повторила я. – Это что-то вроде гостиного двора, только мы будем подавать безалкогольные напитки: чай, кофе, компоты и сладости к ним.

– Какая странная у тебя родилась идея, сердечко... – Нахмурился отец, не зная, как реагировать на мое предложение.

– И вовсе не странная! Отец, ты же сам говорил, что наш городок скоро сильно разрастется... – И толкнула ему речь о женщинах, которым в эти гостиные дворы ходу нет, и о набиравшем популяризм кофе, и о мужчинах и гостях города, которые захотят приобщиться к новому напитку или же просто побывать в экзотическом заведении. В общем, аргументов было много, однако отец объяснил, почему моя затея не может получиться:

– Лейла, все, что ты говоришь – очень интересно и необычно. Но ты ведь прекрасно знаешь, что Эльмирантия – это не Фаргоция или Тализия. И мужчины с женщинами принимают пищу отдельно, нарушая, как мы, подобные правила лишь в кругу семьи.

На несколько секунд я была дезориентирована, но быстро нашла выход:

– А мы сделаем два зала! И будем торговать сладостями на заказ. Вот!

– Но...

– Отец, не говори сразу «нет». Просто обдумай мое предложение. К тому же я знаю множество рецептов, которых нет ни у кого! Поверь, наша кофейня еще прогремит на все побережье, причем не только нашего материка! – Я настолько размечталась и по ходу повествования настроила в голове столько воздушных замков, что смех отца стал полной неожиданностью.

– Лейла, сердечко мое! – Наконец, отсмеявшись, проговорил он. – Не обижайся, просто я впервые видел тебя такой воодушевленной, боевой и... смешной.

Я тут же скуксилась. Похоже, весь мой замысел с кофейней пропадет втуне. А ведь какая идея! Я почти уверена, что все получилось бы, да и по реакции отца видно, что здесь до такого еще никто не додумался. Эх! Будь я хотя бы лет на пять старше... А лучше на десять.

– Сердечко, ты что, расстроилась? Ну я же не сказал «нет».

Я с надеждой посмотрела ему в глаза:

– Правда?

– Обещаю подумать. – Кивнул он головой и чмокнул меня в нос, ссаживая на землю. – А теперь беги к матери и скажи, чтобы накрывала на стол, а то я голоден, как стая волков!

Остаток вечера и весь завтрашний день пролетели в приготовлениях к отъезду.

И уже через день мы с мамой и Мамуком стояли на пристани и махали отцу руками, провожая в путешествие.

Глава 4

– Противный старикашка! – бубнила я себе под нос, стоя высоко в ветвях яблони и озираясь вокруг в попытке запрятаться как можно глубже.

Наконец, нашла ветку поудобнее и, скуксившись, присела. Настроение было препаршивейшее, поэтому, углядев рядышком наливное яблочко, сорвала и даже не обтерев вгрызлась в ароматный бочок. Я была зла, нет, скорее, не зла, а возмущена до глубины души и обижена. И причиной всему – мой новый учитель профессор Тимуран. А как поначалу я ему радовалась!

Отец, как и планировалось, вернулся ровно через полтора месяца и, кроме всего прочего, привез мне учителя. Им оказался маленький сухонький старичок, сморщенный не хуже магистра Йоды и даже чем-то на него похожий. Даже уши у него были почти такие же большие, разве что не такие лопухие, и имелась довольно длинная, но не сильно густая борода. Когда отец сошел с корабля, мы с Мамуком уже ожидали его на пристани. За ним следом семенил этот самый магистр Йода. И после теплых обнимашек отец представил нас друг другу. Стоит отметить, что по отношению к детям в данных краях это совершенно необязательно, но, видимо, отец хотел показать, что выполнил мою просьбу.

– Вот дети, знакомьтесь, это ваш будущий учитель профессор Тимуран-аха⁶. Он окончил Тализийский университет, много лет преподавал там, потом судьба занесла его в Туранию, где он некоторое время был учителем одной весьма знатной особы, но после небольшого недоразумения попал в немилость и благодаря весьма неприятному стечению обстоятельств стал... – Тут отец замялся, а я разглядела на шее у старичка говорящий сам за себя ошейник и, не задумываясь, ляпнула:

– И стал рабом.

– Маленькая анна очень наблюдательна, а ее отец весьма говорлив. – С милой, как ему казалось, улыбкой скрипуче проговорил старичок. Но самое интересное, отец и не думал его одергивать, наоборот, как-то смутился, что ли. А потому закончил суетливо и скомкано:

– В любом случае, профессор будет тем, кто займется вашим образованием. Прошу Тимуран-аха, нас ждет возок. – И указал старичку на выход из зоны порта. – Сакол-аха, проследи за разгрузкой и оформлением документов. – Спohватившись, выкрикнул он своему боцману.

Каким бы маленьким и провинциальным наш городок не был, а имел нечто вроде погранпункта, где нужно было зарегистрироваться.

Когда мы приехали домой, отец так же церемонно, как и

⁶ Приставка к имени Аха – это проявление уважения к мужчинам в Эльмирантии, в последнее время входит в моду и в Турании.

нам, представил старичка жене и проводил в дом, где пообещал в ближайшее время освободить ему приемлемый для жизни угол (все же наш домик был слишком мал, чтобы без подготовки принять даже одного гостя), а чуть позже выделить свою комнату в новом доме. В общем, у меня сложилось стойкое ощущение, что или отец очень уважает этого старичка, несмотря на рабский ошейник, или этот профессор такой же раб, как я кальмар. И, судя по поведению этого самого профессора, второй вывод гораздо ближе к истине, хотя и первый не лишен основания. Тогда становился очень актуальным вопрос: что же он здесь делает на самом деле? Однако, похоже, мне нескоро удастся узнать на него ответ. В том, что я все же раскрою эту тайну, я не сомневалась.

Ночью, уже после того, как мама уложила нас с Мамуком спать, я снова прокралась к комнате родителей и, отодвинув занавесь, прислушалась. Некоторое время они обсуждали домашние дела и события, которые произошли дома за время отъезда отца. Но вскоре беседа свернула в интересовавшее меня русло.

– ...Ратмир, я, конечно, тоже уважаю старость, но ты сегодня очень странно себя вел с этим человеком. К чему все это? К тому же он раб. А это заявление, будто он будет учить обоих наших детей – какая-то ерунда! Ну, ладно Мамук, но Лейла?! – Сбивчивый и недовольный тон Малики выдавали ее непонимание и возмущение.

– Малика, не части! – немного раздраженно ответил

отец. – На все твои вопросы есть вполне рациональные ответы. Насчет старика могу сказать одно: ты должна относиться к нему почтительно и предупредительно, на людях играй роль хозяйки, но в доме он для тебя старший член семьи. Поняла?.. – Строго и требовательно говорил отец, что было не очень на него похоже.

Он редко разговаривал с женой в таком тоне. И это могло означать лишь одно: то, что он сказал, должно быть выполнено без каких-либо вопросов. Мама притихла и по спокойному тону отца, который продолжил отвечать на ее вопросы, я поняла, что она как минимум согласно кивнула.

– ...А что касается Лейлы, то я привез учителя по большей части только ради нее.

– Как? – вырвалось у мамы.

– Помнишь, незадолго до отъезда мы с тобой говорили о том, что она довольно необычный ребенок и скоро это будет все больше бросаться в глаза? Так пусть лучше это списывают на мои чудачества – ведь это я привез ей заморского учителя, который ее всему этому необычному как будто и научил.

Несколько минут в комнате стояла тишина, видимо, Малика переваривала папино высказывание. Наконец, она ответила:

– Ратмир, ты такой умный! Иногда я кажусь себе рядом с тобой такой глупой! И только и могу, что удивляться, как ты вообще взял меня в жены... – Она захлопала носом и запла-

кала. Я уже собралась уходить, когда мама вдруг резко перестала всхлипывать и очень серьезно спросила: – Ратмир, а этот старик... – она замялась, подбирая слова. – Он не ославит нашу девочку? Не пойдет болтать о ее необычности по всем углам?

Отец тяжело вздохнул:

– Я тоже думал об этом, но почти уверен, что профессора нам не стоит опасаться. Во-первых, он мне должен... сильно должен, а во-вторых – он увлекающаяся личность, а в Лейле есть нечто, что он захочет понять и разгадать... – Потом подумал еще немного и добавил: – Нет, с этой стороны Лейле ничего не угрожает.

– Ну вот, я же говорила, что ты у меня умный, а я... – Она заплакала вновь, громко всхлипывая.

Ну опять началось! Беременность давала о себе знать. В последнее время мама стала особенно ранимой, и выверты ее логики подчас вгоняли в ступор даже меня. А отцу и вовсе приходилось непросто. Но моя теория по поводу старичка полностью подтвердилась. Оставалось только надеяться, что он действительно чему-то меня научит.

Как в тот момент я была к нему несправедлива!

Профессор Тимуран оправдал все возлагаемые на него надежды. Поначалу он довольно скептически отнесся к идее обучать девочку и попытался соскочить на обучение Мамука, но очень скоро признал свою ошибку, сказав, что Мамук еще слишком мал, чтобы постигать науки, и он, так и быть,

немного помучается со мной. И я видела, что он реально настроился мучиться, так как начал со мной заниматься как с каким-то умственно отсталым ребенком. Уж я-то точно знала и эти речевые обороты и это выражение лица – сама когда-то собиралась учить деток младшей школы. У меня даже мелькнула мысль потроллить дедушку и немного поизображать ту, кого он во мне видел, но быстро ее отбросила. Не для того отец вез его через моря, чтобы я сейчас прикалывалась.

Так было поначалу. А потом он показал мне буквы и обозначение цифр. Письменность здесь оказалась несложной – никаких иероглифов или рун, единственным затруднением для меня стало, что в одних случаях буква обозначала обычную букву, а в других целый слог. Этот нюанс немного замедлил изучение, однако вполне бегло читать и писать я смогла уже меньше, чем через неделю. Зная язык, это оказалось несложно. Жаль только книг в нашем доме раз-два и обчелся, учебников вообще никаких, а профессор прибыл совсем без багажа, лишь в том, что было на нем.

Мои успехи в изучении письменности привели профессора в полный восторг, и он взялся за меня по-настоящему. Очень скоро убедившись, что с математикой у меня еще лучше, чем с письмом, он начал давать мне действительно сложные, по его мнению, задачи. Я щелкала их как орешки и поначалу даже опешила, когда узнала, что они предназначались для учеников первого и второго курса университета, в

котором он когда-то преподавал. Однако в геометрии дела у меня обстояли чуть хуже, мне пришлось привыкать к новым обозначением длин и углов, к тому же «открывать Америку» я не торопилась и решила изучить теоремы и постулаты этого мира, а не бросаться с головой в местную науку со своей Евклидовой математикой. Дедок и так начал странно на меня коситься, поэтому я даже не пыталась объяснять что-то новое для него и лезть куда-то в дебри. Гениальность гениальностью, а некоторые вещи лучше не светить вообще или выдавать малыми порциями.

Что было действительно интересного в наших уроках, так это история этого мира, география и социальное устройство стран. Я впитывала все эти сведения, как губка, и стоит отдать должное проффу: преподавал он на высшем уровне, повествуя о событиях не сухо и сжато, а на примерах и памятных исторических событиях. Конечно, бесчисленные имена королей и сановников укладывались в голову нелегко, но я и не стремилась запомнить их досконально, на что профессор хмурился и заставлял учить их по новой.

Видя, что я без каких-либо проблем усваиваю полученную информацию, он решил ввести в обучение сразу два языка: тализийский и туранский. В принципе, я ничего против не имела, но это уже совсем чуждые языки и письменность, поэтому изучение этих дисциплин застопорилось. Вернее, не застопорилось, а пошло по нормальному рабочему ритму, а не впечаталось в мою голову за неделю как, ви-

димо, планировал профессор. К тому же чем больше был срок беременности у Малики, тем больше новых обязанностей ложилось на мои плечи. Любые же оправдания в виде того, что я просто не успела, его не интересовали. Профессор так увлекся новой подопытной мышкой в моем лице, что уже явно начинал перегибать палку. Апогеем же всего стал сегодняшний разговор...

– Лейла, я думал, что ты будешь лучше стараться! – в запале выкрикнул профессор, после того как я сказала, что не успела выучить все заданные слова. Сорок штук, к слову. – Мне показалось, что вчера я донес в твою глупую голову важность учебы.

Ааа, да-да, помню я этот получасовой спич о том, что с моими возможностями, а вернее – таким учителем, как он, можно чуть ли ни весь мир захватить, то есть, в его интерпретации – поразить всех своим гением. А я, мол, такая-рас-такая, своего счастья не ведаю и недостаточно выкладываюсь на ниве его экспериментаторского воодушевления, ведь так интересно – сколько же знаний влезет в эту маленькую головку? Сказал он все это, конечно, не так, но смысл был именно таким.

– Уважаемый профессор... – начала я в попытке оправдаться – мне вчера пришлось весь вечер помогать Малике по дому, у нее в последнее время стали сильно отекать ноги, и я просто не могла оставить ее одну на хозяйстве.

Старик уже набрал в легкие воздух, чтобы, перебив меня,

разразиться очередной отповедью, когда о косяк постучали, и в гостиную, откинув полог, вошел отец.

– Добрый день, профессор! Привет, сердечко. – Поздоровался он и тепло мне улыбнулся. – Так и знал, что найду вас здесь. Надеюсь, я не сильно помешал вашим занятиям?

– Да о каких занятиях может идти речь?! – снова сел на своего конька профессор. – Если она не учит элементарный минимум, не готовится к занятиям и вообще игнорирует слова своего учителя!

Отец опешил от такого напора, а я начала закипать практически в прямом смысле этого слова – почти ощущала, как внутри все клокочет от несправедливости обвинений, и скоро мне сорвет крышу.

– Лейла, – недоверчиво обратился он ко мне, – почему профессор тобой так недоволен? Я хотел обсудить твое предложение насчет кофейни, но в свете того, что только что услышал...

– Ну-ка, ну-ка, что за кофейня? – тут же среагировал противный старикашка.

Я же стояла и только беззвучно открывала и закрывала рот.

– Ну, – все еще растерянно проговорил отец, – Лейла предложила открыть гостиный двор, где будут подавать кофей и сладости ее собственного изобретения.

– Что? – взбеленился профессор. – Кофей? – Хотя этот напиток в Фархате и назывался по-иному, с моей легкой ру-

ки все, кто хоть раз слышали это новое название, тут же принимали его как более подходящее. Только вот обычное «кофе» уступило более певучему «кофей». – Да что эта малявка знает о кофее? Его приготовление – это целый ритуал! А сладости? Вы что, на полном серьезе хотите сказать, что она может приготовить нечто, что может хоть кого-то заинтересовать? Ратмир, не разочаровывайте меня! Призвание этой девочки совсем в другом! Ей нужно учиться!

Все. Клапан сорван, крыша улетела. Прощай родная, надеюсь, мы еще встретимся.

Раздавшееся шипение удивило даже меня, но я тут же поняла, что произвожу этот звук сама. Мужчины тоже обратили на это внимание и повернулись ко мне. А потому я остановилась и заговорила тихим, холодным и севшим от возмущения голосом:

– Вы старый, самовлюбленный, закостенелый и недалекий старикан! Вы судите людей, не желая знать ни причин, ни возражений, ни чужого мнения. Вы при помощи меня решили достичь какой-то своей цели – я это уже поняла. Однако спешу вас заверить, ваше неуместное давление, желание добиться всего и сразу, презрев мнение и возможности других людей, может привести только к обратному результату...

– Лейла! – воскликнул после моей тирады отец. – Ты что несешь? Как ты можешь так оскорблять профессора Тимурана?

Я перевела взгляд на отца и поняла, что он не на моей

стороне, и боль обожгла душу от того, что отец впервые в жизни встал не на мою сторону и даже не пытался меня понять. Конечно, трезвой частью своего рассудка, которая как-то обособленно взирала на развернувшееся действие, я понимала, что поступаю некорректно, разговаривая так с человеком в разы старше меня, но ничего поделать с собой не могла и как маленький ребенок тыкать пальцем в обидчика и кричать «он, это он, это все он!» не собиралась.

– Отец, а разве этот человек меня не оскорбил? Не зная, а вернее, не желая знать причин, приведших к тому, что я не доделала домашнее задание, он обвиняет меня в нежелании учиться. Разве не зная и даже не представляя моих возможностей в кулинарии, он не обидел меня своими высказываниями? И разве не отвергает он с порога идеи, которые не лишены смысла для других людей и отвержены им самим лишь потому, что он не допускает даже мысли о том, что кто-то может желать развивать свою личность в разных направлениях?.. – Я умышленно говорила много и сложно, чтобы эти двое вспомнили, что я не обычный ребенок, что могу излагать свои мысли вполне по-взрослому и что относиться ко мне нужно соответственно. Лицо же профессора от возмущения то краснело, то бледнело, он даже попытался что-то сказать, однако я припечатала: – И еще, отец, вспомни, что у тебя жена на сносях, и ей нужно все больше помощи, и спроси у глубоко уважаемого профессора, сколько он мне дает заданий!

После чего развернулась и, не слушая окликов, пулей вылетела из дома. Слушать, что они мне могут сейчас сказать, не было никакого желания. К тому же я ребенок, мне пока можно. Вот такая вот извращенная логика: относитесь ко мне как к взрослой, но я могу вести себя как ребенок.

Бежать куда-то за пределы дома я, несмотря на то, что была в растрепанных чувствах, не решилась, а потому забралась на яблоню позади дома. Дело в том, что, как и предрекал отец, к нам в город месяц назад ввели военный контингент, а вместе с ним повалило огромное количество другого народа. Ведь всю эту ораву нужно кормить, обслуживать и, конечно, продавать им товары. К тому же началась большая стройка, и по округе тут же прокатился слух о том, что в нашем городке планируется строительство большого порта и крепости для возобновления торговых и дипломатических отношений с Тализией. И в город начал стекаться рабочий люд, те, кого привлекли перспективы, а также жулье всех мастей и просто молодежь, искавшая приключений. Кругом маячило столько подозрительных личностей, а я уже успела привыкнуть к спокойствию прежнего болота, что выбегать куда-либо в таком состоянии не пожелала.

Отец был прав и в том, что купил землю подешевле за пределами города. Уже сейчас было видно, что город останется в своих теперешних пределах совсем недолго, да и его торговые партнеры тоже предугадали этот момент и выкупили рядом по большому участку земли и уже строили новые, бо-

лее представительные и богатые дома. Раньше ведь это и не особо было нужно – не перед кем было выпендриваться, так сказать, да и незачем. Сейчас же вопрос с домом повернулся уже другой стороной, ведь в город начнут прибывать другие купцы и знатные люди, с которыми нужно будет договариваться и наводить мосты, и если ты можешь продемонстрировать свой достаток и таким образом серьезность своих позиций, то это большой плюс. Вот и старались теперь господа местные купцы и мелкая знать – небогатая и, кроме как родословной, ничем похвастаться не могшая. Не считать же за серьезным состоянием небольшой доход, что приносили маленькие деревеньки, раскиданные в окрестностях города?!

Знать здесь наследовала титул от родителя или его дарил король, но непременным условием сохранить его было служение государству, чаще в военной сфере – здесь являлось большой честью служить своему отечеству. Большим плюсом и прибавкой к титулу в виде суффикса «нарам» было наличие своей земли, на которой работают люди, которые за это и платят подать. Эта земля передавалась только старшему сына, если были младшие, они отправлялись зарабатывать свой титул на государеву службу. За пренебрежение обязанностями перед государством титула лишали.

Так, думая обо всем подряд, постепенно я успокоилась и взглянула на вещи более трезво, без пелены бешенства на глазах. Н-да, рассорилась я с профессором знатно, да и с отцом нехорошо вышло... Он-то пришел поговорить насчет

кофейни, а из-за этого Фомы неверующего все мои планы, похоже, пойдут прахом. Да и обучение... Как? Ну как теперь с ним заниматься? Нет, извиняться я не собиралась и ни от одного сказанного в запале слова не отказывалась, но как же обучение? За те три месяца, что он здесь находился, я узнала в десятки раз больше об окружающем мире, чем за два года, что прожила здесь с момента своего попадания.

За такими вот невеселыми думами я и не заметила, как предмет этих самых дум меня нашел и, немного потоптавшись внизу, окликнул:

– Лейла, слезай, нам нужно поговорить.

На это я лишь фыркнула, но, подумав, все же спустилась вниз. Профессор мотнул головой, приглашая прогуляться до ближайшей лавочки.

Некоторое время мы сидели молча.

– И как вы меня нашли? – буркнула, чтобы хоть что-то сказать.

– Кирим, – лаконично ответил профессор.

Старый Кирим жил в семье отца со времен появления на свет деда Лейлы, то есть теперь моего деда, и был отправлен вместе с моим отцом то ли в совместную ссылку, то ли чтобы приглядывать за нерадивым отпрыском, который пошел против воли семьи.

Вновь восстановилась тишина. Признаться, я даже не представляла, как сложится наш разговор. Да что там разговор! Я не представляла, как его можно вообще начать! Но

профессор меня удивил. Заметно преодолевая собственное нежелание говорить, он произнес:

– Лейла, признаю, в чем-то я действительно был не прав.

От удивления у меня глаза на лоб полезли. Чтобы профессор да пришел извиняться?! Ничего подобного я даже представить себе не могла! Я видела, как тяжело дались ему эти слова, а потому, немного опомнившись, тоже решила сделать шаг навстречу:

– Ну и я признаю, что вы отнюдь не недалекий человек.

Старик пристально на меня взглянул, немного пожевал губам и спросил:

– Значит, от того, что я самовлюбленный и закорюченный, ты не отказываешься?

Я тоже пристально на него посмотрела и решила ответить честно:

– Дело в том, профессор-аха, что в своей недалекости вы меня уже разубедили, так как умеющий признавать свои ошибки человек явно не соответствует такому нелестному эпитету.

Старик на это усмехнулся и, прищурился глазами, выдал:

– Ладно, маленькая хулиганка, я пересмотрю график твоих занятий и домашние задания. Однако если ты и правда хочешь заниматься какой-то там кофейней, то тебе придется убедить меня лично, что это не пустая затея. Тогда я, так и быть, признаю свою неправоту и поговорю с твоим отцом по этому вопросу и даже помогу в реализации задумки.

Я не поверила своим ушам, но когда до меня, наконец, дошел смысл сказанного, я подпрыгнула на лавочке и, обхватив профессора за шею, звонко чмокнула в щеку:

– Профессор-аха, забираю свои слова обратно! Вы не самовлюбленный, не заостенелый и даже не старик, потому что лишь молодой сердцем способен выдержать выходки, подобные моей! Ждите! К вечеру я устрою вам настоящий праздник вкуса!

И, подскочив, бросилась в дом, услышав позади смущенное покашливание:

– Маленькая хулиганка...

Стоило признать скепсис профессора вполне обоснованным: за все это время он так и не успел попробовать ничего сладкого из моего меню, как, в общем-то, и кофе. Дело в том, что на меня разом навалилось столько обязанностей и учеба, что желания творить и удивлять особо не было, а кофе варить Малика запретила, так как от его запаха ее начинало мутить. Токсикоз. Но сегодня я собиралась сделать все, чтобы моя идея с кофейней выгорела, а потому первым делом направилась к маме и предупредила, что сегодня после обеда, который вот-вот должен был наступить, я займу кухню до самого вечера.

– А как же ужин? – возмутилась она.

Я задумалась. Еще и ужин на себя брать? Могу не успеть. Однако готовить с мамой – тоже не выход. Проф может решить, что это я ей помогала, а не наоборот, а это мне сейчас

ну совершенно не нужно.

На ум пришел довольно простой, но вкусный и сытный рецепт.

– Пирог с телятиной и булгуром⁷ пойдет? Ты же сама хотела что-то к ужину с телятиной приготовить, для того и купила ее сегодня у старого Рамзана.

– Но... я никогда не готовила такой пирог и даже не представляю, на что он будет похож... – возмутилась Малика.

– Мама, обещаю – тебе понравится! – Видя, что она совершенно не согласна ни с предложенным мною ужином, ни с тем, что я собираюсь самолично хозяйничать на кухне, я скривила просящую моську и запричитала: – Ну, пожалуйста! Мне просто необходима в полное распоряжение кухня! Я обязана показать этому профессору на что способна, иначе он назовет меня пустомелей и взъярится пуще прежнего!

Как только упомянула профессора, мама как-то даже подсобралась. Я видела, что она до сих пор не поняла, как с ним нужно общаться, но его заносчивая физиономия ее порядком раздражала, поэтому спустить его с небес на землю она бы не отказалась.

– Но, Лейла, как ты сама все это осилишь? Давай, я тебе помогу! Ты только скажи, что нужно делать.

Я уже и не знала, как убедить маму, что должна все сделать сама, но потом вспомнила неоспоримый аргумент:

⁷ Булгур – крупа из обработанной кипятком, высушенной и раздробленной пшеницы.

– Мама, чтобы утереть нос профессору, мне нужно приготовить кофе.

Малика непроизвольно сглотнула, но так просто сдаваться не собиралась. Спас меня, как ни странно, Кирим. И хотя он практически всю свою жизнь был рабом, никто в нашей семье его так не называл.

– Малика-ханан⁸, дайте девочке себя проявить. Если у нее не получится, накажете за высокое самомнение – будет ей урок на всю жизнь. А если все выйдет, значит вам будет за что гордиться дочерью. В любом случае стоит дать ей попробовать даже просто ради интереса – я еще таких детей не видел. И... —добавил он, – отдохнуть вам тоже не помешает.

Для молчаливого слуги подобные длинные высказывания были делом крайне редким, отчего поневоле все к ним прислушивались. Вот и Малика захлопнула открытый было для отказа рот, немного постояла с задумчивым видом и сказала:

– Хорошо, дочка. Но если тебе понадобится помощь – зови!

– Конечно, мамочка, спасибо тебе большущее! – Я обняла ее большой живот, откуда мне тут же прилетело прямо в ухо. – Эй! А мой братик настоящий шустрик, уже сейчас ищет общения. – Рассмеялась я, потирая щеку.

Взрослые тоже улыбнулись, и мама погладила живот:

– Откуда ты знаешь, что будет братик? Может, там сестричка сидит?

⁸ Ханан – уважительное обращение к женщине на территории Эльмирантии.

На это я лишь пожалала плечами и отмахнулась:

– Не знаю, мне просто кажется, что будет мальчик. А через месяц-другой узнаем так ли это.

На самом деле я точно знала, что будет мальчик. И знала стопроцентно, что если на свет все же появится девочка, я с уверенностью заявлю, что ребенка подменили. Самой страшно становилось, когда задумывалась о том, что когда я просто глажу кого-нибудь – начинаю понимать, что ему в данный момент больше всего хочется. Может, детская психика помогает, но мне даже нравилось это чувство... осознания. Раньше я все списывала на обычную интуицию, но чем дальше, тем понятнее становилось, что только интуицией все это не объяснишь.

– Мама, покорми меня, пожалуйста, пораньше, мне не терпится приступить к готовке!

Малика на это лишь покачала головой и пошла в кухню.

Пока я быстро поглощала мамин супчик и лапшу, в голове выстраивалось и вновь от металось меню. Наконец, я выбрала:

1. Яблочный штрудель. Подавать к столу можно и холодным, поэтому доставать из печи прямо перед подачей его не нужно, это прерогатива мясного пирога.

2. Панна-котта. Ее нужно сделать пораньше, чтобы успела остыть и немного постоять в холодной.

3. Эклеры. Аборигенам должно понравиться.

4. Компот. Детям и под пирог должен хорошо пойти.

5. Мясной пирог. Это на ужин. Готовить его нужно в конце, чтобы подать на стол горячим.

6. Салат из сезонных овощей. А куда ж без него родимого?

7. Кофе с корицей и ванилью. Его приготовлю перед самой подачей сладкого...

Прожевав последний кусок, я подорвалась с места, помыла посуду и принялась за работу.

Самым сложным в первом пункте, как это ни странно, было вымесить тесто. В прошлой жизни замесить туго и раскатать тонко для меня не было никакой сложности, но здесь-то мне всего пять лет, и ручонки, да и силенки в них, отнюдь не те. А перемолоть в полотенце скалкой миндаль? Эх, сила моя силушка, где ты?! В общем, упарилась я знатно, но все же засунула в печь противень со скрученным штруделем. Отдельным геморроем стало не сжечь свое творение. Печь – это не духовка с автоматическим выставлением температуры и времени. Но некоторый опыт обращения с этим сложным агрегатом я уже имела, поэтому надеялась со всем управиться.

Оглянувшись на грязную посуду и стол, я отчетливо поняла, что если хочу сегодня все успеть и не пасть смертью храбрых, то мне просто необходим помощник, причем такой, которого невозможно заподозрить в том, что это все приготовил он. Идея осенила внезапно.

– Кирил-аха, Кирил-аха!

Я выбежала на улицу и увидела старика сидящим на ла-

вочке и починявшим какую-то обувь. Я всегда называла его уважительно – просто не могла по-другому, за что получала нагоняи от Малики, ведь в здешнем обществе проявлять уважение к рабу – это где-то за гранью. Хотя к Кириму и относились с уважением, это было все же уважение хозяина к рабу, а не равного к равному. Раб – это инструмент, и точка. Ну или, если точнее, нечто среднее между животным и человеком – как можно притеснять равных тебе людей и оставаться в белых одеждах? Ведь каждый из нас для себя хороший, добрый, умный и самый-самый, вот и была выработана целая рабская философия, взращённая не одним поколением эльмирантийцев, туранцев, фархатцев и жителей некоторых других королевств. В Тилизии и Фаргоции, к слову, рабства нет, что невольно прибавляло этим странам плюсов в моих глазах. Именно поэтому Малике и было настолько сложно привыкнуть к привилегированному положению профессора. Традиции – страшная вещь, и переломить их очень сложно. Тут уж скорее шею себе свернешь.

– А где Ромич? Опять козочек пасет? – спросила я.

– Нет, сегодня очередь соседского раба. – Я тут же вспомнила, что несколько ближайший дворов, которые держали коз, в начале лета объединились и теперь пасут животину по очереди. – А Ромича Малика-ханан послала насобирать абрикосов за городом.

Есть у нас тут небольшая абрикосовая рощица, почти дикая, куда вся ребятня бегают за сладкими плодами, только,

чувствует мое сердце, в скором времени и рощицу, и земельку вокруг выкупят, и халява закроется.

– А давно он пошел?

Старик ненадолго задумался, прикрыл глаза, подставил лицо солнышку:

– Да скоро уже и прийти должен. А вы что-то хотели, маленькая хозяйка?

К выканию с его стороны я уже привыкла, а поначалу меня это коробило. А потом подумала, что выказывать уважение имею право не я одна, и успокоилась.

– Кирым-аха, я поняла, что мне все-таки нужна помощь, и очень надеюсь на Ромича.

Старик поглядел на меня немного лукаво:

– А ты уверена, что тебе нужен именно Ромич? Может, позовешь мать? – Я даже задохнулась от того предположения, что пряталось за его словами. Кирым тут же поднял ладони вверх: – Лейла, я ничего плохого не имел в виду! Нужен Ромич? Хорошо, я отправлю его к тебе, как только увижу.

– Хорошо, – буркнула я немного обиженно, – спасибо.

И мухой метнулась обратно в кухню. Времени для пустых разговоров не было совершенно!

Панна-котту приготовила по уже отработанной схеме. Ромич к этому моменту успел появиться, и я загрузила его мытьем посуды и поддержанием огня в печи. И если кто-то думает, что после готовки грязной посуды остается мало, то он глубоко ошибается.

Первая партия эклеров сгорела, хотя я отвлеклась-то от печи всего на минутку, и ее пришлось безжалостно выбросить, хорошо хоть дым коромыслом еще не успел повалить, иначе на этом все мои кулинарные эксперименты и закончились бы.

А отвлеклась я всего лишь для того, чтобы насыпать сахар в кипящую для компота воду – я долгое время не могла понять, почему бабушкины компоты всегда были вкуснее, а оказалось, все дело в том, что до закладки фруктов нужно всыпать в воду сахар и немного покипятить, приготовив таким образом сироп! Ромич помог нарезать яблоки и абрикосы, а я бросила в напиток для запаха палочку корицы. Аромат стоял обалденный!

Пирог печь пришлось на противне. Жаль, здесь нет форм. Есть тандыр⁹, где можно готовить лепешки и нечто вроде лаваша, в которые местные заворачивают все, что угодно, но сегодня он мне не нужен. Когда у меня появятся привычные формы, я обязательно испеку невиданные здесь пироги, а пока тот, который я задумала, вполне можно выложить на противень общей массой. Мясорубки тут тоже еще никто не придумал, поэтому мясо пришлось резать на мелкие кусочки – тоже тяжелая работа для моих еще таких маленьких ручек, но и тут помог мой добрый помощник. Мальчик безропотно выполнял все, о чем я его просила, и периодически как-то

⁹ Тандыр – печь-жаровня, мангал особого шарообразного или кувшинообразного вида для приготовления разнообразной пищи у народов Азии.

странно на меня косился, а я была так занята, что внимания на это не обращала. Я смешивала, месила, взбивала... В общем, творила.

И пусть только кто-нибудь скажет, что готовка – это не процесс творчества. Конечно, разогревание в микроволновке или на сковороде творчеством не обзовешь никак, однако, делать что-то новое, или давно привычное старое вкладывая душу, фантазию, желание сделать приятно тем, для кого готовишь – по моему убеждению, и есть акт творения. И даже если у тебя не получилось с первого раза. Кто знает сколько набросков сделал Да-Винчи прежде, чем нарисовал свою Мону Лизу?

Умаявшись, я присела на лавку и только тут поняла, как сильно устала. Осталось нарезать салат, но силы как-то разом меня покинули, и я устало провела ладонями по лицу – все-таки я взвалила на себя немалую нагрузку. Но дело того стоило.

Внезапно я заметила, что Ромич как-то неуклюже вытирает со стола и усердно прячет взгляд.

– Ромич! – позвала я мальчишку, но он лишь быстрее заработал тряпкой и так и не обернулся. Поэтому я встала и подошла к нему. – Ромич, что-то случилось? – спросила и положила руку на его худое предплечье.

Он тут же его одернул и метнулся к двери, но там остановился и прислонился лбом к косяку. Однако меня повергло в шок не это. В тот момент, когда я коснулась его голой кожи,

вдруг почувствовала и увидела то, что в это самое мгновение видел и чувствовал он. А он был не здесь – он был в воспоминаниях о тех днях, когда был свободен, жил со своей семьей в доме в Фаргоции и вот так же, как сегодня мне, помогал матери и старшей сестренке по кухне. Хотя какой помогал? Скорее, путался под ногами – ему тогда и было-то всего четыре годка. В его воспоминании не было четких лиц, лишь светлые смазанные ареолы на их месте. И как-то так получилось, что в этом его воспоминании лицо старшей сестры и матери со временем все больше и больше стало напоминать мое. И столько в этой внутренней картине было света, любви, отчаяния и тоски одновременно, что меня как волной захлестнуло этими переживаниями. Я метнулась к мальчику, обняла его за талию и разрыдалась, шепча как ненормальная:

– Ромка, Ромочка, все будет хорошо! Ты верь, ты только верь!

Мальчик на некоторое время окаменел, а потом обернулся, сел на корточки, обнял меня и заплакал, уже не таясь. Мы цеплялись друг за друга, как утопающие за соломинку. По сути, я была таким же оторванным листком, как и он, однако мне повезло гораздо больше: у меня появилась новая любящая семья и новый шанс на жизнь. А у него? Что было у него? Рабский ошейник и такое же отношение к нему людей, ничем от него не отличающихся. И пусть в нашей семье никто его не притеснял и на тяжелые работы не отправлял, но по-человечески относилась к нему только я. Уж слишком

сильны здесь традиции.

Первым, как и положено, взял себя в руки Ромич и начал, успокаивая, поглаживать меня по спине. Тут уж я тоже пришла в себя и даже удивилась силе и внезапности захлестнувших меня чувств. Это на меня мало похоже, а потому странно, и одной эмпатией это не объяснить.

Мы робко посмотрели друг на друга и... лишь слабо улыбнулись, испытав неловкость, и расцепили объятия. Я достала из кармана платок, вытерла слезы и сопли. Ромичу для этой процедуры хватило собственного рукава. Я на это неодобрительно покачала головой, он лишь пожал плечами. В этот момент мы оба почувствовали, что между нами протянулась невидимая, но очень прочная нить доверия. Отчего на душе стало тепло и радостно.

– Ой, пирог! Пирог нужно достать! Ромич, помоги – противень очень тяжелый!

И мы понеслись к печке. К счастью, пирог даже пригореть не успел, но зато источал одуряющие ароматы.

Салат мы сделали быстро. А потом я отрезала Ромичу и Кириму по большому куску пирога, положила салат и сладости, налила по кружке компота и отпустила парня ужинать. Обычно рабы едят после хозяев и часто совсем не то же самое, но я решила сделать исключение, ведь сегодняшней ужин готовила я, и могла с полным правом распоряжаться им по собственному желанию.

– Мама, уже время ужина? – Я увидела, как в кухню, при-

нюхиваясь, вошла Малика. – Можешь не осторожничать. – улыбнулась я. – Кофе я еще не готовила...

– А чем так вкусно пахнет?

– Мам, накрывай на стол, будем пробовать мой мясной пирог...

Вопреки традициям, ели мы все вместе. Да, и другие иногда могли себе это позволить, но редко и скорее, как исключение. Отец рассказывал, что этот обычай ввела моя мать, так как на ее родине раздельное принятие пищи было знаком ссоры, а отец так ее любил, что решил пойти против своих устоев. Однако, вскоре сам оценил прелесть совместных обедов и ужинов, а потому позже приучил к этому и Малику, а когда появился профессор ничего менять не стал, так как на его родине это тоже было в порядке вещей.

Прошедший ужин я запомнила с трудом и даже как-то моментами. Все время слипались глаза. Но отвалившуюся от удивления челюсть профессора все же запомнила отчетливо, как и посетившее меня чувство удовлетворения, когда все домочадцы запросили добавку. Помню еще, как отец горделиво произносил в мою честь тосты, а профессор с воодушевлением жевал и только кивал в так его словам и как-то недоверчиво косился в мою сторону. Малика же явно была в полнейшем шоке и на все каверзные вопросы профессора о том, не помогала ли она мне, лишь отвечала, что такие блюда вообще видит впервые!

Сама же я практически ничего не ела. Слишком устала. И

остатки сил уходили на то, чтобы держать глаза открытыми. Однако, с кофе профессор в этот день пролетел, так как я все же уснула, отключившись прямо там за столом.

Глава 5

Я стояла за стойкой своей собственной кофейни. На стульчике, конечно. Ведь хозяйке заведения нужно хотя бы выглядывать из-за этой самой стойки. Стояла, вдыхала аромат свежей выпечки и кофе и радовалась, что этот суматошный месяц, наконец, подошел к концу.

За это время мы успели переехать в новый дом, пристроить к старому несколько комнат и залов для кофейни и найти хорошую семью, которая и будет заниматься этой кофейней, ведь я в своем теперешнем возрасте такой воз просто не потяну. Это милое семейство приехало в наш город совсем недавно, отец был с ним знаком и с удовольствием предложил работу и кров. Да-да, мы поселили их в нашем старом доме, который теперь стал кофейней.

Сама я стала консультантом, помощником и просто символом заведения. Вот! Да и саму кофейню назвали в честь меня, вернее, моего десерта. Так уж получилось, что в рекламных целях я решила угостить друзей панна-коттой или сливочным мармеладом, как я его здесь переименовала. Особенно по вкусу десерт пришелся маленькой Зайре, которой совсем недавно исполнилось два годика. Съев свою порцию, она подбежала ко мне и начала тыкать в руки кружечку со словами «Лейма! Лейма! Дай!» Это меня местная малыш-

ня так называет. А те, что постарше, возьми и приколись:

– Да, Лейла, дай ей Лейму.

Так и приклеилось, а профессор усугубил, предложив назвать кофейню «Лейма». Для тех, кто не посвящен, ничего не значащее название, а для меня – очень символичное, ведь это самое первое, что я привнесла из своего прежнего мира.

И сейчас, перед самым открытием заведения, мне вспоминалось то утро, когда профессор Тимуран-аха, наконец, попробовал сваренный мной кофе. Он сидел на лавке в кухне и недовольно смотрел на меня. Я молчала в ступке зерна кофе и недоуменно на него поглядывала:

– Профессор-аха, вы чего такой недовольный, неужели вам вчера совсем не понравилось то, что я приготовила?

На самом деле я прекрасно знала, что вчера уважаемый профессор просто непозволительно объелся и оттого полностью ворочался с боку на бок, не в силах переварить то, что в себя впихнул. Все это с самого утра мне, тихо хихикая, поведала мама.

– Что? Правда? – спросила я. – А откуда ты знаешь?

Мамина улыбка тут же притухла, и ей пришлось сознаться:

– Лейла, таких необычных и вкусных блюд я никогда раньше не пробовала. Ты просто молодчинка! Но я тоже объелась и обпилась... В общем, у меня была возможность услышать кряхтение профессора.

Не выдержав, я расхохоталась. И вот сейчас, глядя на эту

хмурю мину не смогла смолчать.

– Понравилось. – Неохотно сознался он. – Только ты ведь хочешь открыть кофейню, верно? Кстати, кофейня от слова кофей?

– Угу. – Подтвердила я, и моя веселость тут же поутихла.

– Ну и где мой кофей? – сварливо спросил он.

Теперь уже я хмуро на него глянула и продолжила измельчать зерна еще настойчивее.

– Сейчас будет, – буркнула я в ответ.

Еще вчера я хотела сварить кофе с корицей и ванилью, а сейчас, глядя на хмурого не выспавшегося профессора, решила предложить ему другой вариант: кардамон и молотый мускатный орех. Как говорится, только жечь, только хардкор. Шучу, конечно, но этот вариант как-то больше подходил случаю. Эх, жаль, нет здесь турки, только кастрюлька. Но, как говорится, что есть, то есть.

Поставив кружку кофе перед профессором, я стала с любопытством за ним наблюдать. Сначала он сделал вид, что содержимое его совершенно не интересует, потом принялся, а затем с таким видом, будто делает мне огромное одолжение, отпил глоточек. Все-таки этот старикашка временами бывает вредным до безобразия! Потом он отпил еще глоточек и еще, а потом сказал:

– Что ж, Лейла, если будешь готовить мне подобный кофе каждое утро, я не только помогу тебе с кофейней, но еще сделаю все, чтобы о ней заговорили.

Не поверив своим ушам, я подскочила на месте и, воздев сжатые кулаки к небу, радостно закричала:

– Да! Да! Да!

Профессор улыбнулся:

– От твоих сладостей я тоже не откажусь, только, пожалуй, теперь буду соблюдать меру.

И кто бы мог подумать? Он действительно принял деятельное участие в строительстве кофейни. У меня возникло подозрение, что ему просто некуда было больше приложить свою кипучую энергию. Ведь и в проектировании нашего нового дома он принял, пожалуй, куда большее участие, чем мой отец. И стоит отдать должное – дом получился замечательным! Но самое главное – с секретом, и даже не одним. Эти секреты мне, после некоторых раздумий, открыл отец, но предупредил, что о них никто не должен знать, даже Малика. Меня, конечно, удивило, что он решился доверить эти тайны мне, а не жене, но я промолчала и лишь кивнула головой в знак согласия.

Но сейчас не об этом! Сегодня первый день работы моей кофейни! Причем все, что сделано или еще будет приготовлено в этом месте, будет сделано исключительно по моим рецептам! Эту новость уже несколько дней разносят по всем углам мои друзья-товарищи с Мамуком во главе. Как они мне доносят, взрослые были в недоумении, и я надеялась, проснувшегося любопытства им хватит, чтобы все-таки заглянуть ко мне на огонек. Хотя наверняка и отец с матерью

поучаствовали в этой своеобразной рекламной акции. Но когда я заикнулась о более масштабной кампании с плакатом на площади и листовками, отец посмотрел на меня странным взглядом и ответил, что тратить бумагу на подобные вещи слишком расточительно, не говоря уже о целом плакате.

С этим я, пожалуй, в запале мозгового штурма и правда загнула. Бумага здесь стоит очень дорого, пергамент дешевле, а если брать действительно качественные экземпляры, то их стоимость была по карману очень немногим. Даже учиться писать мне приходилось на залитых воском табличках. Воск для этого делали с какими-то примесями, которые не давали чернилам сворачиваться и позволяли легко стереть написанное. Поверхность, конечно, царапалась, перья от моей неуклюжести от непривычки ломались, но и то и другое было просто исправить. В своем мире, я о таком способе учиться писать не слышала, но удобно и дешево, ничего не скажешь.

Я предлагала отцу устроить в первый день бесплатное угощение и какие-нибудь увеселительные мероприятия. Однако и эта идея была отмечена как нежизнеспособная, так как местные просто не поймут ее и скорее будут шарахаться. Да, не доросла еще эта цивилизация до агрессивного маркетинга и рекламы. Хотя, может, это и к лучшему.

Уже целых пять минут, как кофейня «Лейма» официально открылась, но, кроме меня и Сэйры, в зал еще никто не пришел. Сэйра – моя помощница, опора и вообще главная в

этом заведении. После меня, конечно. Хотя кого я обманываю? Главной меня, пожалуй, считает только сама Сэйра, и то потому, что лично училась у меня готовить новые блюда. Даже ее муж Ренат, тринадцатилетний сын Арават и десятилетняя дочь Айла считают, что устроители всего – мои отец и мать, а что я делаю во всей этой затее с кофейней, для них загадка. Ну не верят они, что даже сама идея кофейни исходила от меня – пятилетней девочки. А ведь я еще озаботилась тем, чтобы отец по моим рассказам и даже чертежам заказал у кузнеца, горшечника и столяра все, что я посчитала необходимым для создания своих кулинарных шедевров и соответствующей атмосферы уюта и уникальности своего заведения. Например, такой маленький штрих, как одинаковые переднички и шапочки для персонала, здесь оказались новаторством, хотя проф и утверждал, что нечто похожее уже видел в дорогих ресторанах Тализии.

Ничего, пускай все считают, что мое присутствие в заведении и авторство рецептов всего лишь блажь отца и матери, пускай! Главное, чтобы пришли и попробовали, а там видно будет!

Родители и знакомые, конечно, обещали прийти, но чуть позже. Я еще с вечера осталась здесь и вместе с Сэйрой и Айлой готовила сладости и компоты для сегодняшнего дебюта, давала последние наставления по приготовлению различных видов кофе и чая. Как ни странно, но хоть чай – что зеленый, что черный – здесь вполне себе мирно существовал, и

до сих пор никто не додумался смешать его с другими травами, как и кофе со специями, в общем-то. Поэтому простой чай с мятой или чабрецом здесь стал чуть ли не открытием, а профессор почти каждый день требовал кофе с разными специями. Что-то ему нравилось, что-то нет, он стал для меня в этом вопросе главным экспертом и советчиком, но вот добавлять в кофе молоко считал чуть ли не кощунством. Но тут уж я его слушать не стала и все же внесла его в меню.

Меню! Это отдельная песня. Главной проблемой стало то, что читать здесь умеют в основном мужчины и многие очень посредственно, поэтому наличие меню как такового отнюдь не значило, что кто-то что-то в нем поймет, да и сама бумага – дело дорогое. Поэтому я придумала поставить на прилавок нечто вроде витрины, на которой выставлять по кусочку того, что будет сегодня в меню. Сначала меня не поняли, но примитивный чертеж с занавесочками от мух вместо стекла, помог понять в мой замысел.

С видами чая и кофе оказалось сложнее, тут пришлось полагаться на говорящее меню, которым пока будут служить Сэйра и ее семья. Этого вполне должно хватить, ведь залы мы сделали маленькими – в двух комнатах стояло по три столика, и их обслуживание не должно забирать много сил. Но в будущем, если все сложится, залы планировалось увеличить.

Меню я все-таки написала. На восковой дощечке, на которой сама и училась писать. С одной стороны – недорого, а с другой – удобно, ведь написанное можно менять хоть каж-

дый день, в зависимости от ассортимента. С ценообразованием помог отец. Выходило не так чтобы дешево, но и не очень дорого. В общем, по моему глубокому мнению, все должно получиться!

Должно! Просто обязано!

Но почему же тогда никто не идет? Может, нужно было открываться не в десять, а в одиннадцать? Уже десять минут прошло... пятнадцать... Я нервно забарабанила пальцами по столешнице. Сэйра удивленно на меня покосилась и хотела что-то сказать, как в кофейню зашел... солдат, а может, офицер – я в иерархии местных военных не разбиралась. Вот кого точно не ожидала сегодня здесь увидеть. Конечно, сейчас военных в городе развелось как мух, но ведь по всем канонам они должны предпочитать гостиные дворы, где наливают спиртное.

Тем временем военный заговорил:

– Добрый день! Сможете покормить завтраком голодного офицера?

– Сэйра растерялась и неуверенно сказала:

– Но уже поздно для завтрака.

Для завтрака и правда было поздно. Вставали здесь с петухами, а потому десять часов утра, скорее, можно назвать предобеденным перекусом.

– Ох, девушки! – подмигнул он мне и обаятельно улыбнулся. – Для меня утро сегодня настало именно сейчас. Я сменился после ночного караула, дотащился до своей комна-

ты, которую снимаю здесь неподалеку, и заснул. Проснулся совсем недавно. И кушать хочется так, что не передать! Вот иду, смотрю, а вы уже открылись. Дай, думаю, зайду, может, чем накормят хорошие люди...

Видно было, что молодой офицер балагур и весельчак. Жалко было бы потерять такого клиента. Поэтому, оглянувшись и заметив, что Сэйра уже готова ответить отказом, ведь у нас и правда ничего, кроме сладостей, не было, я подпрыгнула на стульчике и быстро проговорила:

– Господин офицер! Вам как нашему первому клиенту я сделаю такой завтрак, о котором вы еще не слыхивали! Присаживайтесь. А Сэйра пока расскажет, какие напитки мы можем вам предложить.

Словив удивленный взгляд Сэйры, я, так же, как и ранее офицер, подмигнула ей и, спрыгнув со стула, побежала в кухню творить омлет с беконом, помидорами и свежим перцем. Слава Всевышнему, сейчас с овощами и фруктами проблем не было – осень на дворе. А ведь совсем скоро меню придется корректировать в соответствии с сезонностью!

Нехитрый с точки зрения любого современного человека завтрак здесь и правда оказался невиданной штукой. Яйца, конечно, готовили: и жарили, и варили. Но вот так – взбить с молоком и пожарить...

В общем, оставив немного Сэйре на пробу, я положила омлет на тарелку, украсила зеленью и, прихватив лаваш, отправилась в зал, где офицер уже, кривясь, потягивал кофе.

– Вот омлет. А кофей рекомендую попробовать с молоком, на первый раз вам должно больше понравиться. – произнесла я и метнулась за молоком.

Офицер съел все и явно не отказался бы от добавки. И я предложила ему попробовать что-нибудь из нашего основного ассортимента, и молодой человек самодовольно заявил, что перепробует все! Однако после штруделя, эклера и фирменного десерта «Лейма» передумал. Запил все компотом и сказал, с трудом вставая из-за стола:

– Спасибо, хозяйюшки-ханан! Так меня еще никто не угощал, даже в столице.

После чего положил на стол целый золотой, что сильно превышало стоимость того, что он съел. Снова мне подмигнул и ушел, сыто вздыхая.

Перевести дух с этого момента нам уже не удалось – народ, наконец, пришел знакомиться...

К концу суматошного, полного работы и впечатлений дня, я могла сделать однозначный вывод: открытие удалось! «Лейму» приняли! Это было видно по довольным лицам и хорошим отзывам – завистливые взгляды и ядовитые реплики некоторых кумушек я отнесла к этой же категории. Я была не просто довольна – счастлива! Ведь у меня получилось! Несмотря ни на что – получилось! И все благодаря моим родным и близким. Все-таки мне очень повезло с ними!

Домой меня отец нес на руках. Сама я передвигаться уже просто не могла. Мама шла рядом, переваливаясь уточкой и

держась обеими руками за поясицу. Было видно, что та ее беспокоит, так как временами по лицу пробежали гримасы боли. Слишком суматошным и тяжелым и для нее оказался этот день.

– Да, Лейла, навела ты шороху, – улыбаясь, признала она. Такого тут еще никто не пробовал и не видел. Ратмир, – обратилась она к отцу, – а ты видел, как округлялись глаза местных кумушек, когда они увидели, как ты говоришь, Лейла, у-ни-фор-му работников кофейни или полотенчики с вензелем кофейни? А как они удивлялись квадратным тарелочкам и прочим нововведениям! Не говоря уже о самих сладостях.

Говоря это, мама хихикала, забыв, как удивлялась и сопротивлялась всему этому сама. Сколько сил и терпения мне понадобилось, чтобы уговорить ее на все это! Ведь именно она помогала мне с пошивом формы и вышивкой логотипа.

Мы с отцом тоже улыбались и радовались, вспоминая каждый свое. Внезапно мама остановилась, ойкнула и с ужасом уставилась на нас с отцом.

– Ратмир, воды отошли... Я рожаю...

На отца в этот момент было жалко смотреть. Он элементарно растерялся и не знал, что делать: то ли бросать меня и хватать маму, то ли бежать в город за знахаркой, то ли тащить меня и дальше, то ли, то ли, то ли... На маму в этот момент тоже было жалко смотреть – она очень сильно испугалась. Врут, видимо, говоря, что второго рожать не страшно.

но. Как видно – страшно и очень, а в этом мире так и вообще любые роды – это не только рождение ребенка, но и самой матери. Нет здесь нормальной медицины, нет!

Похоже, спасти положение придется мне. Последний месяц для мамы выдался суматошным, а последние дни нервными, поэтому роды начались на пару недель раньше, чем планировалось. Но это, насколько я знала, нормально. Сейчас главное – все правильно организовать.

– Отец, поставь меня уже на землю и помоги маме добраться до дома. Я побегу за знахаркой.

Непонятно, откуда у меня взялись силы, но припустила я со всех ног.

Дома знахарки не оказалось, ее муж сказал, что она еще утром уехала в соседнюю деревню и раз до сих пор не вернулась, сегодня ее ждать уже не стоит. В отчаянии я выбежала на улицу и топталась на месте, не зная, что делать дальше. Внезапно кто-то ухватил меня за плечо и развернул.

– Привет, хозяйюшка! Ты что, здесь живешь? Только вот я тебя раньше не видел.

Оказалось, что ко мне обращается тот самый офицер, которого я накормила с утра омлетом.

– Нет, не живу. – Сдерживая слезы, проговорила я. – У меня мама рождает, а знахарка уехала. Уже и воды отошли!

– Нда-а... – Он почесал нос и медленно, явно раздумывая, произнес: – У нас есть полковой лекарь, только он вряд ли спец по родам – у нас некому рожать, – хмыкнул он. – Но

такой лекарь явно лучше, чем никакого. Верно?

– Спасибо вам большое, господин офицер! – искренне ответила я. – Но это же роды! Кто здесь его в такой момент к женщине допустит! – в отчаянии воскликнула. Этот вопрос мы с мамой уже давно обсудили, и я точно узнала, что лекари могут лечить что угодно, кроме женских заболеваний, и не могут принимать роды. Эта привелегия полностью отдавалась на откуп необразованным знахаркам. Вот где логика?! Женщина вынашивает и рождает детей, то есть будущее, а о ней и позаботиться никто не желает. Традиции, так их рас так, те самые, о которые скорее шею свернешь.

– Это да... – все так же почесывая нос, согласился офицер, а потом как-то встрепенулся и спросил: – Но ведь у твоей матери есть подруги, которые смогут ей помочь, а лекаря мы возьмем на всякий случай... для совета.

– Спасибо, господин офицер! – воскликнула я. – Есть, есть у мамы подруга! Давайте, я сейчас за ней побегу, а вы идите за доктором и ведите его в дом купца Ратмира сына Харуфа, что за старыми городскими стенами в самом конце улицы. – А потом смутилась, что раскомандовалась офицером, и смущенно добавила: – Так быстрее будет.

– Хорошо, хозяйюшка, – улыбнулся он краешком губ, – ждите, скоро будем.

На сердце немного полегчало, и я побежала к Эльмире – маминой подруги.

Имя Эльмира – самое популярное в Эльмирантии, что

неудивительно, поэтому куда ни плюнь, точно попадешь в Эльмиру. Именно поэтому мамина подруга предпочитала, чтобы ее звали Мира. Раньше мама как-то мало с ней общалась, может, времени не было у обеих, а может, у Миры интереса не было, что по моим внутренним ощущениям ближе к истине. Но с тех пор, как мы переехали, и у меня прибавилось хлопот с кофейней, именно она стала маминой палочкой-выручалочкой. Я иногда даже диву давалась, насколько эта женщина вошла в нашу жизнь за последние полтора месяца. Без нее матери было бы гораздо тяжелей. И вот, кажется, нужно вспылать к девушке искренней благодарностью, только почему-то не получалось. Я и так крутила эту мысль в голове и сяк, но никак не могла обосновать причину такого своего отношения. Может, я ревновала? Не знаю.

Подбежав, наконец, к дому Миры, я остановилась, опершись на ворота, немного отдышалась, а потом закричала:

– Тетя Мира! Тетя Мира!

Войти в калитку я поостереглась – у нее во дворе в это время гуляла спущенная с цепи злоющая собака Рэйка. И правильно сделала – за забором тут же раздался залиvistый лай. Наконец, меня услышали и, обругав пса, спросили:

– Кто там пришел на ночь глядя?

Я узнала голос тети Миры.

– Тетя Мира, это я, Лейла! Мама рожает, а знахарка в деревню уехала...

Та сразу поняла, зачем я пришла:

– Подожди меня, я сейчас платок накину, и пойдём.

Мира – вдова и мать той самой вредной девятилетней Руниры, которая прозвала меня лягушкой. Живут они вместе с родителями погибшего, как когда-то у Малики, мужа. Девушка она видная, и я не удивлюсь, если какой-нибудь вдовец и к ней скоро присмотрится.

Она вышла быстро, Рунира хотела пойти за ней, но та не позволила. И слава Всевышнему! Мне сейчас не до глупых детских пререканий, которые непременно последовали бы. Я вспомнила ещё об одном человеке, который мог бы сейчас помочь. И почему я не сообразила сразу? Видимо, от стресса, или потому что ассоциировала эту женщину не с мамой, а с кофейней.

– Тетя Мира, давайте ещё зайдём за тетей Сэйрой?!

Она быстро и остро на меня глянула и строго сказала:

– Она сейчас, небось, убирает тот бедлам, что остался после сегодняшнего открытия. Да и зачем её беспокоить? Сами справимся, незачем там столько народу.

И так она это уверенно сказала, что я даже была склонна согласиться, но, тряхнув головой, отмела нелепость этих слов:

– Мама рожает! Какая уборка?! Тем более нам по дороге. – И побежала вперед, оставляя Миру позади.

Сэйре ничего даже говорить не пришлось. Увидев запыхавшуюся и всполошенную меня, она сразу же обо всем догадалась.

– Малика?

– Ага.

– Вот как чувствовала, что ей совсем скоро срок придет, но надеялась, что все же не сегодня... – причитала она, вбегая в дом, чтобы предупредить мужа, что уйдет.

По дороге я быстро рассказала что и как произошло, не забыв упомянуть, что скоро к нам должен подойти и лекарь. Мира на это недовольно поморщилась:

– Я и сама справлюсь, нечего там делать мужчинам!

Я не стала ей говорить, что она не лекарь и даже не знахарка, чтобы так уверенно это заявлять, а лишь проговорила:

– Он не будет заходить в комнату к роженице, но сможет помочь советом.

– Вот и правильно, – поддержала Сэйра. – Пусть на всякий случай будет поблизости. Я до сих пор помню, как рожала Айлу. Тогда тоже знахарки поблизости не оказалось. Думала все, отжила свое, но Всевышний миловал. И если бы в тот момент за стеной сидел хоть завалиющий лекарь, я бы не так сильно переживала.

На это девушка лишь фыркнула:

– Очень удивлюсь, если твой отец позволит постороннему мужчине даже войти в дом!

Я промолчала, но про себя подумала, что отец не так глуп, чтобы отказываться даже от такой медицинской помощи.

Так и произошло. Когда я рассказала ему о том, что на подходе полковой лекарь, он лишь благодарно кивнул и, не

обращая внимания на возмущенное шипение Миры, провел женщин к маме. Меня внутрь не впустили – сказали, что еще слишком мала.

Что ж, не очень-то и хотелось. Вернее, хотелось, но было страшно, особенно когда мама стонала. В этот момент очень помог профессор, который взял меня за плечи и отвел в кухню, где уже сидели Малик и Кирым с Ромичем. Отец остался у двери спальни и расхаживал из стороны в сторону. Заставить его хоть немного успокоиться и присесть не смог даже проф.

В скором времени пришел офицер с лекарем, и я поняла, что совершенно не представляю, как представлять их отцу. Но они решили эту проблему сами: офицер назвался бароном Саргайлом Веренским, капитаном эльмирантийской армии, а лекарь – Хорвусом, сыном¹⁰ Вуркаса. Их приход помог отцу немного успокоиться. Мужчины засели в зале, куда я принесла им чай, кофе и сладости, к которым притронулся разве что лекарь. Хотя у них профессия такая, если постоянно находиться в напряжении, то никаких сил ни моральных, ни физических не останется.

¹⁰ *Человек не благородного происхождения может приставлять к своему имени слово «сын», но это обязательно только при официальном представлении. А вот благородный человек должен после имени указать место, чьим хозяином является: например, барон Саргайл Веренский – то есть барон Саргайл, управляющий Веренском. При приобретении других земель этот титул уже не меняется. Если же такой приставки нет, значит данный индивид – один из младших сыновей барона, находится на службе государству и собственного надела еще не имеет.*

Прихлебывая чаек, он и попросил:

– Деточка, позови ко мне, пожалуйста, одну из женщин, что помогает твоей матери.

Я кивнула и тут же отправилась за Сэйрой. Звать Миру, с ее отношением к врачам, не имело никакого смысла. Когда вошла, мама как раз отдыхала после очередной схватки, выглядела уставшей и перепуганной. Мира вытирала пот с ее лба.

– Тетя Сэйра, вас лекарь зовет. Он ждет в зале.

– Хорошо, пошли, – ответила та, освобождая пальцы из маминого захвата.

– Да-да, сейчас. Вы идите, а я немного с мамой побуду.

Я видела, что Мира хочет выставить меня за дверь, как, впрочем, и Сэйра, поэтому быстро подбежала к кровати и сама сжала мамины пальцы.

– Я не помешаю! Пожалуйста!

Женщины как по команде уставились на маму, но та, вопреки их ожиданиям, ответила согласием:

– Пусть останется. Когда Лейла рядом, мне спокойнее, – и слабо мне улыбнулась.

– Мамочка, все будет хорошо! – начала я свою жизнеутверждающую речь, когда Сэйра вышла из комнаты. Мира недовольно поджала губы.

В этот момент маму скрутила новая схватка. И я на автомате, как не раз видела в фильмах в родном земном двадцать первом-то веке, начала говорить:

– Дыши, мама, дыши! Сейчас все пройдет. – Как нужно дышать правильно, я себе представляла смутно, но старалась говорить уверенным голосом, стараясь вселить эту уверенность и в маму. – И тужься! Вот так, как будто хочешь сходить по большому. – Откуда эта мысль ко мне пришла, я уже и не помню, то ли знакомая рассказывала, как рожала, то ли где-то умудрилась вычитать. – И ноги, ноги в коленях сожми и расставь по шире. Вот! Ну чего ты так перепугалась, как будто Мамука и не ты родила?!

– Я. Только тогда я не знала, как это больно! И не так боялась последствий, – захныкала мама, у которой схватка уже закончилась.

– Ничего, немного помучаешься, и он вылезет на свет Божий, нечего бояться. Ты, главное, о себе подумай, чтобы не помереть ненароком. Сама знаешь, какие осложнения у женщин после родов бывают! Тогда-то и помирают чаще, чем во время родов, – невозмутимо толкнула речь Мира, а у меня аж в глазах потемнело от злости.

Так вот кто ей последние полтора месяца про эти самые последствия так усердно втолковывал! То-то я стала замечать, что у мамы в глазах все чаще стали появляться грусть и какая-то обреченность. Это ж на что она мою мать программирует?

Но возмутиться я не успела. Это за меня сделала Сэйра, вошедшая в комнату с ворохом пеленок и ножницами.

– Не говори глупостей, Мира! – строго сказала она, сверк-

нув глазами. – Иди лучше в кухню и принеси кипяченую воду!

Кипя от негодования, я обняла совсем павшую духом маму:

– Не слушай ее! У нас за стенкой настоящий лекарь сидит, он рассказывал, что в столице много раз принимал роды у женщин, и ни одна не умерла! – samozабвенно начала я сочинять. – Да-да! – видя в маминых глазах недоверие, смешанное с робкой надеждой, я поспешила сделать вброс новой информации. – Там нет таких сильных предубеждений против лекарей, и самые богатые дамы предпочитают рожать именно с ними, а не со знахарками! Так что не переживай! Все будет хорошо!

Эта речь немного приободрила маму, но ненадолго. Новая схватка и новый приступ боли вызвали слезы на ее глазах.

– Еще немного – и я возненавижу этого ребенка! Мне кажется, он специально меня мучает!

– Не говори глупостей! Ты представляешь, как моему братику сейчас самому там страшно и больно?! Он-то целых девять месяцев провел в тепле и уюте у мамы в животике, а теперь его лишили воздуха и выталкивают куда-то в холод и неизвестность!

Мама снова захныкала:

– Но почему же так больно?! В первый раз и то не так было!

На это я не знала, что ей ответить, поэтому просто поло-

жила руку на живот и почувствовала слабый ментальный отклик, полный страха.

– Мамочка, он чувствует тебя и ему тоже очень страшно. Подумай лучше, как ты его любишь, как оберегала все эти долгие девять месяцев! Подумай и пообещай себе и ему, что вы справитесь, что просто не можете не справиться, ведь вы вместе прошли такой долгий путь, чтобы сейчас сдаться!

Новая схватка, но уже совсем другой настрой.

– Ну же! Тужься! Давай!

Раздавшийся крик младенца, мамин плач облегчения и радостный возглас Сэйры «Мальчик!» слились для меня в один звук. А потом я поняла, что тоже плачу. Плачу от счастья, усталости и высвободившегося после пережитого страха облегчения. Это ведь я перед мамой старалась выглядеть уверенной, а на самом деле боялась за нее с малышом ничуть не меньше.

Сэйра обрезала и перевязала пуповину и положила новорожденного маме на грудь:

– Послед вышел полностью, так что осложнений быть не должно. Молодец, Малика, ты хорошо потрудилась, – ласково глядя на мать и дитя, проговорила Сэйра. – А теперь давай мы позаботимся о мальчугане...

После чего забрала малыша, обмыла теплой водичкой и запеленала. Потом также быстро женщины помыли и переодели маму, перестелили постель и уложили ее отдыхать.

– Отдыхай, Малика, ты заслужила. – Держа мальчика на

руках, проговорила Сэйра. – Лейла, Мира, пойдёмте! Дадим роженице отдохнуть.

Она вышла показать уснувшего малыша отцу. Я поцеловала маму и тоже пошла на выход, когда услышала:

– А я пока посижу рядом с Маликой. Первые сутки после родов самые опасные. Я прослежу, чтобы у нее не поднялась температура.

Мама на это лишь слабо, но благодарно улыбнулась Мире:

– Не нужно, Мира. Иди отдыхай, уже скоро рассвет, ты тоже устала.

Я же в этот момент для себя решила, что если она все же останется в комнате, то и я никуда отсюда не уйду. Но Мира, вопреки моим ожиданиям, с мамой согласилась и вслед за мной вышла из комнаты.

В доме, несмотря на поздний, хотя скорее, уже ранний час никто и не думал спать. После того как малыша определили в колыбельку, отец выставил на стол лучшее вино, женщины принесли закуски, и все принялись праздновать – в одном помещении, на чем настоял пьяный от счастья и совсем чуть-чуть от вина отец. Лишь маленький Мамук, скрутившись калачиком, заснул на диване. Глядя на него, я вдруг ощутила, как сильно устала. Веки налились свинцом и, присев с ним рядом, я также скрутилась калачиком и начала уплывать в сон. Где-то на периферии сознания слышались тосты и радостный смех. А потом кто-то с непривычным мужским запахом с примесью пороха поднял меня на руки, отнес в мою

комнату и положил на кровать. Дальше я отключилась окончательно...

Лиза сидела на краешке парапета моста и смотрела на весенний паводок. Было жутко и немного тревожно, но наполняло какой-то мощью и даже радостью.

Внезапно ее кто-то окликнул.

– Девушка! А, девушка! А что вы там делаете? Поверьте, не случилось ничего такого, чего нельзя было бы поправить!

Лиза с удивлением обернулась и увидела щуплого молодого человека, который вышел из машины и с расширившимися от тревоги глазами смотрел на нее.

– С чего вы решили, что что-то произошло? – удивилась Лиза. – Я просто смотрю на воду.

– Да? – Молодой человек заметно удивился.

– Точно вам говорю, – улыбнулась она в ответ. – Буйство стихии в чистом виде. Сами посмотрите!

Она взмахнула рукой и показала на воду.

В этот момент она что-то увидела в воде.

– Не может быть... Смотрите, там человек! Ребенок! Да что же это такое? – Воскликнула девушка, не в силах оторвать взгляд от мелькавшей под мостом макушки, которая с угрожающей скоростью неслась вперед, то пропадая, то вновь появляясь над водой.

Молодой человек подошел поближе и, побледнев, сказал:

– А я плавать не умею.

– А я умею, но здесь же так высоко...

– Мама! Мамочка! – еле слышно донеслось снизу.

И тут все переменялось. Привычный сон, в котором я каждый раз видела последние минуты своей прошлой жизни, изменился. Я поняла, что сейчас снова в том моменте. Именно я теперешняя, а не та девушка Лиза, которой я была тогда. Только теперь я не на мосту, а в реке, которая несла меня с огромной скоростью куда-то прочь, в бездну. Единственное, что я могла в этот момент сделать, это прокричать «Мама, мамочка!»

С этими словами на устах я и проснулась. Сердце бешено колотилось, а губы беспрестанно повторяли:

– Мама... мамочка...

Не особо думая, что же я в этот самый момент делаю, я подхватила с кровати и бросилась к той, о ком сейчас болело сердце – к маме.

В комнате, в которую я вбежала перепуганной птичкой, в свете послеобеденного солнца полулежала мама и, улыбалась, отпивала напиток, которой ей только что заботливо вручила Мира. Рядом в колыбельке посапывал малыш. Идеалистическая картина, призванная вызвать чувство умиления и спокойствия. Только почему-то у меня подобное чувство не проснулось. Возможно, виной всему был тот сон, который сегодня так разительно отличался от того, к которому

я за эти годы уже так привыкла. Возможно, вызванное им же напряжение и отчаяние, однако, не осознавая себя до конца, я подбежала к кровати и, запрыгнув на нее, крепко обняла маму, стараясь притушить набежавшие на глаза слезы и то чувство непоправимости и одиночества, что охватило меня совсем недавно.

Стараясь не расплескать на меня жидкость, мама попросила Миру подержать кружку и погладила меня по голове.

– Ну что ты, Лейла? Что случилось? Тебя кто-то обидел?

Я уже хотела сказать, что нет, никто не обидел, и что это мое состояние просто от дурного сна, но в это мгновение Мира взяла меня за руку и сказала:

– Лейла, отпусти маму, ей неудобно, и нужно выпить укрепляющий настой.

Меня окатила ненависть, холодная и тщательно скрываемая.

Ненависть к Малике, которая умудрилась отхватить себе такого выгодного мужа. И пускай это выяснилось лишь сейчас, но кого это интересует? Я, такая красивая, умная и хитрая, не смогу найти здесь такого выгодного жениха. Их много, только кому нужна нищая вдова с ребенком?

Ненависть к этой малявке Лейле, которая возомнила себя непонятно кем и уже в пять лет заставила отца открыть ей собственный гостинный двор – эдакую песочницу, где она тешит свое эго и выдает чужое за свое. А как же

иначе? Кто вообще может поверить в тот бред, что эта семейка так самозабвенное несет о ее талантах?

Ненависть к этому молокососу, который сумел-таки выбраться на свет, не убив при этом свою мать.

А ведь тогда все вышло бы просто замечательно!

Но больше всего меня снедала ненависть к Ратмиру. Потому что это именно из-за него мне приходится совершать то, что навсегда отвернет от меня лик Всевышнего. Но все это лишь слова! Слова, которые говорят все проповедники в храме. Сколько вокруг ходит воров и убийц? И что? Живут они уж точно лучше меня, еще и уважаемыми людьми считаются! Так что отвернувшийся лик я как-нибудь переживу. Я хочу пожить богатой и красивой жизнью. Хочу красивые наряды из дорогих тканей, хочу заморские диковинки, хочу рабов, которые будут выполнять любую мою прихоть, хочу... хочу... хочу...

И для этого всего пару раз нужно дать выпить этой удачливой свиноматке Малике настой розовой ружанки с большой концентрацией левмы и хвев – отличное средство для вызова внутренних кровотечений, да она просто истечет кровью! Мне о нем рассказала еще моя бабушка, которая таким образом дважды устраивала свою личную жизнь. Ведь это так естественно: умереть после родов. Вроде бы родила, и все хорошо, но осложнения, осложнения... Знахарки не знают, как с этим справиться, а вдовец будет рад перепоручить заботу о ребенке хоть кому-нибудь! И так

кстати подвернувшаяся подруга жены станет благословением небес! А после этого заставить его на себе жениться – дело времени...

Все это пролетело в моей голове так, будто это были мои мысли и желания. Горечь подступила к горлу, понадобилось несколько секунд, чтобы немного прийти в себя и осознать, что это не мои желания, не мои мысли и не мои устремления в жизни! Всевышний, что со мной только что произошло?!

Я подняла глаза на Миру и поняла, что только что повторилось то же самое, что происходило со мной во время приготовления того знаменательного ужина, когда профессор-таки признал мои таланты. Тогда, после того как я прикоснулась к Ромичу, меня унес водоворот чужих эмоций и воспоминаний. Но то были совсем другие чувства, и я не сразу поняла, что они были не моими. Да что там не сразу?! Только сейчас! Теперь же все встало на свои места. И я, наконец, смогла понять, почему, несмотря на все хорошее, что делала для нас эта женщина, я не могла относиться к ней так, как она вроде бы заслуживала. Неужели я и вправду чертов эмпат?

Немного прибита этим осознанием и все еще мучимая отголосками той душевной грязи, что скопила в себе Мира, я не сразу осознала, что та прямо сейчас собралась убивать мою маму!

УБИВАТЬ. МОЮ. МАМУ!

Как ошпаренная, я подпрыгнула на кровати и завопила:
– Отец! Отец!

От моего крика все вздрогнули, малыш проснулся, а в комнату ворвались отец с Киримом. А я вдруг, поняла, что не знаю что сказать. Правду? А как я ее объясню? Как я объясню им всем, что знаю планы Миры и что она прямо сейчас собиралась сделать? С какого перепугу им всем верить маленькой девочке, которая ни с того ни с сего начинает обвинять лучшую подругу матери в страшных вещах? Я в отчаянии закусил губу и решила, что все равно скажу. И пусть думают что хотят, но эту гадину я больше к матери не подпущу.

– Отец... – наконец решилась я, – эта женщина пытается напоить маму отравой.

Отец, замерший в это время на середине комнаты и судорожно пытающийся понять откуда исходит опасность, уставился на меня в нескрываемом удивлении. Потом перевел взгляд на Миру.

Наверное, будь у нее больше опыта в этих делах, ей удалось бы быстрее взять себя в руки. Однако вспыхнувшую в ее глазах панику и мелькнувшую там же ненависть она скрыть не смогла. Вернее, смогла, но не сразу. И этого хватило, чтобы отец мне поверил... ненадолго. Потому что пару мгновений спустя эта интриганка сделала скорбное лицо и запричитала о том, как несправедливо ее обвинили в ужасном! И кто? Девочка, для которой она так старалась стать стар-

шей наставницей! И в чем? В том, что она собиралась совершить страшное и неуютное Всевышнему дело! А ведь это всего лишь укрепляющий отвар! Слезы покатались из глаз Миры полноводным потоком. Она сделала несколько шагов, пытаясь покинуть комнату, и как бы ненароком споткнулась и разлила компрометирующую ее жидкость. Расплакалась с новой силой и, уже ни на кого не обращая внимания, кинулась вон из комнаты.

К моему немалому удивлению, Кирилл ее не выпустил. Он схватил ее за руку уже у самых дверей и спокойно, но твердо проговорил:

– Госпожа Мира расстроена, ей нужно прийти в себя. Пойдемте, я отведу вас в комнату, где вы сможете это сделать.

После чего вытащил злополучную кружку из ее другой руки и очень аккуратно, но настойчиво повел женщину прочь. Из коридора слышались вопли пришедшей в себя Миры:

– Отпусти меня, презренный раб! Как ты смеешь прикасаться ко мне своими грязными руками?! Ратмир, что творится в этом доме?!

Вопли потихоньку стихли, в колыбельке, немного поспев, снова уснул малыш, а мы с отцом продолжали смотреть друг другу в глаза. Наконец, не выдержала Малика:

– Лейла, что только что произошло? Зачем ты обвинила Миру в таких страшных вещах? Никогда прежде я не замечала за тобой такой жестокости. – растерянно проговорила мама.

– Малика, постой. Я думаю, сейчас Лейла нам все объяснит. – А потом он обратился ко мне: – Лейла, ты понимаешь, что выдвинула страшные обвинения? И без должных доказательств это выглядит... отвратительно.

А я смотрела то на отца, то на мать и не знала, что им ответить. Что бы я сейчас им ни рассказала, все будет выглядеть неправдоподобно и даже дико.

В этот момент в комнату в компании только что проснувшегося лекаря вошел Кирым:

– Господин, я подумал, что лекарю стоит осмотреть госпожу и, возможно, кружку с остатками отвара.

Немного подумав, отец благодарно кивнул старому слуге и обратился к лекарю:

– Хорвус-аха, не могли бы вы осмотреть мою жену и кружку, что держит в руках мой раб? Возможно, вы сможете определить, какой настой в ней был.

– Да, конечно, Ратмир-аха, – с поклоном ответил тот и без лишних вопросов подошел к маме. Лекарь отодвинул ей нижнее веко, пощупал пульс, положил руку на лоб, определяя температуру, и немного поспрашивал о самочувствии. – Малика-ханан отлично справилась со своей тяжелой задачей, и сейчас ей нужен лишь отдых. Никаких проблем, способных вызвать ухудшение ее состояния, я пока не вижу. А с чего, собственно, вышел такой переполох? Я слышал, кричала Мира-ханан...

– Я обязательно отвечу на ваш вопрос, но не могли бы вы

определить, что здесь было? – отец протянул ему взятую у Кирима кружку.

– А! Так вот откуда запах, который я уловил, когда прошел в комнату...

– Да, Хорвус-аха, совсем недавно здесь пролили это снадобье, – отец указал на лужу, которую еще не успели убрать.

– Поня-я-ятно... – задумчиво протянул лекарь. – Давненько я не слышал такого насыщенного запаха этой травки. Видите ли, это по сути совершенно безобидный ингредиент, но если используется в очень малых долях, так как имеет несколько очень неприятных свойств, если заваривать ее в большом количестве.

Отец нетрепливо перебил:

– Каких же?!

Лекарь нахмурился и, немного пожевав губу, ответил:

– Видите ли, я не могу разглашать подобные сведения, так как они могут принести потенциальный вред в будущем... Да и сама эта травка встречается так редко, что, специально не задаваясь целью, заварить ее в больших количествах практически невозможно... – развел он руками.

– И тем не менее совсем недавно отвар из этой, как вы выразились, безобидной травки был предложен моей жене в качестве укрепляющего средства! – явно скрывая обуревающие его чувства, возразил отец.

Лекарь снова задумался, вертя в руках злополучную кружку:

– У меня есть два варианта: первый – просто произошла ужасная ошибка из-за незнания свойств этой травки, ведь в малых дозах она и правда используется в общеукрепляющих отварах; и второй... – он немного помялся, но все же произнес, – вашей жене целенаправленно хотели причинить вред. – И тут же затараторил: – Но я слабо в это верю, так как подобные свойства трав изучаются в специализированных лекарственных институтах! И даже знахаркам подобные сведения никогда не передаются. Разве что кто-то случайно узнает...

– Я вас понял, – оборвал его отец. – Но все же хочу знать о том, что только что угрожало моей жене.

Лекарь вновь ненадолго задумался и решительно потрянул головой:

– Хорошо, но я расскажу об этом только вам, и вы пообещаете, что эти сведения больше никуда не уйдут и не будут использованы вами в личных целях.

Отец кивнул и сделал жест, приглашающий лекаря перейти для разговора в другое место. Я же осталась с недоумевающей мамой наедине. Что ей сказать? Как объяснить свои действия? Я не представляла.

– Лейла? – тихо, но требовательно позвала мама. – Объясни – что только что произошло?

Мне оставалось только тяжело вздохнуть и ответить так, чтобы минимизировать вред от своих объяснений:

– Понимаешь, мне приснился сон, что ты в опасности. Я не понимала, откуда она исходит, но с каждой минутой

тревога становилась все сильнее. – я запнулась, понимая, что ступаю на очень тонкий лед. – А потом пришло понимание, что мне нужно тебя спасти! Спасти немедленно, прямо сейчас! И тогда в моей голове отчетливо прозвучало «Проснись». И я проснулась и тут же побежала к тебе. Здесь, рядом с тобой, показалось, что все мои страхи – это лишь дурной сон. Но когда Мира взяла меня за руку и попросила от тебя отойти точно так же, как во сне, внутри меня прозвучал голос, и пришло понимание: «Эта женщина хочет отравить мою мать». – Я провела раскрытыми ладонями вдоль лица и сомкнула их под подбородком¹¹. – И я не могла молчать! Никак не могла! Понимаешь?

Я, наконец, подняла на нее глаза и испытующе в них заглянула. Подобное объяснение прозвучало как нечто мистическое, намекающее на чужую волю и проведение. Я подумала, что один раз уклон в мистику и намек на Всевышнего мне уже помогли, когда пришлось объяснять свои познания в некоторых областях, в том числе в кулинарии, так почему бы не сослаться на это и сейчас? К тому же дело и правда не обошлось без высших сил. Правда, я была совсем не уверена, что именно они дали мне эти эмпатические способности. Да я вообще ни в чем не была уверена, когда дело касалось этих самых высших сил и Всевышнего, которому здесь поклонялись.

Мама пристально смотрела мне в глаза. Я видела, что

¹¹ Данный жест – аналог того, как христиане крестятся.

внутри нее идет нешуточная борьба. Видела и понимала, именно в эту самую минуту решалось не просто поверят мне или нет, сейчас решалось, будет ли в семье все как прежде: доверие, любовь, понимание. И больше всего я боялась, что то, о чем я сейчас ей рассказала, на фоне всего, что уже было мной совершено, может заставить ее меня бояться и сторониться. Ведь люди всегда боятся неизведанного и непонятного. Сердце защемило от понимания того, что Малика, ставшая мне настоящей матерью, может испытывать по отношению ко мне страх...

Мама все молчала, а меня потихоньку охватывало отчаяние. Неужели прямо сейчас я снова лишусь матери? Неужели она отвернется от меня? Неужели на этом и закончится то счастье, в котором я купалась последнее время? Неужели...

В маминых глазах набухли слезы. Сморгнув их, она крепко-крепко меня обняла и, укачивая, начала говорить:

– Лейла, солнышко, ну чего ты плачешь? Думала, не поверю? Дурочка... Я давно поняла, что Всевышний стоит за твоим плечом. Просто очень трудно принять, когда говорят, что твоя лучшая подруга хотела тебя убить. Проще поверить в другое. И проще и легче. – Она вытирала мои щеки, а я и не заметила, что слезы уже давно катятся из моих глаз.

А еще в этот момент я остро осознала, как мне повезло с матерью. Меня любили, несмотря на то что я не родная, мне верили, несмотря на зыбкость моих доводов, и от меня не отворачивались, несмотря на всю мою странность и непо-

нятность.

– Мамочка, я тебя очень сильно люблю, – наконец облекла я в слова все, что сейчас кипело в душе.

Так вошедший отец нас и застал: обнимающихся и плачущих. Ничего не говоря, он пересек комнату и обнял нас обеих. Некоторое время мы так и сидели, потом родители обговорили несколько домашних вопросов так, будто и не было сегодняшнего инцидента. А потом проснулся младенец, и отец передал его маме.

– Лейла, пойдем, не будем маме мешать кормить твоего братика.

Поцеловав ее напоследок, мы вышли из комнаты и направились в кабинет отца. Я знала, что мне предстоит разговор и с ним, но не знала, что ему говорить. Конечно, можно было рассказать ту же историю, что и матери, только мне казалось, что правильнее будет рассказать ему правду. Всю дорогу я терзалась, и как только вошли в кабинет, взяла отца за руку и заставила обернуться:

– Отец... – Я глядела ему в глаза и думала, как ему все объяснить. Как наяву видела перед собой все, что при прикосновении передалось мне от Миры. Видела и понимала, что не смогу рассказать отцу всю правду о себе. И не потому, что не найду слов, а потому что до чертиков боюсь увидеть в его глазах страх. Страх прикоснуться ко мне, страх меня.

В это мгновение в его сглазах и правда появился ужас и отвращение. Неужели он все понял? Неужели отвернется от

меня? С ног до головы меня окатил ужас.

– Что это было, Лейла? – наконец выдавил отец.

– Ч-что? – задала я дурацкий вопрос.

– То, что я только что увидел.

– Ч-что? – не менее оригинально продолжила я.

– Лейла, я только что почувствовал себя Мирой, – недоумевая, проговорил он. – Я ощущал ее мысли... ощущал себя ею.

У меня чуть глаза из орбит не вылезли:

– Папа, я, кажется, смогла передать тебе все то, что увидела и почувствовала сама.

– Не понял... – В глазах отца непонимание повышало градус.

А я решила, что раз сторел сарай, то гори и хата. И рассказала все, что сама успела понять о своих проснувшихся способностях. По мере моего рассказа страх и отвращение из глаз отца уходили. Видимо, их он испытывал не ко мне, а к тому, что мне удалось ему передать. Надо же, я, оказывается, могу и такое! Кто бы мог подумать!

– Лейла, твои способности... – отец замялся. – Они могут быть очень опасны, и в первую очередь для тебя самой. Понимаешь? – а потом обернулся: – Да что же это мы почти в самых дверях стоим?! Давай присядем...

В этот момент от кресла, которое было повернуто к окну, раздался знакомый голос:

– Да-а, это действительно может стать проблемой. – И из

кресла поднялся профессор собственной персоной. – Простите, Ратмир-аха, ждал вас, чтобы поговорить, и невольно стал свидетелем вашей беседы.

Картина Репина «Приплыли». Мы с отцом замерли двумя перепуганными статуями и откровенно не знали, что делать и как реагировать на внезапное появление профа.

– Эээ... – промямлил отец.

– Мда-а... – поддержала я.

– Ну что же вы застыли? Проходите, присаживайтесь. Нам всем нужно поговорить и обсудить все, что только что было озвучено. Признаться, нечто подобное я и подозревал. Нет-нет, – поспешил заверить он, увидев наши вытянувшееся лица, – не то, что у Лейлы дар эмпатии, а что у нее в принципе имеется какой-то дар.

– То есть вы уже давно догадывались, что я маг?

– не выдержала и задала вопрос я.

– Да какой ты маг? – возмутился профессор. – Ученые мужи уже дано доказали, что никакой магии не существует! – И замолчал, выдерживая эффектную паузу.

– А что же, по-вашему, такое мой дар, если не магия? – озадачилась я.

– Ничто иное, как простая способность отдельно взятой личности, – лекторским тоном ответил профессор. – Вот смотрите, что в представлении необразованного обывателя значит магия? Это все необычное, не укладывающееся в привычную картину мира. Однако с научной точки зрения

магия должна представлять собой некую совокупность действий и слов, обладающих чудодейственными свойствами, способными подчинить так называемые сверхъестественные силы. Что же мы видим на самом деле? – И снова эффектная пауза.

– Что? – Не стала я разочаровывать профессора.

– На самом деле, после детального изучения всех имеющихся данных о проявлениях дара, можно сделать вывод, что никакой общей тенденции нет.

– В смысле? – Не поняла я витиеватой фразы профессора.

– В том смысле, юная анна, что у каждого изученного индивида есть своя способность или особенность, и она не поддается никаким алгоритмам, то есть если что-то делает один человек, то другой, даже имеющий схожие способности, произвести их в той же последовательности или при помощи тех же способов, что и первый, не может.

– То есть?

– То есть каждый учится овладевать своим даром сам, – ворчливо пояснил простым языком профессор, раздраженной моей недогадливостью. – И даже если существует несколько человек с похожим даром, каждый из них имеет свои способы его активации и контроля. А потому ученым сообществом Тализии было принято, что магии как таковой не существует, так как не существует общих алгоритмов ее подчинения. А существует личная особенность отдельного человека.

Мы с отцом смотрели на профессора, приоткрыв рты. А меня мучил один очень важный вопрос:

– И что же, в Тализии на таких людей нет гонений?

Профессор немного смутился, но все же ответил:

– Видишь ли, Лейла, я этого не говорил. Просто сейчас к таким людям стали относиться терпимее, особенно в высших слоях общества – одаренные приносят очень много пользы, если работают на благо государства. Простой народ такой широты взглядов не разделяет. Да что там! Монархи многих стран думают точно так же! У меня даже по этому поводу вышел нешуточный спор с султаном Турании. – Профессор ненадолго ушел в себя, видимо, вспоминая тот конфликт. – Но, в любом случае, наш король делает все, чтобы одаренным, состоящим на его службе, жилось хорошо и вольно. – Мы с отцом призадумались, а профессор продолжил излагать новые для нас сведения: – Король Фаргоции, к слову, тоже уже ступил на путь привлечения таких людей в Национальный Тализийский университет. И имеет свою квоту в привлечении одаренных при их распределении.

– Не понял. – Встрепенулся отец. – Что это значит?

– А это значит, мой дорогой друг, что в этот университет могут поступать только отпрыски знатных и... или... очень богатых семейств, и без экзаменов берут любых одаренных, даже крестьян. Их обучают по индивидуальным программам. А что касается квоты, то пока в Фаргоцию каждый год уезжает один такой выпускник

Мы с отцом посмотрели друг на друга.

– И со сколько лет туда принимают учиться? – спросил он.

– С десяти, мой дорогой друг, с десяти, – грустно проговорил профессор.

– Но ведь это замечательно! – воскликнула я. – Я смогу получить образование и раскрыть свой дар!

На это профессор лишь тяжело вздохнул:

– К сожалению, имеется одно очень весомое препятствие, моя маленькая анна...

Он с грусть на меня посмотрел, сожалея о чем-то. Ни я, ни отец торопить его не стали, но нам очень хотелось узнать, что же это за препятствие. И, как это ни странно, одновременно хотелось оттянуть этот миг, чтобы не расставаться с только что появившейся надеждой.

– ...Туда берут только мальчиков, – оборвал проф все мои надежды одной фразой.

На несколько минут в комнате повисло молчание. Наконец, профессор снова его прервал очень злободневным вопросом:

– Ратмир-аха, а что вы собираетесь делать с этой интриганкой и несостоявшейся убийцей Мирой?

Отец вздрогнул и как-то разом потемнел лицом:

– К сожалению, я ничего не могу ей сделать. Лекарь против нее свидетельствовать не станет, так как не верит в ее виновность и считает все происшедшее простой случайностью. А показания Лейлы, как вы понимаете, не смогут стать

доказательством.

– Н-да, опасно оставлять за спиной такую змею... – протянул профессор.

– Опасно, – согласился отец, – но вариантов нет. Не будь у нее дочери, о которой надо кому-то заботиться... – глухо продолжил он. – В любом случае, я поговорю с ней так, что она на всю жизнь заречётся подходить к моей семье ближе, чем на полет стрелы! – жестко закончил отец.

На этом мы решили разойтись, но когда отец уже вышел за дверь, профессор попросил меня задержаться:

– Лейла, помнишь, ты просила меня позаниматься с Ромичем?

Признаться, это был очень неожиданный вопрос. Да, не так давно я просила профессора начать обучение Ромича, все-таки я чувствовала себя... не обязанной ему чем-то, просто очень хотелось помочь мальчишке, а умение читать и писать в любом случае будущем сослужит ему хорошую службу. Но проф даже слушать меня не стал, и я решила, что как только у меня появится лишняя минутка, сама буду с ним заниматься.

– Да, конечно! – недоуменно ответила я. – Только вы тогда на отрез отказались.

– Тогда отказался, теперь согласился. – Брюзжа проговорил он. – Скажи этому прохвосту, пусть подойдет ко мне, как только освободится.

– Спасибо! Профессор-аха, спасибо вам большое! – про-

сияла я и, подбежав к старику, крепко его обняла.

Тот немного покряхтел, выражая свое неодобрение моим поведением, но ругать не стал, а я видела, что он остался доволен моей реакцией.

– Ну все, беги, маленькая шикана.

Я уже собралась уходить, когда в голове возник вопрос:

– Профессор, а почему вы передумали?

– Почему-почему... – снова пробрюзжал он. – Захотелось!

Языки вам вдвоем будет быстрее и веселее учить. Понятно?

Все, беги давай, а то я могу снова передумать.

Я видела, что он не сказал мне правды, но перечить не стала. Мало ли, действительно передумает?

Глава 6

Три года спустя

Я снова стояла за стойкой, и мне не верилось, что сегодня исполнилось ровно три года со дня открытия моей кофейни «Лейма». Смешно сказать, но часто меня даже называли не Лейлой, а Леймой, особенно те, кто еще не успел со мной познакомиться. Хотя все чаще я слышала и другое прозвище, которое уже давно в обиходе у офицеров – они стали моими постоянными клиентами. И кто бы мог подумать, что эти brutальные мужчины окажутся такими сладкоежками! Вот они-то, хотя и под страхом смертной казни не признаются, дали мне подпольное прозвище Сладкая девочка. С одной стороны – приятно, а с другой – уж больно двусмысленно звучит. Чем они беззастенчиво и пользовались, чтобы подшутить над новыми сослуживцами. Это уже стало своеобразным билетом для принятия новичков в офицерское братство. Как только в крепость – да именно в крепость, потому что за эти годы наш городок превратился в настоящий портовый город с крепостью, под сенью которой он и раскинулся – прибывал новый офицер, эти обалдуи рассказывали ему о некоем заведении, которое делает их жизнь ярче и приятнее во всех отношениях, и что есть в этом месте осо-

бенная Сладкая девочка. И вот если за дело берется именно она, то жизнь действительно расцветает новыми красками и становится вкусной и сладкой! А уж если попросить ее о чем-то особенном, что она может... Ммм... Ну а прищмокивание губами и закатывание глаз довершали картину. В общем, можно представить с какими мыслями и в каком настроении этот бедолага, подгоняемый заботливыми сослуживцами, приходил ко мне в заведение. Я это все знаю, потому что однажды прикоснулась к руке одного из шалунов и считала лежавшую на поверхности сознания информацию. Когда же я попыталась высказать им по этому поводу свою претензию, то увидела лишь честные-пречестные глаза и заверения в том, что они и подумать не могли, что их безобидные слова кто-то может понять так превратно! Одним словом, цирк!

Я уже немного стала понимать свой дар и как он работает. Например, при кратком прикосновении я могу считать лишь то, что лежит на самой поверхности сознания, то, что практически выплескивается из человека. Но если хочу копнуть глубже, то для этого нужен более длительный контакт и сосредоточение. Но такие финты получались не всегда, да и не любитель я копаться в чужих жизнях. Так, попробовала несколько раз, чтобы оценить свои способности, и больше не экспериментировала. Чужая душа – потемки и, как говорится, меньше знаешь – крепче спишь. Да и зачем оно мне?

Колокольчик при входе в значительно разросшуюся со

дня открытия кофейню сообщил, что пришел новый клиент. Я подняла глаза и увидела барона Саргайла Веренского, капитана эльмирантийской армии, в компании лекаря Хорвуса, сына Вуркаса. Эти двое три года назад сильно поддержали нас, когда мама рожала, и мы все сильно переживали. С того времени они стали друзьями нашей семьи. И сегодня, судя по всему, пришли нас поздравить. Сэйра тут же пошла им навстречу, предлагая присесть за столик, однако Хорвус вытащил из-за спины букет и, подарив ей со словами поздравления, вместе с Саргайлом прошел к стойке, за которой я все еще стояла на стульчике, который был уже поменьше размером. Расту!

– Лейла, наша маленькая Лейма и вообще Сладкая девочка! – заговорил он, плутовато улыбаясь. И ведь знает, что я не люблю, когда меня вот так в глаза называют этим прозвищем! – Мы поздравляем тебя с днем рождения кофейни! – И вытянул из-за спины руки. В одной был еще один букет, а в другой – корзина с мандаринами, которые я очень любила и которые сейчас довольно трудно достать.

Невольно губы растянула довольная улыбка. На этого смешливого обаятельного брюнета с глазами-маслинами просто невозможно сердиться! Эх, где мои семнадцать лет?!

– Спасибо! – зарделась я, принимая букет. – Вам как обычно: завтрак и кофе со сладостями?

– Лейла, из твоих рук хоть яд, – тут же отозвался Саргайл. Я на это лишь фыркнула.

– Ну, яд Лейла никому не предложит, – улыбаясь, проговорила Сэйра. – А вот новый тортик и пирог на завтрак – вполне.

– Лейла, солнышко, я тебя люблю! – тут же заорал этот паяц.

А Сэйра огрела его полотенцем:

– Скажи спасибо, что ее отец этого не слышал... – сварливо проговорила она.

– А то что? Заставит жениться? – рассмеялся он в ответ. – Так я готов! Даже ждать сколько нужно готов! – проорал он громче, видимо, чтобы я его услышала, а то как раз отошла в кухню. Не дай Всевышний эти важные признания до меня не долетят! – Больше того: ради лейлиных пирогов я готов уничтожать всех ее воздыхателей, только, чтобы она обратила на меня внимание!

– Полгорода придется покалечить, – привычная к таким пикировкам, парировала Сэйра.

Я обычно в них не лезла. Почему-то при мне Саргайл вел себя вполне прилично, но вот так попикироваться, чтобы я слышала, но не участвовала, очень любил. А я довольно улыбалась – понравились местной публике мои пироги! К этому времени я уже ввела в меню линейку мясных, капустных и луковых пирогов. Каждое утро ими могли полакомиться все желающие. Могли бы, наверное, и после обеда, но пирогов к этому времени уже просто не оставалось. Вне зависимости от того, сколько их испекли. Я даже подумывала расши-

рить кухню и пригласить еще помощников. Взятых полтора года назад двух женщин уже не хватало, ведь нужно было не просто поддерживать ассортимент, но и выполнять заказы на дом – я приучила местных жителей к покупке еды на вынос.

А еще я ввела в обиход местных домохозяек мясорубку. О-о сколько нервов мне стоило создание этого нужного каждой домохозяйке артефакта! Самым проблемным, как ни странно, было объяснить кузнецу, что конкретно ему надо сделать. А потом еще убедить, что эту самую «несуразную кракозябру» делать все-таки нужно, а вот цену за свои услуги необходимо как-то убавить, а то получается не «несуразная кракозябра», а «золотая кракозябра»! И закавыка состояла в том, что объяснять ему лично я не могла: меня бы просто бы выставили вон из кузни и даже слушать не стали! Приходилось объяснять через Ромича. Я объясняла Ромичу, он – кузнецу, кузнец задавал вопросы, Ромич, не зная ответов, бежал ко мне, потом опять к кузнецу... Вот так и работали.

Конечно, если бы мне помог в этом вопросе профессор или отец, все бы было гораздо проще и быстрее, но папа был слишком занят какими-то своими торговыми делами. Да и в народе начали упорно ходить слухи о скорой войне с Фаргоцией, что не добавляло ему спокойствия. Но денег на это дело он мне выделил, не пожадничава. За что я была ему искренне благодарна! Профессор же, когда узнал, что агрегат нужен мне для кухни, наотрез отказался заниматься подобными вещами. Если бы перед этим я не рассказала ему о

принципе действия парового двигателя, то он бы очень даже заинтересовался интересной штуковиной, но мой довольно общий и практически не имевший деталей рассказ о якобы увиденном во сне агрегате ввел его в такое возбуждение, что он уже с полгода занимался какими-то чертежами и опытами, которые спонсировал отец.

В замечательном настроении я нарезала пирог и вынесла в зал, напевая переведенную песенку Мэри Поппинс:

Ах, какое блаженство,
Ах, какое блаженство,
Знать, что ты совершенство,
Знать, что ты идеал!

К сожалению, как раз это время выбрали горе-офицеры, чтобы притащить в кофейню своего неопита. Завидев толпу у стойки и уже зная примерный сценарий развития событий, я не стала даже подходить. Надоели, честное слово! Хотя бы сегодня не занимались этой ерундой! Поэтому к столику друзей я отправилась в некотором раздражении. Поставила перед ними их второй завтрак и пообещала лично приготовить кофе. Почему-то все упорно считали, что самый вкусный получается только у меня, хотя, по моему глубокому убеждению, Сэйра готовила не хуже.

По дороге в кухню меня остановил офицер. Он явно заподозрил, что сослуживцы его обманывают, но решил все же проверить. Признаться, парень меня впечатлил. Я таких в наших краях не видела: светлые, почти белые, волосы, во-

преки местной моде не были коротко обрезаны, а были заплетены в косу, однако, вопреки ожиданию, женственности ему не придавали. Глаза были темными, почти черными, хотя это могло мне и показаться, так как он стоял спиной к входу, и утреннее солнце обрисовывало его высокую гибкую фигуру, не давая отчетливо различить черты лица.

– Девочка... Девушка... – зачем-то поправился он, глядя мне в глаза. – Мне сказали, что здесь исполняют мои самые смелые мечты... – низким глубоким голосом заговорил он.

Сзади раздался приглушенный смешок и такие же приглушенные шикания, чтобы, не дай Всевышний, не спугнуть и не пропустить самое интересное. Наверное, если бы я на них хоть раз пожаловалась или высказала отрицательное отношение к подобным демаршам, то они бы и не подумали продолжать эти походы с новичками. Но мне нравилось чувствовать себя частью общности этих молодых веселых ребят, нравилось, что они почему-то считали меня своей, и нравилось некое чувство возврата к своему уже такому далекому прошлому. А наша разница в возрасте пока позволяла все свести к шутке. Хотя Сэйра относилась ко всему этому крайне неодобрительно.

А сегодня мне не хотелось играть в эти игры. Поэтому я обломала оболтусам весь кайф, просто ответив:

– Конечно, господин офицер, – улыбнулась. – В кофейне «Лейма» исполняются самые сладкие... кулинарные мечты. Что вы желаете? Сегодня в честь годовщины открытия на-

шего заведения могу предложить совершенно новый и еще никем не опробованный десерт – торт Эстерхази. А к нему кофей, скажем... – я задумалась, – ...с гвоздикой и корицей.

Офицер несколько мгновений не мигая смотрел на меня, а потом медленно перевел взгляд за спину, хмыкнул и сказал.

– Что ж, давайте попробуем, юная анна. Но учтите, если мои фантазии не будут удовлетворены... – Он снова хмыкнул и обернулся к сослуживцам, – я буду сильно разочарован.

На этот выпад я лишь фыркнула.

– И нам! Нам тоже тортик! Но для начала твоих пирогов и кофей! – послышалось из толпы офицеров.

Я решила, что с меня этих шуточек хватит, а то и правда, как говорит Сэйра, могут поползти ненужные слухи. Все-таки мне совсем скоро девять, а здесь это уже тот рубеж, когда девочка почти перестает быть ребенком. Поэтому ответила не им, а офицеру с белыми волосами:

– А вашим друзьям передайте, что раз они такие веселые и находчивые, то пусть исполняют свои сладкие мечты сами. Лавочка закрылась!

И направилась к кухне.

За спиной переглянулись и, быстро осознав угрозу, запричитали:

– Ну, Лейла, как же так?

– Мы так больше не будем!

– Поняли, исправимся!

- Лейла, мы уже не сможем без Леймы!
- И без твоего фирменного кофе!
- И без пирогов!
- И тортов!

Вопли продолжались довольно долго, но я не обращала внимания, варила кофе для друзей и незнакомого офицера и с грустью вспоминала Питера Пена, которому очень не хотелось взрослеть. Эх, какая я сегодня непостоянная! То где мои семнадцать, то где мои семь. Я улыбнулась и, выбросив из головы ненужные мысли, нагрозила поднос и снова пошла в зал.

А там уже ждала группа девушек, которых Сэйра проводила в соседний зал. Я с гордостью проследила за ними. Ох, и не сразу эта категория населения пошла ко мне в кофейню. Я уже даже подумывала убрать женский зал, когда потихоньку они начали заходить. И кто бы мог подумать, что их приведут вовсе не мужья и братья, а дети! Изредка я разрезала сладости на маленькие кусочки и несла на подносе местной детворе, которая частенько крутилась неподалеку. Им редкое угощение очень нравилось, и хотелось пробовать вкусняшки побольше и почаще, вот и тащили они своих мам в кофейню. А потом никого уже и тащить не нужно было – женщины стали с удовольствием здесь собираться. По-моему, чем дальше, тем больше они воспринимали «Лейму» как некий женский клуб, где можно было отдохнуть и поделиться своими достижениями или спросить друг у друга совета.

Подойдя к офицеру, я поставила перед ним тарелку с пирогом:

– Вам кофей сейчас подавать или вместе с десертом?

Внезапно он ухватил меня за руку и, рассматривая мои пальцы, спросил:

– Ты правда сама все это готовила?

Я растерялась, а потом в голове появилась смутная картинка...

Я в ареоле света, с нимбом светлых, чуть растрепавшихся волос стою перед ним и улыбаюсь. Мои глаза кажутся ему такими глубокими и притягательными, что слово «девочка», с которым он ко мне обратился, показались ему совершенно неверными, такие глаза не могут принадлежать ребенку. «Девушка», да, это будет вернее. Но такая маленькая, хрупкая в свете падающих с улицы лучей солнца. Она сама как маленькое солнышко, будто парит над полом в своих светлых одеждах. А потом он зачем-то сказал ту глупую фразу про сладкие мечты, которую сам совсем недавно услышал от «друзей». И вообще разговор вышел глупый, но какой-то милый и теплый, что ли. Рядом с ней даже стоять было тепло.

Я высвободила руку. К этому времени я уже научилась немного отгораживаться от чужих эмоций и воспоминаний и воспринимала их как бы со стороны, а не чувствовала, будто

сама их генерирую, но чужие эмоции – это все-таки чужие эмоции. И каждый раз, невольно к ним прикасаясь, я чувствовала себя кем-то вроде воровки. Но в данный момент мне было приятно, очень. Когда в вас видят солнышко – это как минимум греет душу. И я искренне ему улыбнулась:

– Сама я бы все, что здесь представлено, просто физически не успела приготовить. Но рецепты все мои. Если же вы хотите попробовать то, что готовила именно я, то у вас еще будет такая возможность. Сегодня я приготовила новый торт и уже пообещала его вам принести.

Он ответил мне улыбкой. Все-таки как улыбка может преобразовать человека! А глаза у него все же не черные, а темно-синие.

– Вот и хорошо.

– Так что насчет кофея? – Повторила я свой вопрос.

– Кофея? А... Принеси его вместе с тортом.

Еще раз улыбнувшись, я в еще более приподнятом настроении пошла к Саргайлу с Хорвусом:

– Вот! Попробуйте! И запомните это название: Эстерхазы! – весело проговорила, ставя перед ними кофе и кусочки торта.

Саргайл как-то недовольно на меня покосился и пробурчал:

– Какая-то ты сегодня больно улыбчивая...

В удивлении я приподняла брови, но отвечать не стала. Вместо этого пододвинула ему поближе тарелочку с тортом.

– На вот, лучше съешь, настроение сразу поднимется. – И погладила его по плечу.

От этого у него и правда улучшилось настроение, и он задорно мне подмигнул.

В этот момент в кофейню вошла шумная компания изгнанных мною ранее офицеров. Честно говоря, я тогда не ожидала, что они уйдут, и даже немного расстроилась. Однако они вернулись. От них тут же отделился парламентар – барон Соргус, почти такой же веселый и пробивной, как и Саргайл. Он преподнёс мне букет цветов и еще одну корзину мандаринов. Дружное «Поздравляем!» и «Прости» на глазах у всей кофейни я, конечно, от них вряд ли бы дождалась, но их виноватые лица, полные раскаяния, тронули мое сердце и, покачав головой и вежливо поблагодарив, я указала им рукой на свободные столики.

А дальше был трудный, хоть и радостный день, полный работы и поздравлений. Обычно я в кофейне присутствую до обеда, потом немного помогаю маме, потом занятия с профессором. Бывает и наоборот. Но сегодня я была на рабочем месте от и до. И когда вечером отец с матерью поманили меня домой, отказалась:

– Мама, папа! Представляете, мой новый торт так понравился покупателям, что они заказали его доставку уже на завтра! А Сэйра пока боится сделать что-то не так и просила ей помочь.

– Ну так завтра придешь и покажешь, – приобнимая меня

за плечи, проговорил отец.

– Папа, я сегодня так устала, чтобы тащиться домой, завтра ведь ни свет ни заря опять сюда бежать... – заканючила.

Я уже не раз оставалась ночевать у Сэйры, поэтому, потрепав меня по голове и поцеловав, родители разрешили остаться.

А ночью мне вновь приснился сон... Мой сон.

Девушка Лиза сидела на парапете моста и смотрела на бурную весеннюю реку под ногами. Красивое зрелище, завораживающее, в момент созерцания которого она всегда с необоримой ясностью понимала, что стихия – вода, воздух, огонь или земля – это та мощь, которая может уничтожить тебя и даже не заметить такой малости.

Она вовсе не собиралась заканчивать жизнь самоубийством и даже не думала о такой глупости. Жизнь слишком интересная и непредсказуемая штука, чтобы делать это!

Так вот, Лиза сидела на краешке парапета моста и смотрела на весенний паводок. Было жутко и немного тревожно, но наполняло какой-то мощью и даже радостью.

Внезапно ее кто-то окликнул.

– Девушка! А, девушка! А что вы там делаете? Поверьте, не случилось ничего такого, чего нельзя было бы поправить!

Лиза с удивлением обернулась и увидела щуплого молодого человека, который вышел из машины и с расширившимися от тревоги глазами смотрел на нее.

– С чего вы решили, что что-то произошло? – удивилась Лиза. – Я просто смотрю на воду.

– Да? – Молодой человек заметно удивился.

– Точно вам говорю, – улыбнулась она в ответ. – Буйство стихии в чистом виде. Сами посмотрите!

Она взмахнула рукой и показала на воду.

В этот момент она что-то увидела в воде.

– Не может быть... Смотрите, там человек! Ребенок! Да что же это такое? – Воскликнула девушка, не в силах оторвать взгляд от мелькавшей под мостом макушки, которая с угрожающей скоростью неслась вперед, то пропадая, то вновь появляясь над водой.

Молодой человек подошел поближе и, побледнев, сказал:

– А я плавать не умею.

– А я умею, но здесь же так высоко...

– Мама! Мамочка! – еле слышно донеслось снизу.

И в этот момент все изменилось, и во сне уже не прежняя Лиза, а я сегодняшняя.

Я смотрю вниз, собираясь с мыслями. Но в это мгновение только что говоривший со мной молодой человек залазит ко мне на парапет и со словами «Помоги нам, Лейла!» прыгает вниз с моста. На моих губах застывает дикий крик и...

...я просыпаюсь. Еще не до конца придя в себя, как заворочалась Айла – дочь Сэйры, в комнате с которой я спала.

– Лейла, ты чего раскричалась? Ночь на дворе. Присни-

лось чего?

– А? Д-да, приснилось. Ты спи. Я пойду, водички попью. Надев домашние туфли и накинув на плечи платок, я вышла из комнаты.

Что-то мне не нравился этот сон. В последний раз, когда снилось нечто подобное, чуть не отравили маму. Но сейчас-то в чем дело? Ведь вокруг даже намек на опасность нет.

С такими мыслями и в растрепанных чувствах я вошла в кухню и налила себе ковшиком из ведра воды. Станный звук, раздавшийся из зала кофейни, к которой примыкала кухня, заставил насторожиться. Звук повторился, и я не нашла ничего умнее, чем пойти туда и посмотреть. Ну что там могло быть? Почему-то подумалось, что это соседская кошка забралась и сейчас пытается найти выход. Открыв дверь, я сначала ничего не заметила, а потом в белом свечении полной луны, заглянувшей в окно, увидела темную фигуру, облокотившуюся на стойку. От перехватившего горло дыхания крик застыл на губах, и вышло нечто похожее на писк.

– Кто здесь? – раздался знакомый, но какой-то глухой голос.

Судорожно вдохнув воздух, я попыталась вспомнить, где слышала его, но страх мешал сосредоточиться. Я хотела уже кинуться наутек, когда фигура покачнулась и осела на пол. Я застыла в нерешительности. С одной стороны – жутко страшно, а с другой – человеку явно нужна помощь, а еще я его знала, только вспомнить не могла. Тихо ступая, я решилась

подойти ближе. Лунный свет осветил мою фигуру, и незнакомец тихо проговорил:

– Лейла? Это ты?

– Д-да, вы кто? И что здесь делаете в такой час? – Нашла я в себе силы задать вопрос.

– Мы сегодня познакомились, не помнишь?

Я осмелилась подойти еще ближе и узнала посетителя – это был тот самый беловолосый офицер, над которым хотели подшутить сослуживцы. Страх тут же ушел, и я подошла к нему вплотную. В неверном свете луны я видела, как он прижимает к телу левую руку.

– Что с вами? Вы ранены?

– Есть немного.

– Но тогда вам нужен лекарь! Подождите, я позову кого-то из взрослых!

Я уже развернулась, чтобы бежать в дом, как сильная и влажная от крови рука обхватила мое запястье.

– Стой! Нельзя!

«Почему?» – хотела спросить, но тут на меня посыпались картинки того, что случилось с ним за последние несколько часов...

Ему, наконец, удалось проникнуть в кабинет коменданта крепости. Он внедрился в ряды местных офицеров совсем недавно, все прошло как-то даже слишком легко: поддельные документы приняли без особых проверок, некие стран-

ности и молчаливость списали на захолустье, из которого он – по документам – прибыл, а поменяться временем и местом дежурства не составило труда. Правда, в кабинете пришлось повозиться – вскрыть сейф с нужными письмами и планами удалось не сразу. Но удалось – полковник будет доволен.

А после этого начались проблемы.

Коменданту вдруг ни с того ни с сего посреди ночи что-то понадобилось в кабинете. Завязалась потасовка, в которой он оглушил коменданта и бросился вон. Однако этот вояка успел-таки поднять шум, и вырваться из крепости получилось лишь благодаря какой-то запредельной удаче. А ведь хотел все сделать по-тихому! Он посчитал, что проще всего скрыться в городе, и бросился туда, отбиваясь саблей от преследователей. Но их было слишком много, и единственным спасением стало бегство. И он ведь почти ушел! Но в последней схватке его все-таки зацепили. Так, истекая кровью, он петлял по улицам, пока не наткнулся на знакомую кофейню, в которой был сегодня утром. И решил спрятаться в ней, так как чувствовал, что добежать до приготовленного схрона сил просто не хватит. А в нежилком помещении есть возможность пересидеть пару часов облавы и перевязать рану, да и забор перелазить не нужно. Он уже не чувствовал в себе сил преодолеть подобное препятствие. Вскрыть замок с его квалификацией труда не составило. А потом появилась Лейла, та теплая девочка, что сего-

дня накормила самым вкусным в его жизни завтраком. Но позволять ей себя раскрыть нельзя! Слишком важную информацию он добыл. Но что же делать?

Перед глазами замелькали варианты развития событий, которые уже мне, Лейле, как и самому лже-офицеру, совсем не понравились. Нужно было срочно брать ситуацию в свои руки.

– Господин офицер, не нужно ничего со мной делать. Я вам помогу и ничего никому не расскажу. И даже вас ни о чем расспрашивать не буду. В жизни может всякое случиться.

Его затуманенные кровопотерей глаза смотрели на меня с недоверием:

– Почему?

– Считайте, что сегодня мне приснился сон, в котором меня просили вам помочь. – А потом всплыла, осознавая, что так оно и есть на самом деле: – Да и какая вам разница почему?! Без моей помощи вы скоро загнетесь от кровопотери, и ничего уже никому доказывать не придется!

Я понимала, что этот человек, скорее всего, не просто вор, а шпион, но сдать властям или предать как-то по-иному не могла. Чертов сон не шел из головы. И я по своему опыту уже знала, что просто так мне такие сны не снятся. Это прямое указание: «Помоги». Да и, если не врать самой себе, не смотря на все «но», мне хотелось ему помочь. От принятого

решения на душе почему-то стало очень легко и... правильно, что ли. Поэтому, уже не мешкая, помогла ему подняться:

– Пойдемте в кухню. Там осмотрю вашу рану и сделаю перевязку.

Он тяжело поднялся, облокотившись на мое плечо, но дальше старался идти сам. Его качало, и я обхватила мужчину за талию, страшась, что эта махина упадет и потеряет сознание. Когда мне, наконец, удалось усадить его на лавку, я поняла, что сама перепачкалась его кровью чуть ли не с ног до головы, но решила пока не обращать на это внимание. Быстро развела в печи огонь, чтобы появилось как можно больше света, и поставила греться воду.

– Давайте я помогу вам снять мундир, мне нужен доступ к руке. – обернулась я к нему.

– Почему ты мне помогаешь? – снова спросил он.

Ну вот что ему ответить, чтобы он мне доверился?

– Считайте, что сегодня я ваш дух-хранитель.

Он устало хмыкнул, но меня к себе не подпустил:

– А что ты скажешь своим близким, когда завтра они увидят все это? – указал на измазанные кровью пол, лавку и меня.

Я снова тяжело вздохнула. Вот сейчас же кровью истечет, а все какой-то ерундой интересуется.

– А завтра я им всем расскажу страшную историю о во-
рвавшемся в лавку бандите, который чуть меня не убил и заставил себе помогать! – Не выдержав, рявкнула. – Ну все,

хватить ерундой страдать, давайте раздеваться!

Внезапно он кривовато улыбнулся и произнес:

– Будь ты немного постарше, я бы мог воспринять это как предложение.

– Будь я немного постарше, – проворчала, наконец допущенная до его тела, – у вас бы все равно ни на что не хватило сил.

Он беззвучно расхохотался, но смех быстро оборвался, сменившись гримасой боли.

С горем пополам мы все же избавили его от одежды. Хорошо хоть она еще не успела присохнуть к телу, иначе провозились бы дольше.

И я увидела длинную кровоточащую рану через все предплечье. Она оказалась глубокой и, на мой неискушенный взгляд, очень страшной. Хорошо хоть крови я не боялась, вернее, боялась, но не до обмороков и икоты. Поэтому надеялась, что все же смогу помочь бедолаге. Медсестрой я ни в этой, ни в прошлой жизни не была, но как обработать и перевязать рану представление имела – нас этому в школе учили, а потом было несколько случаев, когда умения пришлось применять. Одно плохо: знакомых препаратов здесь, разумеется, не было, и делала я все на свой страх и риск.

Собравшись с духом, я наложила чуть выше раны жгут из туго скрученного кухонного полотенца, промыла ее теплой водой и обработала края самым высокоградусным спиртным, которое нашла в закромах кухни. Спирта как такового

здесь нет, но вот нечто вроде низкокачественного самогона под гордым названием «домашняя настойка» есть.

Постепенно кровь прекратила течь из раны, и я смогла обработать ее специальной ранозаживляющей мазью, которая всегда стояла у нас в холодной. Эту мазь мы покупали у местной знахарки и, по моему субъективному мнению, она была просто шикарной, потому что обладала антисептическим, ранозаживляющим и одновременно легким охлаждающим действием. В условиях полнейшего отсутствия каких-либо антибиотиков это очень и очень нужное средство.

Снова внимательно осмотрев рану, я поняла, что нужно зашивать. Как-то на одной из студенческих посиделок моя подруга умудрилась разбить кружку и, собирая осколки, поскользнулась на разлитом чае и упала. Рука, по закону подлости, напоролась на большой осколок, который распорол ей все запястье. Кровищи было... Жуть! Полночи мы провели в травмпункте, где всю эту красоту зашивали – благо сухожилия не повредила – и пытались убедить врача, что это не попытка суицида, а обычный несчастный случай.

Сейчас ситуация выглядела гораздо хуже, а под рукой не было не то что врача, а вообще никого! Но, оказать помощь я обязана, поэтому, взяв себя в руки, с уверенностью, которой совсем не чувствовала, заявила:

- Господин офицер, сейчас будем зашивать рану.
- Сольгер.
- Что? – не поняла я.

– Меня зовут Сольгер.

– Ммм. Понятно. Приятно познакомиться.

– Ты сумеешь зашить? – недоверчиво спросил.

– Эээ... Господин офицер...

– Сольгер.

– А? Да, Сольгер-аха, я постараюсь, – отведя взгляд, ответила. В этом мире хирургия еще на зачаточном уровне и операции брались проводить только дипломированные лекари. Те, кто получал сложные травмы, чаще всего становились инвалидами или умирали. – Осталось только найти, чем зашивать... – пробормотала под нос, оглядывая кухню.

Напрашивался вполне простой ответ – нитками! Вон, в углу корзинка с рукоделием, которым увлекается Айла. Но тут же вставал другой вопрос: какими? Можно ли зашивать рану шерстяными нитками, которые привозят из Фаргоции, или лучше использовать льняные, привозимые из Тализии, или все же хлопковыми, которые здесь все еще считались довольно редкими и привозились из далекого Фархата? Жаль, что местного Китая с его шелком тут пока не обнаружили. Хотя, как говорит профессор, некая часть соседнего материка, та, на которой находится Тализия, все еще не изучена, так как перебираться через неудобные горы и обширные леса на восток материка еще никто так и не решился. Так что надежда найти в этом мире тутового шелкопряда еще есть.

Я взяла корзинку и подошла к огню. Выбрав, как мне показалось, подходящие нитки и иголку, замочила их в домаш-

ней настойке – обеззаразить их другим способом не додумалась. Наверное, нужно было их прокипятить, но я не знала, как при кипячении поведет себя натуральная нить. Мой выбор упал на хлопковую, потому что они были наименее ворсистые, и мне показалось, что так будет правильнее. Схватившись, я также вспомнила про бинты, которые понадобятся для перевязки, и, осмотрев рубашку Сольгера, сочла, что она вполне сойдет, не считая, конечно, разорванного окровавленного рукава. Конечно, лучше было бы взять чистое полотно, но бродить по дому я не решилась, да и подозревала, что мужчина меня не отпустил бы.

Стоит отдать парню должное: экзекуцию по обработке раны он выдержал стойко. Шипел, конечно, и тихо ругался сквозь зубы, но терпел и не дергался. Но вот как он перенесет зашивание, я не представляла. Вспомнила, как видела в каком-то фильме, что раненому засовывали между зубов деревяшку, а самого держали за руки и ноги. Что конкретно ему там делали, я, правда, не помню, но само воспоминание наводило на невеселые мысли. Я покосилась на пациента и тяжело вздохнула: держать его по рукам и ногам некому, а предлагать деревяшку я, пожалуй, поостерегусь. Да и где сейчас искать эту самую подходящую деревяшку?

Я заправила нить в иглу и повернулась к раненному:

– Ну что, Сольгер-аха, начнем?

Он посмотрел на иглу в моих руках, на меня, снова на иглу и снова на меня:

– Лейла, может, не надо? – с какой-то надеждой спросил он.

– Надо, Федя, надо! – как можно увереннее проговорила я крылатую фразу из советского кинематографа.

– Федя? – удивленно переспросил мой невольный подопытный.

– Не обращайтесь внимания, Сольгер-аха. – с какой-то отчаянной бесшабашностью отмахнулась я. – Вам придется потерпеть. Вот, держите.

Я протянула ему настойку и чистое полотенце. Он покосился на них и попробовал отказаться от операции:

– Лейла, а ты когда-нибудь это уже делала?

– Конечно! – уверенно заявила я. – Неделю назад помогала нашему лекарю зашивать Кириму ногу, которую он умудрился сильно распороть.

И да простит меня за ложь бедный Кирим и не менее бедный Сольгер!

– А может, все-таки не надо? – предпринял несчастный последнюю попытку отказаться.

– Надо, Сольгер, надо! – больше для себя, чем для него, повторила я. Потому что уже решила, а уж если я решила, от моей помощи не убежит никто! – Пейте! – снова протянула ему бутылку со спиртным.

Но самым странным, даже невероятным, для меня стало то, что он послушался и таки решился на операцию в моем исполнении. Как он решил довериться такой малявке – для

меня так и осталось секретом! Но он взял у меня бутылку и, сделав большой глоток и поморщившись, спросил:

– А полотенце зачем?

– В зубы засунете, если очень больно будет. Жуйте его, рвите, главное – не кричите, а то весь дом сбежится, – уже сосредоточившись на ране, объяснила я. – Ну, с Богом... – шепнула себе под нос и начала...

Не знаю, как мой подопытный смог выдержать эту экзекуцию, на его лицо я старалась не смотреть, лишь слышала сдавленные стоны и ругательства, но для меня все прошло как в тумане. От напряжения по спине катился пот, я втыкала иглу в края раны, делала стежки, но не ощущала все происходящее реальностью. Видимо, так мой мозг спасался от нервного перенапряжения. Хорошо, что перед операцией я догадалась разрезать остатки его рубашки на бинты, потому что после ее окончания руки слушались слабо и, боюсь, что у меня элементарно не хватило бы сил ее разрезать. Я вновь обильно намазала рану мазью и, перевязав, потихоньку начала ослаблять жгут. Сразу резко его снимать после почти полуторачасового наложения опасно.

Тяжело опустившись на лавку рядом с парнем, я, наконец, посмотрела в лицо Сольгеру. Все это время боялась, что он может потерять сознание, а смотреть на него боялась еще больше, потому что было стойкое ощущение, что если я увижу его полные муки глаза, то игла просто вывалится из рук, и я уже ничего не смогу сделать. Сольгер был страшно бле-

ден и тяжело дышал, волосы прилипли к вискам, а в руках он держал изрядно пожеванное и потрепанное полотенце. Видно было, что он еле сидел.

– Сольгер... – позвала, и он сфокусировал помутневший взгляд на мне. – Ты молодец! Слышишь? – Его губы искривила еле заметная улыбка. Но он промолчал. – Тебе нужно прилечь. Но здесь негде. Если только на стол.

– Не нужно, Лейла, – еле слышно проговорил он. – Мне все равно до рассвета нужно уйти. Я еще немного посижу и пойду.

– Да куда ж ты в таком состоянии? – вырвалось у меня.

О том, что я уже давно перешла на «ты», как-то и не задумывалась. Сложно выкать человеку, с которым только что пережил настоящее нервное потрясение.

– Ну, выбор у меня небольшой...

– Да, ты прав... – А потом меня осенило: – Я сейчас отвар укрепляющий заварю и чай сладкий сделаю, чтобы кровь быстрее восстанавливалась!

Не скажу, что усталость как рукой сняло, но я нашла в себе силы встать и заняться делом. Сбор трав для укрепляющего отвара мы покупали у той же знахарки и пили, когда кто-то подхватывал простуду, и я подумала, что сейчас он точно не помешает.

Пока отвар отстаивался, я напоила Сольгера сладким чаем. Эх, жаль, шоколада здесь еще не придумали – нет для него какао бобов. А может, еще просто не добрались до ме-

ста, где они произрастают.

– Может, ты все же поешь чего-нибудь? – уже в который раз спросила раненого. – Силы нужно хоть немного поддерживать.

– Лейла, не надо. Я как о еде подумаю, мутить начинает. – Я лишь тяжело вздохнула, в который раз подумав, что ему нужно хорошенько отлежаться и отоспаться, а не уходить куда-то в темноту. – Еще немного посижу и пойду. Нельзя, чтобы рассвет застал меня здесь... – в полудреме проговорил он, и я заметила, как его голова упала на грудь – бедолага заснул.

Прикинув время, я поняла, что рассвет будет уже через пару часов. Но час отдохнуть у него есть. Спиной он опирался о край стола, и хотя поза была неудобна, трогать его я не стала – сон для него сейчас благо.

Сначала я тоже хотела ненадолго прикорнуть, но поняла, что тогда несчастный шпион имеет все шансы проспать, так как будить его будет некому. А потом меня озарила мысль собрать ему с собой кое-какие вещи. Все-таки я совершенно не представляла, куда он двинется дальше и в каких условиях будет путешествовать. А уж попадется ли ему по пути лекарь или хотя бы знахарка – большой вопрос. Поэтому я расстелила на столе свой платок, положила туда мазь для ран, флягу с отваром, оставшиеся от рубашки бинты, хлеб, сыр и оставленные в холодной эклеры и штрудель. Подумала и положила бутылку с остатками домашней настойки. Не знала,

пригодится ли ему все это, но и отправить его просто так уже не могла.

Оглядевшись и немного прибравшись, я поняла, что ущерб, нанесенный приходом Сольгера, не так уж и велик, и если замыть пятна крови на полу и лавке, то его присутствие в доме этой ночью может получиться скрыть. Собрав всю оставшуюся волю и остатки сил в кулак, я принялась за работу.

Оказалось, отмывать кровь – очень нелегкое дело, временами даже приходилось хорошенько пройтись скребком. Через некоторое время, опомнившись, я подошла к парню и попыталась его разбудить. Не вышло. Пришлось хорошенько потрясти за здоровое плечо. Простонав, он открыл затуманенные глаза.

– Сольгер, скоро рассвет. Тебе пора уходить. Держи, выпей, – я протянула ему приготовленную заранее чашку с отваром.

Его губы пересохли, лицо заострилось, он взял кружку и с наслаждением осушил содержимое.

– Благодарю, Лейла, – вернул мне кружку.

– Вот, – теперь я протянула ему приготовленный сверток, – держи. Там все, что может тебе пригодиться на первое время.

Он недоверчиво посмотрел на узел в моих руках, но все же взял его:

– Спасибо, Лейла. Я... не забуду... – смутился он. Мы

немного помолчали, глядя то друг на друга, то в сторону. – Мне... пора... – как-то неуверенно проговорил он.

– Да... – зачем-то подтвердила я.

Внезапно он резко притянул меня к себе здоровой рукой и крепко обнял. Я ощутила себя так хорошо и уютно в его объятиях, что даже стало страшно. Страшно, что он может погибнуть, страшно, что больше никогда его не увижу. Я обхватила его шею руками и тоже обняла – крепко, но бережно.

Странно... Так странно было ощущать себя именно так и именно сейчас. В этот момент странно было все... но так правильно...

А потом он резко высвободился, встал и, не глядя на меня, взял свой мундир, перехватил поудобнее узел и быстро, не оглядываясь, вышел прочь из кухни, а потом и из кофейни.

Несколько минут я стояла на месте, плохо понимая себя. А потом спохватилась и пошла в кофейню, чтобы вытереть пятна крови и там.

Закончив и оглядев себя, помотала головой: «Все вроде бы убрала, а сама похожа на извасюкавшегося зомби».

Вымывшись в кухне, я запрятала подальше окровавленную ночнушку и, накинув на плечи забытый Сэйрой платок и скинув напоследок взглядом снова чистую кухню, прокрадась в комнату, где спала Айла. Там переоделась и решила ненадолго прилечь.

Рассвет уже почти заглядывал в окна, а я хотела приготовить на день рождения своего младшего братика большой

двухъярусный торт, хотела еще раз показать Сэйре, как готовить Эстрехази, хотела украсить кофейню все к тому же дню рождения, хотела... Я точно что-то еще хотела, но как только голова коснулась подушки, я обо всем забыла, потому что уже крепко спала. И во сне мне снился чей-то счастливый смех.

Глава 7

Полгода спустя

Облака летели по небу белыми парусами кораблей, и такие же белые паруса виднелись на горизонте. Еще неделю назад к городу прибыла эльмирантийская эскадра и стояла в километре от берега. Зачем они прибыли, я не знала, отец сказал, что тоже не знает, но все это может быть не к добру.

– Почему? – спросила я его тогда.

– Тут много причин, – улыбнулся он и, противореча самому себе, сказал: – Но я думаю, все будет хорошо. – А потом подумал и спросил сам себя: – Может, мне все же отменить поездку в Туранию?..

– Все так серьезно?

– Нет, что ты... – он обнял меня и поцеловал в макушку. – Просто подумалось... Ладно, пошли домой, а то мама будет беспокоиться.

А вечером я подслушала разговор...

– Профессор, у меня плохие предчувствия. Слишком в последнее время вокруг Шалема много непонятного движения, да и эти усиливающиеся слухи о войне... Партнеры узнали, что Фаргоция уже давно большими партиями закупает провиант, а количество военных заказов для торговцев

возросло в разы.

– Да, это тревожные факторы, но Шалем слишком далеко от проходимой границы с Фаргоцией.

– Только это и утешает... – он немного помолчал и задумчиво проговорил. – Нас защищают горы, но если бы они нашли возможность как-то их преодолеть, это стало бы большой проблемой.

– Брось, Ратмир, – отмахнулся профессор. – Для того, чтобы это действительно стало проблемой, должен появиться постоянный хорошо проходимый путь, а это практически невозможно. Если же они все же смогут разово преодолеть гряду, то это им ничего не даст. Измученные долгим опасным переходом солдаты без фуража и подкрепления свежими силами просто не смогут долго продержаться.

– Это да... Только им очень уж нужен нормальный выход к морю. Те, что на самом севере континента, слишком опасны и не могут удовлетворить возрастающие потребности государства в торговле. Боюсь, что они могут придумать что-то, что нам совсем не понравится.

– Да, не повезло им. Но ты слишком драматизируешь.

– Тогда к чему сюда прибыла целая военная эскадра? – снова задумчиво протянул отец.

– Ратмир, все может быть очень просто. Например, в Шалем скоро прибудет какая-нибудь важная персона, чтобы отправиться в Тализию. А ты все какие-то скрытые мотивы ищешь.

– Может быть... может быть... – озабоченность из голоса отца хоть и не ушла совсем, но ослабла. – Просто все эти слухи меня беспокоят. И я подумываю отказаться от плавания.

– Кстати, о слухах... – теперь озабоченность появилась в голосе профессора. – По городу уже давно ходят не очень хорошие слухи о Лейле.

– Я знаю. Это эта тварь Мира их распускает. Давно. Только никто в них не верит.

– Это да, Лейлу в городе слишком любят, и никто в эти байки про ведьмовскую силу не верит... Только это – ПОКА! – Профессор специально выделил последнее слово. – Вода камень точит, Ратмир. Сейчас никто не верит, потом начнут приглядываться, а потом и выдумывать. Уже сейчас видно, что Лейла обещает быть красивой девушкой. Как ты думаешь, что о ней начнут говорить менее удачливые и красивые подружки, когда подойдет ее время выходить замуж? Поверь мне, тогда уже и Миры не понадобится, они все услышанное вспомнят и довыдумывают.

Я заглянула в щелку чуть больше и увидела, как плечи отца передернулись:

– Теперь уже вы драматизируете, профессор-аха. Лейла – член уважаемой купеческой семьи, у нас в друзьях вся военная верхушка города и многие уважаемые люди. Думаю, они смогут осадить особо ретивых и не допустить... перегибов, – отец очень тщательно подбирал выражения.

После этих слов я выдохнула, а то нарисованная профом

картина меня сильно напрягла.

– Дай-то Всевышний! Дай-то Всевышний, – отозвался профессор. – Но ты подумай о том, что я тебе предлагал. Лейла и Ромич вполне готовы...

В это самое мгновение прямо над ухом раздался голос мамы:

– Лейла, что это ты тут делаешь?

Я подпрыгнула на месте, в притворном жесте хватаясь за сердце:

– Мама! Нельзя же так тихо подкрадываться!

Она на это лишь усмехнулась:

– А по-моему, кто-то слишком увлекся подслушиванием и ничего вокруг не слышал.

– Ничего подобного! – состроила я оскорбленную мину. – Я всего лишь шла узнать у отца, не подать ли им с профессором вечернего чаю...

В это время дверь открылась, и отец, укоризненно помотав головой, проговорил:

– Неси уж, любопытная ты наша.

Через день отец все же отправился в Туранию. Я смотрела вслед удалявшемуся кораблю, и сердце отчего-то сжималось.

На следующий день я зашла в свою кофейню и прошла в кухню. По дороге поздоровалась со всеми посетителями, которых в этот послеобеденный час было довольно много,

и, перехватив Сэйру, начала задавать обычные и привычные вопросы о том, как дела. Внезапно из зала донесся какой-то шум, и мы поспешили туда.

Оказалось, что к нам огонек зашли морячки. А если точнее, то капитан, боцман и штурман – об этом мы узнали тут же, так как эти трое с шуточками и прибауточками сообщали об этом всем интересующимся и не интересующимся в том числе. А потом они увидели нас:

– О! Прекрасные ханан! Мы прибыли из Турании, куда дошла слава об этом удивительном месте! Надеюсь, нам здесь нальют добрую чашку вина! – громогласно пробасил капитан и, тут же рассмеявшись, замахал руками. – Да знаю я, что у вас здесь такого не подают. Это шучу я так! Но вот фирменного кофею от Сладкой девочки я очень рассчитываю попробовать!

Меня аж перекосило от этой «Сладкой девочки» в его интерпретации. Прозвище пошло от военных, но за глаза меня уже так звали буквально все. Но вот так, прямо в лицо, никто называть не осмеливался. Все-таки получить качественное обслуживание хотели все.

Капитан заметил мою реакцию и снова загоготал:

– Что, не сладкая? Или не де... – тут он осекся, поняв, что его несет явно не туда, и, закашлявшись, попробовал извиниться, но в своей манере: – То есть я хотел сказать, что ты, конечно сладкая, но еще девочка и...

Поняв, что его опять несет не туда, он снова закашлялся и

уже набрал в грудь воздуха, чтобы продолжить этот балаган с извинениями. Но я подняла руки, останавливая словесный поно...поток, и с приветливой улыбкой заговорила сама:

– Господа моряки! Кофейня «Лейма» рада вас приветствовать, и мы обязательно угостим вас всем, что вы пожелаете из нашего ассортимента. – А потом улыбка слетела с моего лица и закончила я уже совсем другим тоном: – Однако если вы продолжите этот балаган, то вам придется остаться без тех сладких деликатесов, о которых вы имели честь слышать.

Морячки явно опешили от такой речи, а потому без слов тихо и мирно прошли к свободному столику и стали дожидаться обслуживания. Я подошла к ним лично и, ничем больше не выказывая своего недовольствия их поведением, приняла заказ и даже посоветовала, что им стоит попробовать.

Когда же эта шепутная компания собралась уходить, капитан подошел ко мне, немного смущаясь:

– Ты это, девочка, не держи на нас зла, мы это... не специально.

Я на это лишь улыбнулась и покачала головой:

– Все нормально, господин капитан, вам всегда будут рады в этой кофейне.

Тот улыбнулся и неожиданно мне подмигнул:

– А ты все-таки «сладкая девочка»! Никогда прежде не пробовал ничего вкуснее!

И быстренько удалился, пока я не сказала ему чего-нибудь

ласкового. Но все же капитан мне понравился: такой жизненный задор встречается нечасто. И злиться на таких людей очень сложно.

К концу рабочего дня за мной, как обычно, зашел Ромич. Конечно, я не боялась ходить одна по городу, но мама и папа настаивали на сопровождении, и я не стала с ними спорить, тем более что всегда была рада компании друга. За эти годы мы с ним выучили три языка и теперь часто по дороге домой развлекались тем, что болтали на них, вспоминая слова и обучаясь не бояться говорить на чужом языке. Конечно, мы не знали многих нюансов, однако, как говорил профессор, как только мы попадем в среду, все должно встать на место, а пока полученных знаний вполне достаточно. Произношение нам тоже ставил проф. Мы с Ромичем уже пару раз общались с тализийцами, туранцами и фаргоцианами, которые приплывали в наш порт, и оно, как говорили носители языков, было вполне приличным.

– Ой, а что это за парочка идет? – окликнула нас Рунира, стоявшая в кругу подруг недалеко от центральной площади. – Вы только посмотрите, раб ведет лягушку в ее болотце. И как, раб, не противно?

Я уже давно научилась не обращать внимания на эту вздорную девчонку, и это злило ее еще больше, а вот Ромич тут же вспыхнул и сжал кулаки. Ему недавно исполнилось пятнадцать, из длинного и нескладного мальчишки он превращался в привлекательного светловолосого парня с прон-

зительными голубыми глазами. Да, в его фигуре еще вполне отчетливо проступала угловатость и природная худоба, которая и с возрастом никуда не денется, сделав его тело лишь более гибким и жилистым, но ум, светившийся в его глазах, уверенность в себе, которая совсем не была свойственна рабам, и внутренняя сила придавали ему привлекательности, которая с каждым днем росла. И если бы не клеймо раба, он бы давно уже стал объектом сладких грез и мечтаний многих девчонок на выданье. Но вот просто объектом сладких грез ему стать ничего не мешало. Видимо, поэтому тринадцатилетняя Рунира в последнее время стала чаще его задевать, а уж если видела нас вдвоем, то ее язвительный поток заткнуть было непросто. Вот и в этот раз она специально построила фразу так, чтобы отвечать пришлось ему. Потому что раб не может не ответить на вопрос, заданный ему свободным человеком.

Я положила руку парню на предплечье – не ввязывайся, мол, в эту бессмысленную склоку. Он укоризненно покачал мне головой и просто ответил:

– Я горд честью сопровождать Лейлу-хани¹².

Сказав это, он наклонил голову в знак прощания, и мы пошли дальше. Рунира не ожидала такого спокойного ответа, а потому растерялась и не нашлась сразу, что сказать, чем мы

¹² Хании – уважительное обращение к девочкам, не достигшим брачного возраста. Обычно употребляется рабами или чтобы подчеркнуть высокий социальный статус ребенка.

и воспользовались, стараясь побыстрее миновать эту неприятную компанию.

Когда мы отошли довольно далеко по пустынной улице, я сказала:

– Ромич, спасибо.

– За что? – удивился он.

– Что не стал с ней ругаться.

Уже было несколько случаев, когда Ромич дерзко отвечал на выпады Руниры. И за это отцу пришлось лично на глазах у «обиженной» стороны пройтись плеткой по его спине. Да, есть здесь и такой закон: если раб оскорбляет свободного человека, то свободный может наказать его сам с разрешения хозяина раба или передать эту обязанность его хозяину. Хозяин может настоять на том, чтобы самому определить и исполнить наказание. Те несколько раз отец брал эту обязанность на себя. Разумеется, совсем не наказывать Ромича он не мог, тем более что Рунира и ее бабушка хотели видеть экзекуцию. Хорошо хоть ее мать, Мира, так и не решалась даже близко подходить к нашему дому. Бил отец, конечно, не в полную силу, но следы от плети еще долго держались на спине парня.

– А разве я мог иначе? – с горечью ответил он и отвернулся. – Я раб, Лейла, и должен выполнять просьбы своей хозяйки и нести наказание, если посмел слишком дерзко ответить завистливой малолетней идиотке.

Мне тоже стало горько, ведь он прав. Во всем прав. И со-

вершенно не имело значения, что для меня или моих близких он давно перестал быть рабом. Даже мама и та давно уже свыклась с мыслью, что профессор, Ромич и Кирым в наших глазах не рабы, и относилась к ним как к друзьям или даже членам семьи. Но все это не отменяло того, что в глазах других людей они так и остались презренными рабами.

– Ромич, ты же знаешь, что я никогда не относилась к тебе как к рабу! – На это он лишь криво улыбнулся. – Давай, я поговорю с отцом, и он даст тебе свободу?! – воскликнула я.

Этот разговор происходил уже не раз и не два, но я все равно продолжала поднимать эту тему.

– И что это изменит, Лейла?! – взорвался парень и, размахивая руками, с неизбывной болью продолжил: – Разве ты не знаешь, что в Шалеме в глазах людей я навсегда останусь человеком с клеймом раба? Разве ты не знаешь, что никто никогда не даст мне нормальную работу и не будет платить, как рожденному свободным? Разве ты не знаешь, что, потеряв вашу защиту, надо мной начнут измываться все кому не лень? Разве...

Я обняла его за талию и крепко к нему прижалась. А потом подняла голову и посмотрела в глаза:

– Ромич, но ведь ты можешь вернуться домой, в Фаргоцию. Там найдешь свою семью. Никто и никогда не узнает, кем ты был раньше. Отец поможет тебе деньгами и даже рекомендации даст. Я знаю. Он сам мне об этом говорил.

На это Ромич лишь тяжело вздохнул и погладил меня по

голове:

– Лейла, я уже давно не помню своего дома, а моей семьей стала ты и твоя семья. И плевать я хотел на всех Рунир скопом. Поняла?

– Нет, Ромич, не поняла! – я вырвалась из его рук и начала ходить взад-вперед, размахивая руками. – Ты скоро станешь совсем взрослым! Тебе нужно определиться, чем ты будешь заниматься в жизни, повидать мир, наконец! Потом найди хорошую девушку, жениться, наделать кучу детишек и жить долго и счастливо полноправным членом общества! И как ты собираешься все это проверить в Шалеме?

На удивление, Ромич не разозлился, как делал это обычно при таких разговорах. Он просто скрестил на груди руки и спокойно проговорил:

– Я уже все решил – буду помогать твоему отцу в торговле. Он сказал, что с тем образованием, которое я получил вместе с тобой от профа, я со временем вполне смогу стать его помощником. Так и мир посмотрю. А что касается женитьбы... вот уж о чем я думаю в последнюю очередь!

– Ага, конечно! – подначила я. – Именно поэтому ты тайком подглядываешь за соседскими девчонками, когда они купаются в море, умудряясь это делать, несмотря на все кордоны, которые выставляют их родители.

Парень покраснел и, смутившись, пробормотал:

– Ну, посмотрел разок, так что теперь, бежать жениться? – и совсем тихо добавил: – И откуда ты только все это знаешь?

Ведь и минуты свободной не имеешь, чтобы за кем-то следить!

Я усиленно прятала улыбку – не говорить же ему, что случайно зацепила у него это воспоминание, когда оно буквально выплескивалось из парня. Видимо, увиденное его очень впечатлило. Я даже не помнила, дотрагивалась тогда до него или нет.

– Ладно, пошли домой, Ромич, а то наши с тобой крики скоро всю округу тут соберут.

Он обернулся – из-за соседнего забора уже кто-то и правда выглядывал.

– Пошли...

А ночью мой уже такой привычный мир разлетелся на осколки.

Я спала нервно, долго не могла заснуть, а уснув, видела какую-то кашу из образов и воспоминаний. В тот момент, когда чья-то ладонь зажала мне рот, я даже не сразу осознала, что все происходит на самом деле. А образы, залившие сознание, вполне можно было принять за очередной бред из сновидений.

Войти в порт под видом торгового судна не составило совершенно никакого труда. Документы были составлены так, что комар носа не подточил, а действительно важное,

как оказалось впоследствии, даже прятать особо не нужно было: осмотр корабля прошел без особого рвения, а суну-
тый проверяющему мешочек с золотыми вообще свел его к
обычной формальности.

Таким образом, на якоре у порта уже стояло три кораб-
ля Фаргоции, команды которых были полностью укомплек-
тованы, а под видом рабов спрятаны солдаты Его Величе-
ства. Задачей этих команд стал захват Шалема изнутри
и осада крепости, в которой засядет местное воинство, до
прихода основных войск Фаргоции. Как и откуда эти самые
войска подойдут, он не знал, но его дело выполнять прика-
зы, а не задумываться о том, был ли начальник в своем уме,
отдавая его. Хотя сейчас его больше волновали эльмиран-
тийские корабли, что стояли на якорях недалеко от порта.
Конечно, их обещал взять на себя адмирал Нордич со своей
эскадрой, которая в режиме полной секретности преодоле-
ла долгий путь с самого северного порта Фаргоции.

Сначала он думал, что армию планируют доставлять
именно этими кораблями, но вспомнил, что его друг Соль-
гер говорил, что их задача – разметать эльмирантийский
флот, а с захватом и удержанием территорий им поможет
регулярная армия, доставленная к Шалему другим путем.
Больше друг ничего не мог ему рассказать, так как это бы-
ло секретной информацией.

Сольгер тогда пробыл у него недолго, хорошо хоть Мар-
та успела напоить его чаем. Он явно куда-то торопился, но

перед самым уходом внезапно запнулся и попросил:

– Ярел, у меня к тебе одна просьба. Знаю, она может показаться необычной и даже губительной, но... я очень надеюсь, что ты ее исполнишь.

– Я слушаю, Сольгер. Ты меня заинтриговал.

– Совсем скоро ты со своей командой отправитесь в Шалем. Ну, да что я, мы ведь только что это обсуждали. Так вот, там живет один человек, который ни в коем случае не должен пострадать при штурме города... – и так смотрел при этом, что догадка сама пришла в голову.

– Этот человек – девушка? – невольно на лице показалась улыбка.

– Нет! То есть да... то есть нет!

– Так да или нет? – в голосе появилось неуместное веселье.

Сольгер тяжело вздохнул и начал рассказывать:

– Это девочка. Сейчас ей около десяти лет. Зовут Лейла.

Она держит известную в городе кофейню «Лейма».

– Что? Девочка держит кофейню? Друг, тебе солнышко в макушку напекло? – ему снова не удалось скрыть недоумения.

– Не удивляйся, – краешком губ улыбнулся Сольгер. – Это очень необычная девочка. Ты сам все поймешь, когда ее увидишь.

– Я все понимаю, Сольгер! Необычная девочка и все такое, но ты уверен, что подобный риск необходим?

Ярел прекрасно осознавал, что если предупредить девоч-

ку, это может сказаться на ходе сражения. Мало ли как она себя поведет, когда узнает об опасности, но хуже будет, если кто-то узнает, что ее предупредил именно он. Смертная казнь – самое малое, что в подобном случае будет ему грозить. Конечно, есть вариант ее выкрасть, но тут тоже может возникнуть немало сложностей, хотя это вариант. В любом случае, на подготовку подобной операции будет слишком мало времени и людей, ведь посвятить в это дело он сможет лишь самых доверенных. В общем, слишком много «но» ради одной маленькой девочки.

– Ярел, я знаю все, что ты мне можешь ответить, но... Помнишь, полгода назад я вернулся после одной крайне опасной операции?

– Это когда ты жаловался, что рисковал ради бумажек, которые впоследствии оказались чуть ли не пустышкой? И получил рану на руке, которая зажила с поразительной скоростью, почти не оставив шрама? Помню-помню! Лекарь, тогда и тебя, и меня за компанию буквально замучил вопросом, кто тебя так качественно залатал... – Ярел посмотрел на друга и недоверчиво прищурился. – Да ладно?!

– Да, Ярел, это была она.

Сольгер больше ничего не сказал, но Ярел многое прочел в его глазах: и немую просьбу, и глубокую благодарность девочке, и тяжесть долга перед ней, и что-то еще, чего Ярел уже не разобрал. И понял одну вещь: он исполнит просьбу друга.

На прощание друзья сжали друг другу запястья ¹³, и Сольгер шагнул за порог. Однако, уже закрывая дверь, Ярел услышал:

– Советую попробовать у нее торт Эстерхази. Тебе должно понравиться.

Снова распахнув дверь, Ярел друга уже не увидел.

К сожалению, сегодня Эстерхази в меню не оказалось, но он точно об этом не жалел, так как попробовал много других сладостей, память о которых еще долго будет его преследовать. Все-таки Марта – его жена – сладостей практически не готовит, так как не особенно любит это дело, и он невольно лишен этой радости жизни. Эх, правду говорят: то, чего не любит жена, не попробует и муж.

Познакомившись с малышкой, он понял друга и его желание ее защитить. Было в ней что-то такое... труднообъяснимое, но располагающее к себе и даже притягивающее. А потому сейчас, когда по всем правилам он должен готовиться к штурму города, он с двумя верными матросами пробрался в дом и пытался ее выкрасть, чтобы спрятать на время беспорядков на своем корабле. Остался всего час до штурма, и за это время им нужно все успеть...

Все это молнией пронеслось в моей голове, пока Ярел и еще какой-то мужчина пытались завернуть меня в одеяло и связать.

¹³ Жест аналогичен пожатию рук.

– Давай сюда кляп, быстрее! – прошептал Ярел.

И я поняла, что сейчас меня просто унесут прочь, а мои близкие так и останутся в неведении, что готовится в городе. Калейдоскоп всех тех страшных вещей, которые могут с ними произойти во время захвата города, пролетел перед глазами буквально за одно мгновение. Ведь я, в отличие от любого другого ребенка Шалема, прекрасно понимала, что значит война и что творится в захваченных городах: убийство, грабеж и насилие – вот что ждало Шалем в ближайшие сутки. Потом, скорее всего, солдат призовут к порядку. Наверное...

Поэтому ждать не стала, уловив момент, когда Ярел немного ослабил хватку, со всей силы укусила его за палец. Он отдернул руку и зашипел от боли. Я не стала кричать, прекрасно понимая, что на помощь мне могут прийти лишь женщины, старики или дети, с которыми Ярел с напарником быстро справятся, а лишь громко зашептала, от быстроты произношения, почти проглатывая слова:

– Нет-нет, пожалуйста! Я не буду кричать! Обещаю! Выслушайте меня! Пожалуйста!

Ярел в удивлении застыл на месте, стало понятно, что он колебался, не понимая, почему я не кричу на весь дом, раз уж у появилась такая возможность.

– Пожалуйста! Послушайте меня! Я не собираюсь кричать и звать на помощь! Просто дайте мне минуту все объяснить!

– Что ты собралась объяснять, девочка? – удивленно про-

шептал Ярел.

– Не нужно меня выкрадывать. Это слишком опасно для вас и совершенно не нужно! Поверьте, я вполне могу сама спрятаться на время штурма.

О том, что я сказала что-то не то, поняла сразу. Лицо Ярела моментально изменилось, став из растерянного собранным и каким-то хищным.

– Откуда ты знаешь о штурме, Лейла? И кто еще знает об этом?

Он ухватил меня за плечо и крепко сжал. Точно синяк останется. Я тяжело вздохнула, поняв, что только что сама поставила себя в безвыходное положение:

– Никто не знает, Ярел, совершенно никто. – Когда я обратилась к нему по имени, губы мужчины побелели от напряжения. – Освободите мне хотя бы одну руку, и я вам все покажу... – уже совсем обреченно предложила.

Я понимала, что загнала себя в ловушку, но другого способа спасти моих близких просто не видела. И если он решит здесь и сейчас убить ведьму, то это для меня будет лучшим вариантом, чем бросить их на растерзание войны. Но мысли о том, что дружеские чувства к Сольгеру перевесят страх перед неизвестным, и рассказ профессора о том, что в Фаргоции уже немного другое отношение к людям с особенностями, давали надежду, что все может закончиться хорошо.

– Зачем тебе рука и что ты хочешь показать? – напряженным голосом спросил Ярел.

– Я хочу вам показать, откуда узнала о штурме и... Наш общий знакомый был прав: Эстерхази у меня получается просто замечательно, и жаль, что вы не успели его попробовать.

Несколько минут Ярел просто молчал и сверлил меня взглядом.

– Тебя предупредил... наш общий знакомый? – с недоверием спросил он, тоже избегая имен.

– Нет, Ярел-аха, нет. – уже совсем обреченно проговорила я. – Освободите мне руку, и вы сразу все поймете.

Больше моряк артачиться не стал и распаковал меня из одеяльного кокона. Я протянула к нему руку.

– Дайте мне вашу ладонь. Не бойтесь, – горько улыбнулась, – больно не будет.

Желваки Ярела ходили ходуном, однако руку он мне протянул.

И я показала ему все, что только что увидела сама, а потом и то, как лечила Сольгера.

Когда он понял, что показ окончен, тут же высвободил свою ладонь и несколько долгих мгновений просто стоял на месте в глубокой задумчивости. Страшно даже представить, что за мысли бродили в его голове, но мне оставалось только ждать его приговора.

– Ты знала, кто... наш общий друг, когда лечила его? – вдруг спросил он.

Вопрос оказался неожиданным, и я немного растерялась.:

– Д-да, знала.

– И не сдала властям. Почему?

Я тяжело вздохнула. Кто бы знал, сколько раз с тех пор я сама себе задавала этот вопрос. Сколько мучилась от осознания, что, возможно, сведения, украденные Сольгером в ту ночь, могли повлечь... Да то самое нападение на город, что прямо сейчас и готовилось! Видение о том, что в бумагах не нашлось ничего действительно важного, сбросило камень с души. Хотя кто сказал, что Сольгер сказал своему другу правду? Это ведь секретная информация. Но понять мотивы своих действий я так до конца и не смогла.

– Не знаю... – я отвела взгляд и тяжело вздохнула. – Тогда мне показалось это правильным.

Ярел еще немного помолчал.

– Ларич, выйди, проверь, не заснул ли твой напарник на посту. – И когда матрос вышел, сказал: – Мне нужно точно знать, какими способностями ты обладаешь.

Одно то, что он не бросился на меня с криками «Ведьма!», вселяло надежду, а подобный вопрос вполне ожидаем.

– При прикосновении я могу видеть, что произошло с человеком за последние несколько часов, или то, что вертится у него в голове в момент контакта. Еще я могу передать другому человеку образы, которые увидела.

– Это все? – спросил с недоверием в голосе.

Я растерялась.

– Д-да... а этого мало?

– А ты можешь передать другому человеку образы, которых не было?

Я задумалась.

– Не знаю, никогда не пробовала.

– Ладно, я сейчас немного не о том хотел спросить. Разве у тебя нет целительского дара?

– Никогда за собой не замечала.

– А как же ты вылечила рану Сольгера?

Я на это лишь выдохнула:

– Это не дар, вернее, не его действие. Просто я сделала то, что должна была. Признаться, я надеялась, что рана заживет, но боялась, что сделала что-то не так, и очень рада, что Сольгер жив и здоров.

– Поня-ятно... – протянул он, задумавшись. – Где ты сегодня собираешься прятаться и почему не хочешь принять мою помощь?

– Господин капитан, у меня семья, которую я тоже хочу спасти, а прятаться мы будем в доме.

Ярел зло фыркнул.

– В доме? Да солдаты тут все вверх дном перевернут, но найдут и все ваши вещички и вас вместе с ними! Это война, Лейла! Сутки после захвата города будут адом для его жителей! От этого никуда не денешься! Потом военная комендантура, конечно, наведет порядок, но это время все равно нужно пережить.

– Если, господин капитан, вы думаете, что я этого не по-

нимаю, то глубоко заблуждаетесь! – зашипела в ответ. – И если бы у меня была возможность защитить всех его жителей, я бы это сделала! Но у меня есть возможность защитить свою семью, и, поверьте, я это сделаю! А вернее, я знаю, как это сделать, и прошу мне не мешать!

Ярел задумчиво на меня посмотрел и сказал:

– Подвал они тоже найдут.

– Знаю. Но кто вам сказал, что мы будем прятаться в подвале? Да и какие в Шалеме подвалы? Так, одно название – мы же рядом с горами, практически на скальном массиве стоим. Копни глубже – упруешься в камень. – Я снова тяжело вздохнула, прикрыв глаза, прогоняя ненужные слова и мысли. – Ярел-аха, я безумно благодарна вам за предупреждение и желание помочь, но время на исходе, а вам и мне еще многое нужно сделать.

Мужчина тоже тяжело вздохнул, принимая нелегкое решение:

– Хорошо, Лейла. Я уйду, но!.. – он поднял указательный палец вверх. – Я оставлю у дома своего человека.

– Спасибо! – Я расплылась в счастливой улыбке облегчения, все-таки он меня послушал, поверил и не заклеил ведьмой, а знание, что тебе в любой момент придут на помощь, давало дополнительную уверенность, что все будет хорошо.

Однако Ярел тут же оборвал мои радужные мысли:

– Не стоит благодарности. Своего человека я оставлю не

защищать этот дом или вас. В той суматохе, которая здесь совсем скоро поднимется, это будет бессмысленно и опасно для жизни. – Я недоуменно посмотрела на него, и он тут же пояснил: – Он будет следить, чтобы никто не вышел из этого дома предупредить кого-либо о штурме. – после чего пристально посмотрел мне в глаза и спросил. – Это понятно, Лейла?

Признаться, подобная мысль созрела у меня сразу же, как я узнала о штурме. Я не собиралась бежать к ближайшему патрулю и все им выкладывать. Во-первых, никто не поверит такой малявке. Да и пробраться в крепость, где дежурили знакомые офицеры, тоже не получится. А во-вторых, если поверят, то встанет вопрос: откуда я знаю о надвигающейся опасности. Пока суть да дело, штурм уже начнется, а вот какая участь ждет меня лично – большой вопрос. Поэтому я, конечно, хотела предупредить людей, но не всех, а хотя бы Сэйру с семьей. Боюсь, на большее у меня просто не хватит времени, да и все остальные потребовали бы от меня каких-то объяснений, на которые все равно не было бы все того же времени, а вот Сэйра поверит сразу. Я даже набрала воздуха в легкие, чтобы попросить Ярела предупредить хотя бы ее с семьей, но по непримиримому выражению его лица поняла, что ничего не выйдет. А потому лишь тяжело вздохнула:

– Я все поняла, Ярел-аха.

– Тогда прощай, Лейла. Времени осталось слишком мало.

Надеюсь, мы еще увидимся.

– Прощайте, Ярел-аха... – прошептала уже пустому пространству.

Я знала: если выживу, меня уже не оставят в покое, так как мой дар можно использовать по-разному. А сейчас была благодарна этому мужчине за возможность спасти близких. Несколько долгих секунд я позволила себе побыть слабой, пожалеть себя, внутренне поскулить, забиться в страхе в уголок и вспомнить всех, кто сейчас находился в доме.

Отец с помощником уехал совсем недавно и вернется еще нескоро. Кирилл и профессор старые, Ромич хоть и вымахал с моего отца ростом, по сути еще ребенок, и саблей махать умеет очень посредственно – некому было учить его этой премудрости и некогда. Мамук и маленький Мират даже приблизительно за бойцов и защитников сойти не могут, как и мы с мамой и две женщины-служанки, которых отец нанял после рождения Мирата. Вот и весь наш боевой батальон. Отец давно хотел нанять парочку крепких охранников, но в городе строго соблюдался порядок, военные патрули днем и ночью несли вахту на улицах города. Поэтому отец медлил, не видя смысла в дополнительной охране.

А теперь мне нужно было всех поднять, организовать и заставить слушаться. По внутренним ощущениям от обещанного до начала штурма часа осталось минут двадцать, не больше. Поэтому, поскулив, уже вслух, еще немного, я с силой провела ладонями по лицу и волосам, крепко сжала ку-

лаки и приступила к действиям.

Первым делом быстро оделась сама. Потом разбудила маму и кратко рассказала о скором штурме. Подробности обещала рассказать потом – осталось слишком мало времени.

– Мама, иди в кухню и собери столько еды, чтобы хватило как минимум на сутки всем домочадцам. Да, и о воде не забудь. Это важно. Я разбужу всех остальных и пришлю тебе на помощь Эльмиру и Вейлу-ханан.

– Как же это, доченька? – растерянно проговорила она.

– Мама, некогда, у нас меньше двадцати минут. Действуй!

Потом я побежала к Кириму. К моему удивлению, он не спал, а полностью одетый уже ждал меня в своей комнате. Я не успела и рта раскрыть, как он сказал:

– Я видел чужаков в доме, но они ушли и ничего не взяли.

– Я знаю, Кирим-аха. Они предупредили о войне между Фаргоцией и Эльмирантией. Штурм города начнется меньше чем через двадцать минут.

– Понятно, Лейла. Больше ни о чем спрашивать не буду, соберу все самое ценное в доме. Мы куда-то уйдем?

– Нет у нас ни времени, ни возможности. Прятаться будем в доме в потайной комнате.

– В какой из двух? – тут же задал вопрос он.

Признаться, то, что он знает о потайных помещениях, стало для меня сюрпризом, но не сильным – я знала, что отец доверял старику, как себе.

– Та, что рядом со спальней родителей.

– Хорошо. Иди буди всех. Вещи я спрячу в комнате, что рядом с кабинетом.

Об этих комнатах мне – удивительно, но именно мне, а не маме – практически сразу после переезда сюда рассказал отец и показал, как их найти и пользоваться затворами. И если бы он мне о них не рассказал, я вряд ли когда-нибудь их нашла. Немного позже я даже специально пыталась разглядеть, есть ли заметные несоответствия во внешней и внутренней планировке дома, но сама его форма спроектирована так, что что-либо заметить просто невозможно. Думаю, что к этим метаморфозам приложил руку профессор, так как он лично согласовывал с отцом план постройки. Изнутри комнаты тоже найти не то чтобы нереально, но очень сложно, тем более если не знать, что они вообще существуют. В самих комнатах предусмотрительно была сделана хорошая шумоизоляция и, насколько это вообще возможно, автономность. И если комнату рядом с кабинетом отец изначально использовал как сейф, то назначения второй, спрятанной в спальне родителей, я не понимала. До сегодняшнего дня... Вряд ли отец с профессором действительно верили, что когда-нибудь этой комнатой придется воспользоваться как убежищем, но сейчас она могла спасти всем нам жизнь.

Через несколько минут я растолкала всех оставшихся и попросила как можно быстрее одеться и прийти в гостиную.

Мирата, конечно, будить не стали, но его всегда можно перенести и спрятать сонного. Кратко я поведала всем о нависшей опасности и попросила не паниковать и никуда не бежать. Это оказалось сложной задачей, потому что Ромич, к примеру, тут же озвучил желание вступить в бой с подлыми захватчиками, женщины-служанки начали причитать о своей судьбинушке, Мамук пытался присоединиться к уже почти свершившемуся походу мести, о котором вещал Ромич, а профессор усиленно пытался дознаться, откуда я обо всем этом узнала. Гвалт поднялся такой, что стало слышно, наверное, на соседней улице.

Перекричать весь этот балаган я бы не смогла при всем желании, так как имела одну неприятную особенность – когда сильно переживала, не могла громко высказаться, голос становился таким глухим, что я саму себя слышала с трудом. Сейчас же я не просто волновалась, я была практически в панике. Оглядевшись, увидела на столике увесистую вазу, вытащила из нее цветы и выплеснула воду на голосившую толпу.

К счастью, пораженный моей выходной и стекающей с их лиц водой, народ мгновенно замолчал, и у меня, наконец, появилась возможность ответить.

– Ромич, Мамук – еще раз услышу о великом походе двух доморощенных недогероев против целой армии, прикажу выпороть обоих. Вейла и Эльмира-ханан, прекратите истерику, я уже сказала, что на это нет времени, а если вы сей-

час успокойтесь и поторопитесь, то все мы останемся живы и здоровы. Профессор! Ну хоть сейчас умерьте ваш исследовательский пыл и помогите женщинам отнести все необходимое в известную вам комнату за родительскими покоями!

– Как насчет того, чтобы предупредить кого-то еще? – стенировал новый вопрос профессор.

Я тяжело вздохнула.

– Нельзя. Вернее, не выйдет. Знание о нападении не должно покинуть этот дом. Нам просто не позволят предупредить.

– Кто? – последовал новый вопрос, и все затаили дыхание.

А я поняла, что больше не в силах что-либо придумывать, но и правду сказать тоже не в состоянии. Поэтому воздела руки к потолку и на выдохе буквально прокричала:

– Всевышний дал мне это знание! И ни мне, ни вам не дозволено его послушаться!

Все в городе уже давно шушукались о моей необычности – все-таки списать все мои странности и знания на заморского учителя подчас было просто невозможно. Но никто, кроме Миры и тех немногих, кто ее слушал, не приписывал это к чему-то темному и запретному, скорее, к некому дару Всевышнего, данному девочке после тяжелой болезни. Думаю, отцу пришлось немало потрудиться, чтобы внедрить эту информацию в массы. Ну да не суть, а суть в том, что дома в это все свято верили, а потому и сейчас на мое заявление отреагировали так, как я того и добивалась: перекрестились

заведенным здесь способом и разошлись выполнять мои поручения.

Собрались мы, конечно, не за десять оставшихся минут, но к тому моменту, как в начале улицы послышались звуки боя, мы все уже сидели в потайной комнате.

– Мират! – прямо над моим ухом внезапно раздался мамин панический визг.

– Всевышний... – я закрыла лицо руками.

За всей этой суетой мы забыли Мирата! И он, не смотря на весь создаваемый нами шум, спокойно спал в своей кровати. Мама тут же встала и попыталась пройти к двери.

– Нет, мама, оставайся здесь, я схожу за братом сама.

В сложившихся обстоятельствах я ощущала себя ответственной за всех собравшихся здесь людей, поэтому просто физически не могла позволить кому-то из них выйти из безопасного схрона.

– Но Лейла... – попыталась возразить мама.

– Я быстро! – Бросила я, уже в самых дверях.

Когда я оказалась за пределами комнаты, сразу услышала звуки боя, который, казалось, шел уже у самого дома. Я бросилась в детскую, где нашла уже проснувшегося Мирата, который сидел на кровати и непонимающе хлопал глазами, готовый в любой момент расплакаться. Я обняла его, изображая на лице энтузиазм, и ободряюще улыбнулась.

– О! Ты проснулся! Молодец! А сейчас мы поиграем в одну очень интересную игру!

– Какую? – заинтересовался мальчик.

– Мы будем шпионами, которым нужно тихо и очень быстро пробраться через лагерь врага к своим товарищам. Идет?

Мират заулыбался и соскочил на пол. Я взяла его за руку и подхватила с лавки его одежду. На выходе из комнаты прислушалась и уже готова была бежать к спасительной комнате, когда услышала, как входная дверь с громким стуком отворилась, и в доме послышался топот нескольких пар ног. Шаги приближались слишком быстро, чтобы успеть добежать до спальни родителей и скрыться за потайной дверью до того, как нас обнаружат. Да что, там! До встречи с незваными гостями нас отделяло всего пару секунд, за которые я успела лишь задвинуть за спину ничего не понимавшего Мирата.

Налетевшую на нас девушку я узнала сразу и чуть не расплакалась от облегчения, даже ноги невольно подкосились, но я устояла.

– Лейла, это ты?! Слава Всевышнему! Где все? Там такое... такое... – всхлипывая, Айла бросилась ко мне.

– Ты кого-то нашла? – послышался за ее спиной взволнованный голос Сэйры.

Айла тут же отодвинулась от меня, демонстрируя находку матери. А я увидела Сэйру и раненого Саргайла, который буквально висел на ней. По его виду сразу стало понятно, что он тяжело ранен: левая рука висела плетью, нога плохо слушалась, а когда он поднял лицо, показалось, что у него остался только один глаз – вся правая сторона была залита

кровью. Невольно я ахнула, прикрывая рот ладонью. Неужели это Саргайл? Тот веселый бравый офицер, чьи глаза-маслины сводили с ума всех окрестных девушек?

– Лейла! – заговорил он натужным хриплым голосом. – Нужно бежать. Где все?

Недалеко от дома слышались голоса и выкрики. Скидывая с себя оторопь, я попыталась собраться с мыслями.

– Все здесь, в безопасном месте. Пойдемте скорее, нужно спрятаться...

– Что значит здесь, Лейла? Ты что не понимаешь? На город напали! Нужно отсюда бежать! – Попытался прокричать повысить голос Саргайл, но закашлялся и лишь сильнее повис на Сэйре.

– Конечно, в таком состоянии ты точно далеко убежишь. – К этому моменту я полностью взяла себя в руки, а потому говорила уверенно, так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что нужно делать так, как говорю я. – Следуйте Скорее за мной! В доме оборудовано убежище. Все уже там....

Тут за моей спиной раздался тихий детский голос.

– Лейла, а нам уже можно играть в шпионов?

– Конечно! – Тут же откликнулась я. – Просто нас теперь будет больше.

И повела всех к потайной двери, у которой, к моему неудовольствию, стоял Ромич.

– Ты почему вышел? – зашипела я.

– Откуда они здесь? – и не подумал отвечать он.

– Все потом. Открывай дверь.

Когда мы оказались внутри, все были, мягко говоря, в шоке – не ожидали, что уйдя за ребенком, приведу еще троих взрослых, один из которых тяжело ранен. Места в комнате вдруг оказалось очень мало – все-таки двенадцать человек.

Начавший было подниматься галдёж, мама задушила в зародыше.

– Тихо! С минуты на минуту в дом ворвутся солдаты! Уверена, нам скоро все объяснят!

Я благодарно на нее посмотрела и глубоко вздохнула:

– Саргайлу срочно нужна помощь. Мама, ты взяла тревожный чемоданчик?

Та встреча с Сольгером, когда мне пришлось по всем углам искать средства первой помощи для раненого, не прошла даром, и я позаботилась о том, чтобы у нас в доме и в кофейне появились аптечки – «тревожные чемоданчики», где лежали средства дезинфекции, мази, сборы трав, рулон самодельного бинта и всякие мелочи – даже нитки с иголкой.

Мама утвердительно махнула головой и вместе с Эльмирой начала снимать с раненого одежду. Сэйра в это время как бы отдалилась от всего вокруг, присела в угол и прикрыла глаза. Айла опустилась рядом и положила голову ей на колени, крепко обняв за талию. Я выдохнула и, глянув на Саргайла, поняла, что хранящихся в «чемоданчике» бинтов и дезинфицирующих средств явно не хватит.

– Мама, ты взяла что-нибудь, из чего можно сделать бин-

ты?

– Сейчас, я посмотрю, что подойдет... – она завертелась на месте в поисках мешка.

– Хорошо, мама, спасибо! Профессор-аха, я знаю, вы просто обязаны были захватить с кухни что-то покрепче воды... – Хотя я вроде и не спрашивала, но вопросительно посмотрела на профа в надежде, что он подтвердит мою догадку.

– Да... – после некоторой паузы проговорил он и довольно быстро, как бы оправдываясь, продолжил. – Я взял с собой домашнюю настойку и вино, все-таки нам всем нужно немного расслабиться... – сутки в закрытом пространстве... Ты же знаешь, я не люблю ни тесных кают, ни... – он красноречиво обвел взглядом комнату.

– Это просто замечательно! – облегченно выдохнула я. Но тут же исправилась, поняв, как это прозвучало со стороны. – В смысле, замечательно, что вы все это захватили! Вы очень предусмотрительны и дальновидны! – Даже в таком состоянии я как могла решила подбодрить профессора, все-таки он человек уже в возрасте и все эти потрясения, как и непереносимость замкнутых пространств, могут плохо на нем сказаться.

– А вода? Сколько у нас воды?

– На сутки должно, и нам хватить, и господина офицера обмыть, – ответила Эльмира.

Обмыть? Эта ощипанная курица и правда думает, что я дам Саргайлу погибнуть и нам придется обмывать покойни-

ка? Интерпретировать эти слова иначе было просто невозможно, так как в эльмирантийском языка подобное употребление слова имело именно такой контекст. Было конечно «обмыть» со вполне обычным значением, но произносилось оно немного по-другому. А потому гнев и какое-то дикое отчаяние буквально вскипели в моей крови.

Увидев мой разъяренный взгляд, она тут же исправилась: – Я хотела сказать промыть господину офицеру раны! – и затараторила в надежде прикрыть свой промах. – Мы специально взяли побольше воды, чтобы хватило, и попить, и умыться!

Я решила не заострять на этом внимания и как могла успокоилась, все-таки сейчас самое неподходящее время для выяснения отношений.

Женщины уже освободили раны Саргайла от одежды, промыли, продезинфицировали и перевязали те, что помельче. Но кровь из более серьезных не думала останавливаться, поэтому я под изумленные взгляды матери и остальных наложила жгуты. Лицо осторожно обмыли от крови, и раны на нем оказались не так страшны, как казалось, а я еще раз убедилась, что любые повреждения на лице выглядят гораздо страшнее, чем есть на самом деле. Да и глаз оказался на месте, просто заплыл. Действительно пугала лишь одна глубокая рана на лице, к которой приложили лоскут пропитанной антисептиком ткани. Ее нужно было зашивать.

Я мысленно застонала. Как же не хотелось вновь брать-

ся за иголку! Но надо. Здесь почему-то особенно сильно боялись ран на лице, и даже знахарки и лекари предпочитали за них не браться. И это было гарантированное уродство, ведь она заживала долго и как придется, а уж такая, на пол лица, вполне могла закончиться не просто уродливым шрамом.... Сейчас только грамотная медицинская помощь могла помочь несчастному. Хотя, где я и где грамотная медицинская помощь! Всевышний! Хотелось покричать вслух, но я ограничилась беззвучным внутренним воплем и попыталась взять себя в руки.

– Мама, нужно положить в домашнюю настойку нитки и иголку из «чемоданчика».

– Зачем? – удивилась она.

– Будем зашивать господину офицеру раны, – сглотнув и судорожно вздохнув, ошеломила ее.

Мама серьезно посмотрела мне в глаза и, перекрестившись по местному обычаю, принялась выполнять то, что я попросила. Хотя было видно, что делает она это с большой неохотой, недоверием и даже возмущением. Вейла и Эльмира просто сидела с круглыми непонимающими глазами и переводили взгляд с меня на маму, явно не веря, что она восприняла мои слова серьезно. На мужчин в это время я не смотрела, хотя и знала, что они о чем-то тихо между собой беседовали, не обращая внимания на женское крыло, которое помогало офицеру. Напряженное молчание прервал тихий каркающий смех Саргайла.

– Лейла, ты неподражаема! Но сегодня чуда не случится. При моих ранениях разве что хороший лекарь смог бы помочь, и то не факт. А ты, конечно, замечательная девочка, но не нужно мучить ни себя... ни меня. Эта женщина правильно сказала: еще немного – и меня нужно будет обмывать, а не зашивать.

На последней фразе его и так тихий голос стал почти неслышным. А я разозлилась! На этот мир, на солдат и их военачальников с обеих сторон, на самого Саргайла, на ситуацию в целом, и больше всего на себя! За то, что стояла в нерешительности, хотя могла помочь, и за то, что этот мужчина себя уже хоронил. А злая женщина – это опасная и решительная женщина, даже если для всех она всего лишь ребенок.

– Саргайл, я тебе сейчас одну вещь скажу... Ты ее, пожалуйста, запомни, потом, как придется, запиши и можешь даже повторять, когда особенно хреново будет: Ты жутко везучий тип! И ты выживешь, чтобы ни случилось. Я лично за этим прослежу и Всевышнего за тебя попрошу. Понял?!

Во время всего этого спича в комнате стояла полная тишина, а потому мы без труда услышали совсем рядом приглушенные выкрики и топот тяжелых сапог. Я прикрыла рот ладошкой и, в испуге опустилась на колени рядом с Саргайлом, а Кирим прикрыл горшком и без того слабо горевшую масляную лампу. И хотя мы специально проверяли, виден ли свет за пределами комнаты, предосторожность никому не

показалась лишней. К счастью, нас никто не услышал и не увидел. По крайней мере, никто не спешил крушить стены в поисках непонятных голосов, и это радовало. Некоторое время за стенкой еще слышалось чье-то присутствие, однако, скоро не стало слышно и его. Но радоваться никто не торопился, так как это совсем не значило, что дом пуст.

Еще немного посидев в тишине и темноте, я, наконец, решила пошевелиться и подползла к «тревожному чемоданчику».

– Кирим, открывай лампу, думаю, уже можно, извне все равно не видно, мы же проверяли.

– Так-то оно так... – прокряхтел он, освобождая лампу из «плена». – Но предосторожность никогда не повредит. – Потом немного подумал и сказал Ромичу: – А ты поднимись-ка вон по тому чурбачку и вынь из стены камень – нужно пустить немного воздуха, а то нас здесь слишком много.

Ромич в недоумении потянулся к ближайшему камню, однако тот и не думал сдвигаться.

– Да не этот, балбес! Тот, что выше и цветом немного отличается. Да! Днем еще парочку достанем, чтобы свежее было, а сейчас нельзя, могут свет непонятный увидеть.

«Да-а, а я таких подробностей и не знала... Надо было отца получше расспрашивать, а не изучать механизм двери, открыв рот. Хорошо, что Кирим в курсе. Так-так, а где у нас болеутоляющая настоечка? Только вот поможет ли она нашему бравому офицеру? Мама-то ее принимает, если голо-

ва вдруг разболится, а тут проблема почище головной боли, да и к чему привлечет увеличение дозы, я тоже представляла слабо. А может, снотворного дать? Хотя не помню, чтобы таким образом хоть кого-то готовили к операции. Блин, неужели снова наживую шить придется? Только вот ему стонать или кричать громко нельзя, в доме все еще может кто-то находиться или снова вломиться»...

– Чего пригорюнилась, красавица? – снова подал голос Саргайл и даже попробовал улыбнуться, но тут же сморщился и прикрыл единственный видящий сейчас глаз.

– Да вот думаю, как тебя обезболить. Ни кричать, ни громко стонать в нашем положении нельзя, а если я начну шить, будет очень больно.

Я решила быть с ним предельно честной, другого в нашей ситуации просто не предусматривалось.

– Не бойсь, Лейла, я все выдержу, – оптимистично отозвался Саргайл. Но потом снова посерьезнел. – Ты уверена, что справишься? Может, не нужно? Крепость им все равно не взять. А через несколько дней сюда перебросят столько войск, что от этих захватчиков и следа не останется. Я вообще не понимаю, ради чего они затеяли все это, если удержать просто не в состоянии, даже если к ним по морю будет подходить помощь. Да и у нас флот большой, чтобы надеяться только на этот путь.

– Думаю, все не так просто, – прокряхтел со своего угла профессор. – Не могли они решиться на столь самоубий-

ственный демарш, не имея никакой поддержки и гарантий, да и мир между двумя странами слишком тонкая штука, чтобы вот так его нарушать.

Все снова замолчали, а я вспомнила о том, что увидела в мыслях Ярела. Сольгер тогда сказал, что войска обязательно подойдут, только каким путем? Но это сейчас неважно, важно, что он не стал бы врать другу или отправлять того на верную смерть, зная, что дела обстоят совсем иначе.

– В любом случае, – наконец, прервала я молчание, – мы не можем надеяться на быстрое окончание конфликта. Если город все же захватят, то ты, Саргайл, сможешь получить нужную помощь, только если сдашься. Но и тогда никто не будет спешить помогать военнопленному. Там своих бы от черты отвести. А если крепость устоит, и через пару дней к нам придет подмога, то на твое состояние это тоже повлияет мало: время будет упущено – ты до этого кровью истечешь или пакость какая в открытые раны попадет.

– Ну, может, мы еще и сами отобьемся, – без особой уверенности проговорил он. – Может, не сразу, но отобьемся, – уже гораздо тверже повторил. – Все-таки большие силы они сюда быстро не смогли бы перебросить, а у нас brave ребята служат, крепость хорошо укреплена. Да и ребята сейчас проведут рекогносцировку и быстро выбьют их к морю. К тому времени наш флот справится с их жалкими корабликами, и мы окончательно добьем этих неудачников.

Казалось, собственная речь прибавила ему сил. Мне со-

всем не хотелось спускать его с небес на землю и гасить тот огонек надежды, что промелькнул в глазах всех находящихся в комнате, но я все же сказала:

– Надеюсь, что так и будет, Саргайл, но такой уверенности ни у кого нет, поэтому зашивать тебя мы все же будем. Жгуты нельзя держать больше полутора-двух часов. – Я взяла бутылку настойки и протянула ему: – На, выпей. Это будет вместо обезболивающего. И постарайся не шуметь. От этого сейчас зависят наши жизни. – Я отвернулась, чтобы взять еще одну лампу, которую для меня услужливо подпалил Ромич, и нитку с иглой, а когда повернулась снова, в глазах раненого плескался страх.

«Да-а, не верит он в мои способности. Но его не за что винить. Я и сама в них слабо верю. Только вот выхода другого нет... Но я сделаю все, чтобы ему помочь!»

– Все будет хорошо, Саргайл. Верь мне, – сказала совсем тихо.

По сгустившейся за моей спиной тишине я поняла, что все напряженно ждут, действительно ли я начну зашивать раны. Ждут и не верят, что я все же на это решусь. Нет, останавливать меня никто не стал – слишком уж за последние годы все уверились если не в моей исключительности, то странности, но наблюдать, как ребенок неполных десяти лет собирается делать то, на что не решаются даже знахарки, а вернее то, что им делать не разрешается, это почти мистическое действо.

Трудно что-то делать, когда за каждым движением неот-

рывно следит десяток пар глаз. Потому я попыталась перевести внимание людей и, поглядев на Саргайла, спросила:

– Тетя Сэйра, а где вы встретили Саргайла? – запнулась и с нарастающей тревогой добавила: – И где дядя Ренат и Арават?

Все взгляды переметнулись на все так же сидевшую с отсутствующим видом Сэйру.

– Они погибли, Лейла... – уронила она фразу, которая, казалось, лишила ее остатка сил, но спустя минуту молчания, которую никто не решился нарушить, продолжила: – Мы были дома, в кофейне, когда все началось. – вдруг, Сэйра подняла на меня взгляд и проговорила. —Ты шей, Лейла, шей. У господина офицера мало времени... – Потом снова перевела взгляд вникуда и продолжила, а я решила последовать ее совету и принялась за руку парня, очень надеясь, что на этот раз дело пойдет легче. – Муж услышал шум на улице, пошел проверить, но быстро вернулся и поднял всех, приказав одеваться и собираться в одной комнате. Потом мы услышали, как дверь в кофейню сломали, и к нам ворвались моряки... – Она перевела дух. – Старший из них сказал, что если мы не будем делать глупости и среди нас нет солдат или офицеров эльмирантийской армии, нас не тронут, только дом проверят. Мы, конечно, сказали, что посторонних в доме нет, подождали пока они проверят и уйдут. Смысла вступать с ними в бой муж не видел. Все-таки мы мирные жители, да и смысл нападать на этих бешеных моряков, число которых

превышает нас? Нас и правда не тронули. Мы даже расслабиться успели после их ухода. А потом двое из них вернулись...

Снова повисла долгая мучительная пауза, во время которой слышалось лишь сдавленное мычание Саргайла, который изо всех сил сдерживал крик. А я думала, что такие подлые люди есть везде, и очень жаль, что близким мне людям не повезло с ними столкнуться. Скорее всего, всем был дан приказ не трогать мирных жителей, если те не нападут сами. Все-таки город хотели захватить, а не уничтожить, но вот против таких личностей в общей неразберихе сделать ничего невозможно. Именно об этом и говорил Ярел, когда предупреждал, что ближайшие сутки станут для города адом.

– ...Мы сразу поняли по их мерзким улыбочкам, что эти двое вернулись не просто так. Сначала они требовали денег. Я готова была отдать все до последней медяшки, лишь бы они нас не тронули, и даже предложила за ними сходить. Но один из этих уродов показал на Айлу и сказал, чтобы деньги принесла она, а он, мол, проследит, чтобы та по дороге не потерялась. Попытавшийся возразить сын получил эфесом по лицу, а я повисла на муже еще в надежде, что все закончится миром... Миром не вышло... Я, дура, сразу и не поняла, для чего он заставил Айлу идти за деньгами, а когда из соседней комнаты послышался приглушенный крик, бросилась на оставшегося нас сторожить шакала. Только муж быстрее оказался и умнее. У него нож был припрятан, того

солдата он убил. Ранили и его, правда, но не сильно. А второго они с сыном с Айлы стащили и тоже прирезали. Хорошо хоть этот шакал не успел ее обесчестить, иначе я бы себе еще и этого не простила...

Снова наступила напряженная тишина, во время которой она гладила дочь по волосам. А я утерла влажный от выступившего от напряжения лоб и обработала уже зашитую на руке рану, мысленно прицеливаясь к бедру Саргайла, который уже даже подвывал как-то вяло.

– ...эти шакалы все же умудрились привлечь внимание других, и мы поняли, что нужно бежать, иначе нас всех убьют. Мы бросились к боковому выходу – через кофейню к нам уже бежали. Выскочили через калитку на улицу, а там крики, лязг оружия – полная неразбериха. На нас напали. Ренат и Арават отбивались, как могли. Мы с Айлой прятались за их спинами, служанки и рабы куда-то разбежались. Да и что-либо понять в той кутерьме было сложно. Когда упал сын, Ренат пытался его отбить, но тщетно, совсем скоро упал и он. Я хотела... Я была готова остаться там, вместе с ними, но Айла... Нужно было спасти хотя бы ее, поэтому я их бросила...

Голос Сэйры дрогнул, и из ее глаз, наконец, потекли слезы, но она все же продолжила свой печальный рассказ. А я уже штопала ногу, делая стежок за стежком и смаргивала набежавшие на глаза слезы. Саргайл потерял сознание еще в тот момент, когда я взялась за вторую рану. Пожалуй, для

него это сейчас наилучший вариант.

– ...Пробиться нам помог Саргайл, который увидел нас, еще когда были живы Ренат и Арават, но пробиться к нам получилось не сразу. У него сегодня отгул, вот он и ночевал в городе, когда все началось. Когда выдалась возможность, мы побежали к вам. Недалеко отсюда на нас напали сразу трое. Саргайл всех убил, но сам оказался сильно ранен. Я до сих пор не верю, что мы до вас добрались...

Мама подошла к Сэйре, присела рядом и обняла ее. Остальные женщины тоже придвинулись к ним ближе, выражая сочувствие. Этого простого действия хватило, чтобы пробить брешь в ледяном панцире бесчувствия, который воздвигла вокруг себя женщина. И она тихо разрыдалась, прижимаясь к маме и пряча лицо на ее плече. Мужчины сидели хмурые и прятали глаза, мальчики этими самыми глазами сверкали и гневно сжимали губы, а Мират не понимал, что произошло, и жался к старшему брату, вопросительно заглядывая ему в глаза. Не в силах осознать, что значит умерли, если еще вчера он с дядей Ренатом стул починял, а с Араватом пробовал новый пирог?

Мне тоже безумно хотелось обнять Сэйру и Айлу, хотелось вместе с ними оплакать их потерю, хотелось просто поделиться своим теплом и участием, однако передо мной стояла гораздо более сложная задача: сделать все, чтобы лежащий передо мной раненный мужчина выжил. Я перевязала его бедро, медленно и осторожно ослабила и сняла жгут, и

посмотрела на его лицо все еще не в состоянии решиться на такую сложную операцию. С одной стороны, если я сейчас не наложу швы, то заживать будет долго, а главное – криво, что изуродует красавца офицера так, что даже представлять не хотелось: сабля разрубила ему лицо от середины правой щеки через верхнюю и нижнюю губы и до подбородка. А с другой стороны, я даже не представляла, чем может закончиться моя помощь, и не попаду ли я в какой-нибудь нерв, из-за чего лицо несчастного может перекосить еще хуже. Я мысленно передернула плечами. Подумав, решила, что хуже уже быть не может, ведь даже если я зашью его неудачно, то края раны хотя бы заживут более-менее ровно... К тому же его бессознательное состояние позволит избежать шока от боли. Главное, чтобы сердце выдержало. При этой мысли мое собственное почти остановилось, а потом бросилось в бешенный галоп, и я снова старалась взять себя в руки.

Забрав у Кирима и его лампу, поставила обе как можно ближе к лицу офицера и мысленно содрогнулась: если бы хоть один из тех, кто в нашем мире имеет отношение к медицине, видел сейчас эту картину и знал, что я собираюсь делать и уже сделала, наверное, покрутил бы пальцем у виска и сказал, что я сумасшедшая. Хотя разве в военно-полевых госпиталях второй мировой войны условия были лучше? Но там работали обученные врачи, а я сейчас пытаюсь взвалить на свои плечи то, что делать в принципе не должна... Но буду.

– Ромич, – позвала на помощь парня. Почему-то именно на него неосознанно я решила опереться в данной ситуации. Мысли о наших земных военно-полевых врачах напомнили, что они работали не сами: у них были помощницы-медсестры, – на вот, держи вот это... – показала ему скрученные в маленький рулончик мягкие тряпочки. – Я называю это тампон. Будешь прикладывать и промакивать им кровь, когда я буду зашивать рану. Постарайся делать это так, чтобы я постоянно видела ее края. – И спохватилась, когда он протянул руку: – Руки! Нужно хорошо помыть и обтереть домашней настойкой руки!

И мы приступили. Больше ничьи взгляды мне не мешали, потому что я сосредоточилась на ране Саргайла настолько, что не видела и не слышала ничего вокруг.

Когда операция закончилась, и я обработала рану лечебной мазью и прикрыла тряпицей, почувствовала, что устала так, что ни на что больше сил просто не осталось. Поэтому, помыв с помощью Ромича руки и лицо, прилегла недалеко от Саргайла и тут же уснула – эта ночь была слишком насыщенной и далась мне очень тяжело.

Проснулась я от тихого шепота.

– Малика, ты уверена, что этот офицер жив? Смотри, какой бледный.

– Уверена, Эльмира. Да ты и сама можешь убедиться.

Смотри, у него на шее бьется жилка, значит живой.

– Ну не знаю, Малика. Твоя дочь с ним полночи провозилась, ты уж меня извини, но то, что она делала, уж больно на колдовство похоже.

– Ай! Глупая ты женщина, Эльмира! Ну, какое колдовство? Она просто раны ему зашила! – остервенело зашипела ей в ответ мама.

– Просто раны зашила, говоришь? – так же остервенело зашипели ей в ответ. – Где это видано, чтобы раны женщина зашивала? Да и не женщина еще, а ребенок! Знахарка и та не берется! Говорит, грех это. Всевышний запретил женщине прикататься к человеческому телу иголкой!

– А когда ты при вышивании пальцы колешь этой самой иголкой, Всевышний тебя не наказывает? Нет? – вдруг заговорил профессор. – Неправда все это, суеверия. В той же Фаргоции и Тализии уже учат женщин сложному врачеванию, одними отварами и притираниями обойтись невозможно. Особенно в деревнях, куда квалифицированные лекари отродясь не забредали. Так что нечего на девочку напраслину возводить! Ее можно обвинить лишь в том, что она не по годам умна, а душа ее слишком чистая и добрая, чтобы пройти мимо чужой боли и несчастья.

В данной ситуации Эльмира была права в одном: хирургия в Эльмирантии до сих пор исторически была прерогативой мужчин. А вот женщины, даже знахарки к этому виду деятельности почти не допускались. По крайней мере, в

мирное время. А оно в этой части страны было долгим.

Со стороны Эльмиры раздалось неприязненное сопение:

– А с каких это пор рабы столько воли получили, что отвечают вперед хозяев? – склочно заявила та.

– А с таких, – точно с такими же интонациями заявил профессор, – что нас воины Фаргоции завоевали. А там рабства нет.

– А вот это еще неточно! Может, эльмирантийские солдаты уже давным-давно отбились? А мы тут сидим и ждем непонятно чего!

– Так, может, пойдешь и проверишь? – отозвался проф.

Эльмира аж взвилась на месте:

– Малика! Я требую, чтобы этого презренного раба наказали! Он прилюдно оскорбил меня!

Яростный шепот норовил перейти в визг, назревал конфликт, а я ничего этого не хотела. Вернее, очень хотела его предотвратить, поэтому демонстративно перевернулась на бок и, зевнув, открыла глаза.

Комнату заливал мягкий дневной свет, который просачивался из отверстий в верхней части кладки стены. Видимо, это те самые места, о которых говорил Кирилл, когда просил Ромича достать из кладки камень.

– Добрый день. Я долго спала?

Женская часть как могла отгородилась от мужской – местные представления о женской и мужской половинах прочно засели в мозгах здешних обитателей и даже в такой ситуа-

ции они следовали традициям. Была бы здесь хоть какая-то ширма, все бы чувствовали себя гораздо комфортнее. А так стресс, маленькое пространство, где все вынуждены как-то сосуществовать и, извиняюсь за подробности, ходить на горшок, прикрывая друг друга, чем придется. Да еще духота, которая неизбежна даже с той вентиляцией, что обеспечили строители, ведь людей здесь собралось гораздо больше, чем нужно для комфортного пребывания, и, как вишенка на торте, раненый и я со своей операцией, которая выбивается из всего, что можно ожидать от ребенка девяти с половиной лет. Неудивительно, что люди нервничали и срывались на скандалы.

Наконец, в напряженный тишине прозвучал мамин голос:

– Не очень, солнышко. Сейчас где-то полдень.

– Хорошо, Саргайл приходил в себя?

– Нет, не приходил. Так чуть живой и лежит.

Я наклонилась над ним и прислушалась. Дыхание было редким, но ровным. Взяла запястье и стала считать пульс – вполне нормальный. Точно сказать не могла, так как часов с секундной стрелкой, чтобы посчитать точное количество ударов сердца в минуту, не было. Положила руку на лоб: температуры нет – это хорошо, хотя и ничего не значит, воспаление может проявиться не сразу. Потом приложила ухо к груди, слушая сердце. Стук был ровным и отчетливым. Подумав еще немного, я поняла, что других диагностических способов все равно не знаю, придется ждать, когда пациент

проснется или очнется. В любом случае, ему нужен хороший уход, питание и питье, которые, сидя в этой коморке, обеспечить невозможно.

Скандал меж тем сам собой сошел на нет.

– В доме было что-то слышно, пока я спала?

– Нет, Лейла, с ночи ничего не слышно, – ответила мама.

– Может, стоит выйти и осмотреться? – неуверенно предложила я.

– Я с тобой! —откликнулся Ромич.

– Никто никуда не пойдет! – тут же со страхом крикнула мама.

– Но, мама! – я попыталась возмутиться, но вмешался Кири-
рим:

– Ваша мама права. Нечего детям рисковать. А вот стар-
рый Кири-рим может и выйти. Если кто меня и увидит – что со
старика возьмешь? А разведать, что там да как, обязательно
нужно. – Он с кряхтением поднялся, повел плечами, разми-
наясь, и подошел к двери. – Если к ночи не вернусь, до утра
не выходите. А потом пусть Ромич обстановку разузнает, он
парень шустрый.

И вышел, оставив нас в неизвестности и волнении.

Однако вернулся Кири-рим довольно быстро – не прошло и
часа.

– Ну что там? – накинулся на старика Мамук, который от
нетерпения разве что на месте не подсказивал.

Мират не стеснялся и подсказивал, как на пружинках:

– Деда Кирим, Деда Кирим, на улице узе мозна?

– Сядьте, неугомонные, нечего перед стариком мельтешить, – осадил их Кирим и сам присел, немного отдышался и сказал: – Новости у меня такие: войска Фаргоции штурмуют крепость. И, как мне кажется, совсем скоро ее возьмут.

– Как возьмут? – взвился Мумук. – Эти шакалы просто не могут победить наших доблестных воинов! Один Саргайл убил сразу троих в схватке!

Остальные женщины тоже заохали и что-то запричитали.

– Ох, Мамук. Какой ты нетерпеливый! Сядь! Чего вскочил? Дай послушать Кирима! – замахала на него руками мама, прекращая и гам среди женщин.

Кирим сидел и как будто и не торопился говорить дальше. Ромич потянул Мамука за полу рубашки, и только после того, как тот уселся, старик продолжил рассказ:

– Не знаю, откуда они столько людей взяли, но перед крепостью целая армия стоит. По городу патрули ходят, никого на улицу не пускают.

– А ты как об этом узнал, ежели из домов никого не выпускают? – подозрительно спросила Эльмира.

Кирим недовольно сверкнул на нее глазами, но ответил спокойно:

– У старого Кирима есть уши и глаза. Порой этого вполне достаточно.

Эльмира открыла было рот, чтобы задать очередной вопрос, но я успела первая:

– Спасибо, Кирым! А в доме? Безопасно? Как ты думаешь, нам уже можно выйти?

– Думаю, еще рано, – ответил он, немного помолчав. – Судя по всему, захват и разбой уже закончились, но пока крепость не возьмут, ни в чем нельзя быть уверенным. Мало ли чего под шумок еще могут наворотить?

Я тяжело вздохнула и посмотрела на Саргайла. К моему удивлению, он очнулся и внимательно слушал старого слугу. Потом наши взгляды встретились, несколько секунд он смотрел на меня, а потом прикрыл здоровый глаз, и я заметила, как дернулся его кадык в попытке сглотнуть. Я тут же бросилась к кувшину с водой и, налив немного в кружку, приподняла ему голову и, как смогла, напоила. Вода заструилась по его сухим губам, частично попадая в рот и большей частью выливаясь на шею и самодельные бинты.

«Эх, сюда бы хотя бы трубочку, чтобы не травмировать зашитую челюсть! — подумалось мне. – А еще ему бы сейчас бульончика предложить, настоя укрепляющего или хотя бы сладкого чаю».

– Как ты? – почему-то прошептала я, вытирая ему шею. – Ой, не говори ничего, не надо! Тебе пока нельзя. Швы разойтись могут. Я буду спрашивать, а ты глаз закрывай, если «да», и не закрывай, если «нет». Хорошо?

Он послушно прикрыл глаз. И несколько минут я пыталась узнать о его самочувствии. Но на все мои вопросы он отвечал, что все хорошо, и нет, он ничего не хочет. Тогда

я от него отстала, потому что поняла, что Саргайл устал и расстроен, а потому просто погладила его по волосам и прошептала на ухо, что все обязательно будет хорошо.

К вечеру я настолько извелась, что была решительно настроена выйти и затопить печь, чтобы сделать Саргайлу укрепляющий настой или чай.

– Не вздумай! – строго сказал мне на это профессор. – Дым из трубы может привлечь ненужное внимание. К тому же, если крепость взяли, то солдатня будет праздновать, и рада будет заглянуть к тебе на огонек. Хотя вряд ли они так быстро военную крепость возьмут. Но все равно на ночь глядя я тебя никуда не пущу!

– Ну можно я хотя бы одним глазочком посмотрю, что там делается?! – взмолилась я.

– Лейла, тебе же сказали – нет! – раздраженно отрезала мама, пытаясь одновременно успокоить разошедшегося Мирата. Ему было особенно тяжело в таком маленьком пространстве без движения, и последние пару часов малыш капризничал без остановки. Все уже выбились из сил, выдумывая, чем его занять.

Я в который уже за эти сутки раз тяжело вздохнула и позвала Мирата к себе:

– Хочешь, я расскажу тебе легенду о трех братьях и лунных яблоках?

– О чем? – недоуменно переспросил мальчик.

– Значит тебе интересно? – подначила я его, и Мират кивнул головой. —Тогда слушай.

Отчего-то сейчас, глядя на раненого Саргайла и переживая о его ранениях, ведь мало зашить, надо еще удостовериться, что в ранах не осталось никакой заразы, которая может вызвать лихорадку, а то и его смерть, мне вспомнилась эта легенда. В этом мире ни о каких бактериях еще было не известно, и можно было ожидать большей антисанитарии и более легкомысленного отношения к чистоте ран, но благодаря вот этой вот легенде, которая очень органично вписывалась в местные верования, этого не происходило.

И я начала рассказ:

– В стародавние времена, когда Всевышний еще спускался на землю, чтобы посмотреть на дела рук своих и созданных им людей, жили были три брата. И были они прекрасны ликом, добры душою и восхваляли Всевышнего словами и делами. Заметил это Всевышний и решил посмотреть на них вблизи. По дороге он побывал на Луне, где насобирав себе лунных яблок, которые очень любил. И вот встретил он их на дороге и, в стремлении поговорить, пригласил в свой шатер. Одним движением руки он накрыл стол с разными яствами и устелил землю мягкими коврами, на которых было так удобно восседать. Для себя же, он наполнил блюдо лунными яблоками, и все приступили к еде. Однако, предупредил Всевышний молодых людей, чтобы эти яблоки (Ох уж

этот фрукт, который и тут стал виновником всех бед!) они не ели и даже не трогали, так как те выросли не здесь и не предназначены для людей. Много они тогда разговаривали и долго, устали и попросили разрешения прилечь отдохнуть в шатре. Конечно, Всевышний был не против, однако сказал, что еще хочет побродить по свету и ненадолго их оставит.

Уснули братья, а когда проснулись, то увидели яблоки, что остались после трапезы Всевышнего. И так им захотелось их попробовать, что решились они послушаться Всевышнего. Первый брат взял и сразу съел яблоко, второй тоже взял яблоко и повертел его в рука. Однако съесть не успел, потому что старший брат ухватился за живот и упал замертво. Средний брат выронил яблоко, но почесал царапину на руке, которую получил совсем недавно и тоже упал замертво, так как на яблоке была та самая лунная пыль, которую он не заметил, но которая попала в его рану. Третий же, самый младший так ужаснулся произошедшему, что взял тарелку с еще оставшимися злосчастными яблоками и выкинул из шатра. И, как только яблок коснулся солнечный свет, превратились они в одну сплошную лунную пыль, которую тут же подхватил игривый ветер и разнес по всему миру.

Вернулся тут Всевышний, увидел, что произошло, и все понял. Ужаснулся произошедшему, однако винить братьев не стал. Сказал лишь, что сам того не желая впустил в этот мир то, чего тут быть не должно. Утешил младшего брата Всевышний и наказал ему передать людям, что пришла в

этот мир лунная пыль. Для Всевышнего пыль совершенно не опасна, даже вкусна, но вот для людей это яд, что проник в этот мир и теперь будет повсюду. И наказал он младшему брату передать людям, чтобы мыли они руки и учились лечить раны, так как теперь эта лунная пыль будет мешать их самостоятельному заживлению. В доброте своей Всевышний постарался замедлить действие лунной пыли, чтобы люди успевали бороться с нею. Но вот средства борьбы не указал, сказав лишь, что коли люди его послушались, то пусть и ищут как бороться с напастью сами.

– Мама ясказывая мне пья лунную пыль... – задумчиво протянул мальчик и на некоторое время затих что-то обдумывая. Но хватило его ненадолго и уже через несколько минут он снова начал ерзать на моих коленках, а я решила развлечь его иначе.

– Хочешь, я спою тебе песенку про маленького художника?

– Хочу! – отозвался он и выжидательно на меня посмотрел.

А я начала петь «Оранжевую песню», которую не так давно для себя переводила на местный язык:

Вот уже два дня подряд я сижусь рисую.

Красок много у меня – выбирай любую.

Я раскрашу целый свет в самый свой любимый цвет...

– А разве так можно? – удивился Мамук.

– Можно, конечно, на самом деле в творчестве можно все,

если это идет от души, только не каждый может это понять... Но ведь это уже проблема того, кто не понял? – улыбнулась я и потрепала буйные вихры завозившегося на моих коленях Мирата.

– А где майчик взял стойко кьясок? – удивил меня вопросом малыш.

– Но он же маленький художник! И откуда ты взял, что это мальчик? Может, это поется о девочке?

– Нее, девочка не может быть художником, – убежденно ответил на это Мамук.

– Почему же? – неподдельно удивилась я.

– Потому что она девочка, – так же убежденно заявил он.

– И ты считаешь, что в жизни девочки нет места творчеству?

Мне даже интересно стало, куда нас заведет этот разговор.

– А какое у нее в жизни может быть творчество? Детей нужно растить, за домом следить...

– Ну хорошо, а вышивка? Ведь вышивают только женщины и то, что они делают, можно считать произведением искусства. Только у них вместо красок нитки.

Мамук ненадолго задумался и как-то не уверенно произнес:

– Но ведь все говорят, что призвание женщины – дом и семья.

– Это так. Но почему ты решил, что, кроме дома и семьи, в жизни женщины больше ничего не может быть? Я вот,

например, выражаю свою творческую энергию в кулинарии. Без этого нашей кофейни уж точно не было бы. Сэйра тоже. Айла любит вышивать и уже сейчас делает замечательные вещи. А наша мама выражает свое творческое начало в убранстве дома. Посмотри, какой он у нас красивый и уютный. И таким его делает именно женщина.

Казалось, Мамук был искренне поражен подобными речами. А потом ни с того ни с сего, сжимая кулаки, выдал:

– Так ты думаешь, что женщины лучше мужчин?

У меня аж глаза на лоб полезли от таких неожиданных выводов:

– Вовсе нет, Мамук! С чего ты это взял? Я совсем не имела подобного в виду! Я хотела лишь сказать, что женщины и мужчины, несмотря на все их различия, имеют одинаковое право на творчество, свои увлечения, свои мысли и уважение в равной степени. – Все это я, разумеется, говорила не только Мамуку, а всем, кто сейчас находился рядом. – Более того – я уверена, что женщины могут гораздо больше, чем думают и хотят им доверить мужчины...

Внезапно, в беседу вмешался профессор:

– Могут... Но хотят ли?

– Хотят ли? – задумчиво повторила я вопрос профессора и задала ему новый: – Дают ли им такую возможность и дают ли им вообще хотя бы захотеть попробовать?

– Да причем здесь хотят или могут? – не выдержав подобных разговоров, которые противоречили всему, что он знал с

детства, раздраженно проговорил Кирим. – Всевышний доверил женщину мужчине, и только ему решать, что она будет хотеть и мочь.

Я сдержала резкие слова, готовые сорваться с губ, вовремя вспомнив, что феминизм здесь не в чести, да и привычка, вбитая за годы жизни в этом мире, заставила смолчать. Однако хватило меня ненадолго:

– Возможно, всевышний и доверил мужчине женщину как более сильному, но это не значит, что он отобрал у нее разум, чувства и желания. Ведь, вручив женщину мужчине, он хотел, чтобы тот стал для нее защитником, а не тюремщиком. Оставьте женщину на острове одну и увидите, что она как-нибудь сама разберется, что ей делать, а не будет ждать мужчину, чтобы он рассказал ей об этом.

– Да что ты такое говоришь?! – искренне возмутилась Эльмира. – В нашем мире женщине без мужчины никуда! Всевышний сказал, что женщина не должна перечить мужчине, должна быть покорна его воле и следовать за ним, куда бы он ни сказал и что бы он ни сделал!

– Понятно... Курица – не птица, женщина – не человек... – пробубнила я еле слышно, отвернувшись. Опустив взгляд, внезапно встретилась с острым и пристальным взглядом Саргайла. Не выдержав, чтобы никто не увидел, показала ему язык и продолжила дискуссию, стараясь не углубляться и не перессориться со всеми, а свести все к невинным рассуждениям. – Но, дорогая тетушка, разве я говорила, что

женщина не должна почитать отца, мужа или брата своего? Я сказала, что она тоже человек, и, как и любой человек, имеет чувства и желания, может творить, любить и ненавидеть. Разве я хоть в чем-то не права?

Та задохнулась от негодования, но ничего внятного ответить не смогла.

– Все ты так говоришь, – сверкая глазами от сдерживаемого смеха, ответил проф. – Только ведь и согласиться нельзя, так как вера и все, что закладывалось с детства, не позволяют, и возразить вроде как нечего.

– Еще как есть чего! – вдруг воскликнула молчаливая Вейла. – Все это богохульство! Каждый священник в Храме это подтвердит!

В комнате поднялся настоящий гвалт. Но меня удивило то, что больше всех возмущались не мужчины, а женщины! Профессор своими меткими замечаниями перетянул весь негатив на себя, мама вяло пыталась защитить меня, Сэйра молчала, все еще погруженная в свое горе, Эльмира и Вейла возмущенно тыкали в меня пальцами и кричали больше всех, Айла им поддакивала, периодически косясь на мать, Кирим их в этом поддерживал, не давай, правда, совсем уж в обиду, а Ромич и Мамук насуплено молчали, лишь громкими возгласами и взмахами рук выражая свое согласие или несогласие уже даже не понять с кем. Саргайл молчал, но по горящему глазу было понятно, что тоже имел что сказать. Все забыли и о конспирации, и о врагах, которые могли пря-

мо сейчас находиться в доме. А я тихо жалела, что вообще начала этот разговор, и молчала, прижимая к себе Мирата.

В какой-то момент все выдохлись, и раздался тихий, обиженный голос малыша:

– Лейма, а почему мне целый день низя быя гьемко говорить, а тепей все кычат? – Немая сцена длилась недолго, и прервал ее все тот же Мират: – Лейма, я хацю песенку пьа маенького художника.

– Хорошо, малыш, только больше не перебивай. Хорошо? – Хаясе! – радостно согласился он.

А я уже без былого энтузиазма и даже с грустью начала тихо петь с припева:

*Оранжевое солнце, оранжевое небо,
Оранжевая зелень, оранжевый верблюд,
Оранжевые мамы оранжевым ребятам
Оранжевые песни, оранжево поют!*

– Странная у тебя песня вышла. Никогда прежде ничего подобного не слышал, – задумчиво протянул профессор.

А я вдруг поняла, что никогда раньше здесь песен не пела. Под нос что-то себе постоянно напевала, но что я там мычу, никто не прислушивался, а потому чуждость мотивов уловить не мог. А музыка и слова наших песен действительно сильно отличались от тех, что ходили по миру и были привычны в Шалеме. Местная музыка мне не то чтобы не нравилась, но казалась занудной и однообразной, как и слова, что и стихами назвать можно с натяжкой, скорее, некий рас-

сказ положенный на музыку.

– Я тоже, – отозвалась мама. – Где ты ее слышала?

– Нигде, – пришлось очередной раз соврать. Правда при любом раскладе вышла бы мне боком. Хотя за сегодня я уже столько всего натворила и сказала, что боком мне что-то все равно вылезет. Вся шаткая конспирация коту под хвост. – Сама сочинила. Это детская песня.

– А для взрослых ты что-нибудь сочинить можешь? – вдруг спросил Ромич, как-то по-новому глядя на меня.

Что изменилось в его отношении, мне не удалось понять, но почему-то захотелось спеть что-то такое, что оставило бы в душе след. Вдруг подумалось, что даже если меня скоро не станет, то останется песня, которую, возможно, запомнят. А еще почему-то стало себя безумно жалко, ведь вообще-то мне уже почти тридцать лет! А по факту я всего лишь маленькая девочка, которая безумно устала быть чужой даже среди своих. Прыгаю тут, как лягушка в кувшине, пытаюсь взбить масло. Вспомнился папа, который уплыл совсем недавно. Где он там? Все ли у него хорошо? И так тоскливо стало, что, почти не задумываясь над переводом, лишь изредка меняя слова, подстраивая их под местные реалии, я запела «Нежность»:

Опустела без тебя Земля,

Как мне несколько часов прожить?

Также падает в садах листва,

И куда все спешат люди,

*Только пусто на земле одной без тебя,
А ты, ты летишь, и тебе дарят звезды свою нежность.
Также пусто было на Земле,
И когда летал дракон в степи,
Также падала листва в садах,
И придумать не могла Земля,
Как прожить мне без него, пока он летал,
Летал, и все звезды отдавали ему свою нежность,
Опустела без тебя Земля,
Если можешь, прилети скорей...*

Голос у меня в этом теле, как и в прошлом, был неплохой, по крайней мере, передать мелодику и настроение песни мне удалось. И в комнате на несколько минут повисло молчание.

– Поздно уже, давайте спать.

Я поняла, что морально выдохлась, и мне срочно нужно пополнить резервы хотя бы сном. Потому что теперешнее состояние души мне несвойственно, и нужно обязательно возвращать прежний оптимизм. И я это обязательно сделаю... Но завтра. Сегодня на это сил уже не было.

Поцеловала непривычно молчаливого Мирата в щечку, подтолкнула его к маме, а сама повернулась к раненому и положила руку на лоб. Жара не было. И это было замечательной новостью. Плохо то, что перевязку делать было нечем и придется для этого ждать, по крайней мере, до утра.

Все завозились, устраиваясь поудобней. Я бросила на всех взгляд и почувствовала, как Саргайл здоровой рукой погла-

дил меня по щеке. Его глаз в это время смотрел так, что было понятно: хочет что-то сказать, но что, я так и не поняла, вернее, не хотела понимать и считывать его мысли. Эта нехитрая ласка согрела мне сердце, и я благодарно сжала его пальцы, прижимая руку к щеке сильнее. А потом аккуратно отвела ее и улеглась неподалеку.

Из мужской половины раздалось недовольное сопение Ромича и Мамука. Мират почему-то тоже смотрел с осуждением. Это меня даже немного повеселило – откуда только берутся такие малолетние ревнивцы? А еще вдруг вспомнился «дракон в степи», который летал у меня в песне вместо «Экзюпери», и я легла спать уже не такой опустошенной и даже с кривой улыбкой на губах.

Глава 8

Я стояла у печи и машинально помешивала укрепляющий отвар для Саргайла, которого мы уже неделю прятали в потайной комнате.

Сами мы вышли уже на следующее утро. Ночка, к слову, тогда выдалась напряженная и нервная, и поспала я недолго, так как к нам в дом явно кто-то заходил и шумел, но довольно быстро все звуки прекратились, и больше нас не тревожили. Но это не означало, что мы расслабились и не ждали нового вторжения. Но его больше не случилось.

А потому, вымотавшись к утру не столько физически, сколько морально, все уснули, а Кирилл, приложив к губам палец в немой просьбе не шуметь, выскользнул из комнаты и пошел на разведку. Мне же, несмотря на усталость, заснуть так и не удалось.

Кирилл вернулся примерно через час, все еще спали, и он поманил меня из комнаты и рассказал, уже сидя в кухне, где я приготовила для нас обоих кофе и нарезала сыр и копченое мясо, которые достала из холодной. К моему удивлению, ее почему-то не разграбили, хотя от тех продуктов, что оставались на виду, не осталось и следа. Лишь белая дорожка от мешка с мукой, который утащили прочь из дома. Не знаю уж зачем она оказалась нужна солдатам. Позже профессор

объяснил мне, что в Фаргоции холодные устроены по-другому, и солдаты просто могли не знать, где ее искать. А времени, чтобы перешерстить все основательно, у них, видимо, не было.

Вот после такого нехитрого завтрака Кирим мне и рассказал, что фаргоцианам уже к ночи удалось захватить крепость, и всю ночь они лечились и отдыхали, а кто и грабил, воспользовавшись общей неразберихой. Однако к утру военной комендатуре удалось навести порядок, и сейчас уже можно было возвращаться к мирной жизни под пристальным надзором. Разумеется, никто из жителей не торопился, а потому в городе было тихо. Лишь солдаты несли караул в городе и расчищали улицы, которые за последние сутки перетерпели много испытаний.

– ...Всех убитых горожан и эльмирантийских солдат собирают на восточной окраине, в течение дня можно будет забрать тела близких и знакомых и похоронить. Тех, кого не заберут, закопают в общей могиле. Как-то так, – вздохнул старик.

– Щедрое предложение, – проглотив ком в горле, иронично проговорила я.

– На самом деле так и есть, – отозвался Кирим. – Обычно о таких мелочах захватчики не задумываются, или оставляют все как есть, или сваливают всех в общую могилу.

– Похоже на политический ход. Видимо, на этот город у них большие планы, – с горечью и остервенелой злостью

предположила я.

Вдруг вспомнились дядя Ренат и Арават, вспомнились все те, кто был в доме вместе с ними, вспомнились друзья и приятели, что приходили ко мне в кофейню или просто здоровались на улице. Где они сейчас? Кто остался жив, а кто погиб и больше никогда не увидит этого неба? Кого из них я сегодня увижу на восточной окраине?

Некоторое время мы просто молчали, а потом я поднялась и принялась готовить бульон для раненого и всех остальных. После суточной сухомятки все примут его на ура. Ну и еще что-нибудь горячее нужно придумать, благо холодную не разграбили.

К удивлению, Кирилл безмолвно начал мне помогать. Раньше за ним помощи по кухне было не дожидаться, он сразу или глох на два уха, или начинал так жаловаться на свои старческие болячки, что проще было его вообще не трогать.

К тому моменту, как все проснулись и вышли из потайной комнаты, мы уже все приготовили, и я разрешила на бинты чистую простынь. Пока все завтракали и делились последними новостями, я перевязала и накормила из ложечки Саргайла. К сожалению, рана на бедре немного воспалилась, пришлось усиленно ее обработать, а самому Саргайлу заварить противовоспалительный отвар...

Фаргоциане организовали госпиталь для местных, где мы

с удивлением обнаружили тяжело раненого, но живого Аравата и еще несколько знакомых горожан. Местный лекарь, сильно уставший на вид человек, осведомился, готовы ли мы забрать раненого домой, и с облегчением махнул рукой, разрешая его увезти.

На самом деле этот своеобразный госпиталь таковым можно было назвать с большой натяжкой: это было просто огороженное место с лежанками, между которыми разрывался замученный лекарь. Хотя минимальный уход все же был организован.

Еще пару часов назад это место оказало бы на меня угнетающее воздействие, но после того, как мы нашли дядю Рената и еще нескольких знакомых среди мертвецов, на многие вещи начинаешь смотреть иначе, или просто восприятие притупляется. Хорошо, что на опознание никто меня не пустил, но и того, что я увидела издалека, мне хватило. Мама пыталась оставить меня дома, даже кричала и злилась на мое упрямство, но удрученно выдохнула и сдалась после того, как я сказала, что Арават и дядя Ренат были и мне небезразличны.

Как вернулась домой, я помнила смутно.

Проснулась только следующим утром и ужаснулась – Саргайла я не перевязала! Но все мои опасения были напрасными, потому что это сделала мама, а за Араватом, которого забрали из антисанитарных условий полевого госпиталя, ухаживала Сэйра. Она буквально обезумела от счастья, ко-

гда увидела своего сына живым.

Я чуть не прозевала отвар, который едва не выкипел. Спешно подняв кастрюльку, накрыла ее крышкой и отставила немного настояться. В этот момент в кухню заглянул Ромич.

– Ты чего такой взъерошенный? – спросила вместо приветствия.

Парень и правда был какой-то нервный и злой.

– Да достал уже этот шакал со своими рассказами и расспросами!

Я невольно поморщилась.

Буквально на следующий день после похорон на главной площади города выступил глашатай, который объявил об отмене рабства в Шалеме. Тогда же по городу в обществе пары солдат прошли незнакомые чиновники. Они заходили в каждый дом и подробно выспрашивали о наличии рабов и производили обыск, а если таких находили, забирали с собой, не считаясь с желаниями ни бывших хозяев, ни самих бывших рабов. Все это объяснялось просто: город стал частью Фаргоции, а посему рабства у нас уже нет и быть не может. Всех объявили свободными людьми, имевшими права делать все, что им заблагорассудится. Разумеется, в рамках закона. Всех бывших рабов вносили в реестр, для чего их в добровольно-принудительном порядке препровождали в распределительный пункт. И если бывшие рабы желали навсегда покинуть стены неуютного дома их рабовладельцев,

то Фаргоция рада была предложить им временный барак, который возводили на западной окраине. Откуда освобожденные невольники могли отправиться в любое место по их желанию. Фаргоция же предлагала всем хорошую работу и место жительства на своей территории.

Без сомнений, предложение более чем щедрое! Мало того что избавили от рабского ярма, так еще и позаботились о будущем. Однако во всей этой бочке меда имелась ложка дегтя: если раб не хотел покидать бывших хозяев, его все равно забирали в этот самый пункт распределения, выспрашивали всю возможную информацию и настаивали на переселении на новое место жительства где-то в живописном месте Фаргоции.

– ... Там вас ждут долгие и суровые зимы, но человек быстро ко всему привыкает, к тому же там очень сердечные и добрые люди, которые всегда готовы прийти на помощь соседу. Там вы, наконец, сможете стать действительно свободными людьми без тени рабского ярма на шее. А Фаргоция поможет добраться до этих благословенных мест и даже даст вам на первое время подъемные... – примерно так вещал каждому сидящий там тощий дяденька средних лет.

Я так понимала, что таким образом Фаргоция решала какие-то свои демографические проблемы малозаселенных районов севера, а параллельно прививала обществу правильные ценности. Я ничего против не имела, даже поддерживала, но каждый волен сам выбирать свой путь. Здесь же мы

столкнулись с тем, что за красивыми речами о выборе крылась стальная рука приказа перевезти всех бывших рабов в Фаргоцию.

За все то время, что мы с мамой протолкались у этого самого пункта в тщетной надежде забрать наших, их не отпустили, несмотря на то что об этом просили очень многие. И даже яростное желание самих бывших рабов вернуться обратно никто не принимал во внимание. Именно тут мы и узнали главное правило местного распределительного пункта: те, кто сюда попал, должны отправиться туда, куда нужно Фаргоции и ее королю.

Не знаю, чем бы все это закончилось, но в то время, как мы с мамой в растерянности стояли у того самого пункта, к нам подошел высокий сухощавый мужчина и, пробежав по нам взглядом ничего не выражающих рыбьих глаз, внезапно спросил:

– Рабыни?

Мама даже опешила от такого вопроса, но быстро пришла в себя:

– Нет, господин офицер, мы обычные горожанки.

– И что делают обычные горожанки в месте, где распределяют бывших рабов? — так же бесстрастно продолжил он задавать вопросы.

– Мы... — мама растерялась, — ...хотим забрать наших слуг.

– Слуг? Сюда не приводят слуг, уважаемая ханан.

– Но их привели! – уже уверенно проговорила мама, исподлобья глядя на офицера. – Мы еще вчера сами дали им свободу, и они решили остаться с нами в качестве помощников.

Военный как-то криво хмыкнул и осмотрел нас еще внимательнее:

– В наше время редкость, когда рабы так верны своим хозяевам.

Тут я не выдержала и все-таки вставила свои пять копеек:

– Мы никогда не относились к ним, как к рабам!

– Как похвально! – все с той же кривой улыбочкой проговорил он. – И почему же вы не освободили их раньше, раз всегда считали их равными себе?

Я смотрела на него и понимала, что он в чем-то прав, но и не прав одновременно. Местное мировоззрение таково, что бывший раб все равно не смог бы быть полноправным членом общества, скорее, бесправным, ведь у него не будет защиты хозяина, а клеймо раба, хоть и бывшего, развяжет руки всяким неуравновешенным личностям, права которых местный закон будет блюсти в первую очередь, даже несмотря на его нарушение по отношению к бывшему рабу. К сожалению, для освобожденных существовал один выход: уехать прочь из Шалема так далеко, как это возможно.

В нашем же случае ни Кирим, ни проф, ни даже Ромич, которого я уже давно уговаривала уехать, как раз уезжать и не хотели. Кирим в силу того, что всю жизнь прослужил роду

моего отца и никакой иной судьбы для себя не желал, проф – потому что сам решил пока жить с нами, ведь его рабство изначально было чисто номинальным, рабство само по себе было для него защитой: ему угрожала какая-то опасность – это я поняла из обрывков его разговора с отцом. Ну и, наконец, Ромич. Его понять тоже несложно. За эти годы мы стали для него семьей. И я думала, что он все равно рано или поздно уехал бы, но пока к этому не был готов или чего-то ждал.

В любом случае терять этих людей вот так я не собиралась. Поэтому собралась и все-таки ответила этому вояке.

– Не знаю, насколько точно вы осведомлены о традициях Шалема, но таким образом мы обеспечивали их безопасность.

– И что же поменялось теперь, люди ведь остались теми же? – сверля взглядом, спросил он.

– Люди, может, и те же, а власть иная. И она, я надеюсь, будет следить за соблюдением закона, вне зависимости от того, кого обижают: обычного горожанина или бывшего раба.

Он немного помолчал, изучая нас мамой внимательным взглядом:

– Что ж, в твоих рассуждениях есть смысл. А сколько тебе лет, девочка?

Я немного ступшевалась, поняв, что разговаривала с незнакомым мужчиной слишком вольно и прямо для этого мира.

– Девять, господин офицер, – вмешалась мама, переводя огонь на себя и обнимая меня за плечи в защитном жесте. –

Лейла умная девочка и сказала вам чистую правду. Для нас эти люди никогда не были рабами, скорее д-друзьями... – запнулась она, наконец, действительно понимая, что так оно и было. – И мы очень не хотим их потерять, тем более что и они сами очень хотят остаться.

– Хотят, значит... – совсем тихо протянул он.

– Господин офицер, – с надеждой залепетала мама, глядя на него уже вполне открыто и с мольбой, – мы давно предлагали им свободу, но они сами не захотели, ведь так для них в городе было лучше.

Еще немного помолчав и задумчиво посверлив маму взглядом, он пришел к какому-то решению и, чуть сузив глаза, отрывисто приказал тощему:

– Отпусти их бывших рабов и зайди ко мне.

Не веря своему счастью, мы с мамой начали наперебой его благодарить. Не слушая, он просто развернулся и пошел прочь. Но это уже мало волновало, потому что нам удалось-таки отбить своих!

Позже радость победы омрачили практически каждодневные визиты этого самого офицера, которого, как мы позже узнали, звали Боргич Кальтимийский, звание его, если адаптировать к реалиям моего старого мира, ближе всего к полковнику, да и сам он был не последним человеком в армии Фаргоции. Но из-за ранения в плечо не последовал за наступающей армией, а остался в городе на правах коменданта и отвечающего за распределение прибывающих войск и мир-

ного населения. Так как число солдат, прибывающих в Шалем, а затем спешно отбывающих на передовую, не уменьшалось, к тому же из захваченных городов и деревень уже полился постоянный ручеек бывших рабов и простых граждан, прельщенных обещаниями лучшей доли, которые тоже останавливались в Шалеме, а затем переправлялись за горный хребет в Фаргоцию.

Так вот, повадился к нам ходить этот Боргич и расспрашивать маму о житье-бытье и наших новых слугах: профе, Ромиче и Кириме. Поначалу мы его даже привечали в благодарность, угощали кофе и чаем со сладостями, даже один раз обедом накормили. Но быстро поняли, что ходил он к нам не просто так – этот фаргоцианин польстился на маму. Догадаться об этом было несложно – очень уж часто он говорил комплименты ее глазам и так на нее поглядывал, что ошибиться было невозможно. Мама начала от него прятаться, а тем, кому не повезло встретить его первым и сказать, что Малики нету, и она куда-то там пошла, приходилось подолгу выслушивать самые разные отповеди, которые со временем становились все язвительнее и неприятней. Конечно, мама пробовала объяснить господину офицеру, что замужем, любит своего мужа и ее больше никто не интересуется, но упрямый Боргич усиленно делал вид, что не понимает ни намеков, ни прямых высказываний. Поэтому, как только на горизонте появлялась его фигура, мы все прятались в любые возможные щели. Но кому-то каждый раз все равно не везло.

Сегодня не повезло Ромичу: он его все-таки встретил и, видимо, сказал много всего разного. Поэтому мне оставалось только пожалеть бедолагу, ведь ни послать по матушке, ни как-то иначе выказать своего недовольства мы себе позволить не могли – начальство посетило, как никак.

– Ромич, ты же все прекрасно понимаешь. Так чего злишься?

– Чего злюсь?! Чего злюсь, говоришь?! – взвился парень. – Да этот шакал уже напрямую угрожает, что если, мол, глубокоуважаемая Малика и дальше будет его так откровенно игнорировать, то «ничем хорошим для ее семьи это не закончится»! – передразнил он. – Нет, ты представляешь? Этот... – он нецензурно выругался, в переводе на культурный язык, обозвав глубоко неуважаемого господина Боргича помесью ишака и гиены, – вздумал угрожать женщине! Замужней женщине! Если бы господин Ратмир-аха был сейчас в городе, то этому шакалу мало бы не показалось!

– Это так, Ромич... – вздохнула я в ответ, и не думая одергивать парня. – Но отца сейчас в городе нет, и этот... нехороший человек может быть причиной многих неприятностей... – Я посмотрела на Ромича и поняла, что его гложет что-то еще. – Ромич?..

Парень понял без слов:

– Понимаешь, Лейла, этот... этот... – Он все же удержал рвущиеся ругательства. – Он копротирует госпожу Малику-ханан!

– Он что делает? – не поняла я.

– Копроотирует! Ну, таскается к нам постоянно, носит Малике-ханан цветочки там, штучки всякие, а вся улица это видит! Как ты думаешь, что они все думают?

Из путаных объяснений Ромича я, наконец, поняла, что он имел в виду:

– Компрометирует, Ромич. – За время обучения у профессора словарный запас парня вырос и превышал запас любого среднестатистического шалемца. Однако редко используемые слова он иногда путал или коверкал. – Ты прав, Ромич, но мы все равно ничего не можем с этим поделать.

– Да, конечно, – с сарказмом проговорил он, – кто он и кто мы? Попробуй только что-то не то сказать, тут же в барачке для переселенцев окажешься. А из того, что говорит ему Малика-хана, он слышит лишь то, что хочет слышать сам!

Парень раздраженно повел плечами и отвернулся, а я, уже очень хорошо зная его, поняла, что и сейчас он поведал мне не все, что заставило его злиться и нервничать. А потому подошла к нему поближе и положила руку на плечо:

– Ромич, что еще?

– Ничего, Лейла. Тебе не о чем беспокоиться. Мы с Киримом и профом сможем тебя защитить!

Интер-р-ре-еесное высказывание... И что же все это значит?

– Ромич?..

Он не выдержал моего укоризненного тона и вспылал,

взмахами рук помогая себе выразить всю гамму эмоций, что его обуревали:

– Лейла, ты представляешь, они тебя ведьмой называют! Тебя! Ведьмой! И знаешь, кто главный разжигатель слухов? – И даже не ожидая моего ответа, выдал: – Мира! Эта змеюка подколотная так и не успокоилась! Сколько лет уж прошло, а она все тебе забыть не может, как ты Малику от нее спасла! Сейчас эта зараза еще больше озлобилась. Ну как же? – он раздраженно заходил из стороны в сторону. – За муж так и не вышла, богатством не обзавелась, дочка – дура, но это полбеды! Во время этого треклятого захвата дочка с честью-то распрощалась! А ни ты, ни остальные домочадцы из вашей семьи не пострадали! Да еще и рабов вам отдали! Никому не отдали, а вам отдали! Но самое ужасное, что точит ее гнилое сердце – что за Маликой тут же сам комендант ухаживать стал, а на нее, как она ни старалась, как юбками ни вертела, ничьего внимания, кроме солдатского, привлечь не смогла! И под таким соусом все это рассказывает, будто ты все это своими ведьмовскими чарами навела! Мол, сначала тренировалась в ведовстве в своей кофейне, где соблазняла людей своими темными яствами, чтобы те проникались к тебе теплыми чувствами и не видели твоих темных делишек. А сколько она тебе этих самых делишек приписывает!.. Аж уши в трубочку сворачиваются! Рисует тебя средоточием зла, что уютно прячется за личиной милой девочки. Еще чуть-чуть – и горожане будут свято уверены, что это ты фар-

гоциан в город привела!

– Неужели люди верят во всю эту чушь? – спросила внутренне холодея. Ведь и сама уже начала замечать, как стали коситься в мою сторону на улице, чувствовала, как подскакивает среди горожан невидимое напряжение, когда проходила рядом. – Это ведь чушь! Навет! Разве люди сами этого не понимают? Так ведь любого оговорить можно?

– Так-то оно так... —сгорбившись и не глядя на меня, согласился Ромич. – Только ты ведь сама по себе очень необычна, и все это знают. Ты по-другому думаешь, по-другому говоришь, даже ведешь себя не как все, хотя и очень стараешься не выделяться! Ты другая! Раньше на это не сильно обращали внимание, а ежели и обращали, то списывали на божественное проявление, а не темное – слава Всевышнему, твой отец постарался. Но сейчас его нет, а эта гадюка все твои слова и самые светлые и добрые дела выворачивает так, что поневоле задумываешься...

От понимания, что он только что сказал, краска вмиг слетела с моего лица, губы задрожали, ведь именно этого я так боялась с первого дня появления в этом мире. Перед моим внутренним взором заплясали языки пламени от сложенного под ногами костра, страх накатил удушливой волной, но я знала, что поддаваться ему нельзя. Нельзя впадать в панику, нельзя терять разум! С трудом я справилась с собой и задала вопрос, который сейчас волновал меня больше всего:

– Ромич, – я невольно прижала в защитном жесте к груди

кулачки, – ты тоже думаешь, что я ведьма?

Он тут же вскинулся и посмотрел на меня глазами, в которых зажегся какой-то лихорадочный блеск. Сглотнул слюну и медленно, но очень отчетливо проговорил:

– Лейла, мне все равно кто ты – ведьма или ангел, все равно хорошая ты для кого-то или плохая, все равно есть у тебя колдовские способности или нет. Ты – моя семья. Мне все равно, что и кто будет говорить, я тебя... я никогда не видел от тебя ничего, кроме добра. И я никому не дам тебя в обиду!

Невольно я всхлипнула. А в следующую секунду Ромич уже обнимал и гладил меня по волосам, а я редела, обняв его за талию. Понимала, что ничего страшного не случилось, что столь бурное выражение чувств излишне, но ничего с собой поделать не могла. Сейчас передо мной сбывался мой самый потаенный страх, тот, который родился вместе со мной в этом мире – быть заклеянной ведьмой.

– Я не ведьма, Ромич! – шептала я между всхлипами. – Да, я знаю и вижу немного больше обычных людей, но я не ведьма! Не плохая! Не злая!

– Я знаю, Лейла... – шептал и он. – Знаю...

– Знает он... – послышался недовольный старческий голос от входа. – Так чего девочку тогда напугал? – Проф стоял у двери и недовольно сжимал губы: – Можно подумать, что я вам не рассказывал о людях со способностями, не читал лекции о том, какое широкое применение они находят своим талантам в Тализии и уже в Фаргоции. Одно то, как

фаргоциане пробили туннель через подножие гор из Фаргоции в Эльмирантию совсем недалеко отсюда, уже наводит на мысли о наличии такого человека, который этот туннель и помогал пробивать. Ну не верю я, что они за такой сравнительно короткий срок смогли сами кирками и лопатами пробить настолько длинный и удобный для перемещения целой армии туннель! Не верю!..

А ведь и верно. Я как-то и не задумывалась, как они смогли совершить, по сути, в этом мире невозможное за такой короткий срок. Ведь именно благодаря этому тоннелю стали возможны успешные военные действия Фаргоции с Эльмирантией. Именно потому что никто не верил в подобную возможность, граница со стороны гор и была практически не укреплена. Шалем за последние годы сделали еще одним крупным портом, максимально приближенным и удобным для плавания в Тализию, но власти даже не пытались укрепить границы со стороны гор.

Профессор немного помолчал и продолжил:

– ...Конечно, в глазах эльмирантийцев это все колдовские штучки и происки темного божества. Но если посмотреть с точки зрения фаргоциан, то это божественная длань проведения, которое послало им такого нужного человека в тяжелый для страны час. – И уже совсем раздраженно закончил: – И нечего тут пугать нашу девочку! Что бы там ни было, а мы не дадим ее в обиду! И вообще! Мире верить – себя не уважать. И каждый здравомыслящий человек это понимает!

После чего развернулся и, что-то бубня себе под нос и раздраженно шаркая ногами, ушел. Несколько долгих мгновений мы с Ромичем смотрели ему вслед. Я последний раз шмыгнула носом и утерла ладошками слезы. И чего, спрашивается, так разнылась? Можно подумать, меня уже схватили за руки и тянут на костер. А люди... они такие – лишь бы перекинуть причину своих бед и несчастий на чужие плечи, но это не значит, что дело пойдет дальше простых разговоров и перешептываний. Тем более Шалем теперь под протекторатом Фаргоции, а она никого не сжигает, а наоборот – прививает к таким людям некоторый пиетет.

– Ладно, Ромич, – я отстранилась. – Отвар уже давно готов, нужно отнести Саргайлу.

Тот почему-то скривился и тихим шепотом произнес:

– Этого вояку уже давно нужно сплавить куда подальше, а то еще и с ним можем проблем огрести.

– Ну, что ты такое говоришь? – укоризненно покачала головой я. – Саргайл наш друг, спас жизни Сэйры и Айлы, к тому же еще очень слаб после ранений!

– Ага, слаб он! Да за две недели тот же Арават уже во всю тете Сэйре-ханан по дому помогает!

– Ромич! – от возмущения я пискнула. – Саргайл весь изранен! К тому же, ты сам прекрасно понимаешь, что он не может выйти из укрытия совсем по другой причине!

– Да я вовсе не собирался попрекать его бездельем! – с досадой ответил парень. – Просто чем дольше он у нас пря-

чется, тем больше вероятность, что его обнаружат. А что тогда будет со всеми нами? С Маликой-ханан, Мамуком, Миратом, с тобой? Ты подумала?

На это я ничего ему не ответил, взяла отвар и пошла к потайной комнате. Он и сам все прекрасно понимал, поэтому я не стала тратить время на пустую болтовню.

Саргайл, к удивлению, не лежал, а ковылял по комнате, держась за стенку. Глядя на него, я вспомнила, как около недели назад снимала храбрецу швы. Он перенес все мои манипуляции спокойно, с какой-то непоколебимой верой в меня, а мне было до жути страшно! Хотя чего было бояться после того, как сама его и зашивала? Но я боялась, что делаю это или слишком рано или слишком поздно, что проделала что-то не так, и под нитками окажется гной или еще какая пакость. В общем, в голову лезли самые разные неприятные и страшные мысли. Ну не медик я ни разу! Хорошо хоть после ранения температура у него поднималась лишь раз и то незначительно.

Я до сих пор была в шоке, что все так быстро и хорошо заживало. Все-таки Саргайлу, да и мне тоже, несказанно повезло, что при ранениях не было задето никаких внутренних органов и молодой здоровый организм быстро шел на поправку. Парень уже и ковылять пытался, хотя видно, что слабость у него жуткая – вон как испарина лоб покрыла.

Я подошла, к нему и, подставляя плечо, помогла вернуться к его лежанке.

– Саргайл-аха, тебе еще рано вставать. Все-таки ты потерял слишком много крови, организму нужно время, чтобы окрепнуть!

Он с какой-то затаенной грустью посмотрел на меня и спросил:

– Я сейчас совсем урод, да?

Я недоуменно на него уставилась.

– Саргайл, ты чего? Твои раны на удивление удачно заживают! И глаз уже давно открылся, и ты не потерял зрение! Щека и губы пока плохо тебя слушаются, но им нужно время! К тому же со временем шрамы будут видны все меньше и меньше. Я знаю специальную гимнастику для лица, которая поможет шрамам быстрее рассосаться.

Я и правда вспомнила, как буквально незадолго до своего попаданства нашла на просторах интернета интересную статью о фэйсбилдинге. Конечно, там рассказывалось не совсем о шрамах, а о том, как подтянуть кожу лица и избавиться от морщин, и в двадцать три года это меня волновало мало, но, кроме всего прочего, там рассказывалось, что подобная гимнастика улучшает цвет лица и помогает избавиться от различных прыщей и даже следов от акне, а что шрамы начинают рассасываться, упоминалось вскользь. Честно говоря, я и обратила то на это внимание лишь потому, что у подружки имелся на лице шрам после удаления большущей родинки, и я хотела рассказать ей об интересном способе избавления от него. Подобные эффекты достигались тем, что к коже ли-

да начинала активнее приливать кровь и обменные процессы увеличивались в разы. Вот я и подумала, что этот способ подойдет и для скорейшего рассасывания шрамов у нашего бравого офицера.

– Только делать гимнастику нужно будет каждый день! Показать?

– Покажи, – удивленно ответил он.

И я начала усиленно вспоминать уже хорошо подзабытые упражнения. Конечно, вспомнила отнюдь не все, но что вспомнила, показала. Поначалу Саргайл смотрел очень внимательно, а потом я заметила странности. Парня начало как-то непонятно потряхивать, губы задрожали, а глаза быстро-быстро заморгали. Застыв с недоделанным упражнением на лице, я напряженно уставилась на Саргайла, удивленная подобными метаморфозами. А через несколько секунд он не выдержал и захохотал, хватаясь то за лицо, чтобы удержать расплзающуюся улыбку, то за руку, которой по неосторожности что-то зацепил, то за живот. Представив, как все это время я выглядела, я тоже засмеялась, но все же попыталась отстоять полезность этой самой гимнастики в глазах парня:

– Саргайл! Эта гимнастика действительно может помочь!

Немного успокоившись, он ответил, все еще похихикивая:

– Угу. Ты только больше никому ее не показывай, хорошо?

– Почему это? – насупилась я.

– Да бедолаги быстрее со смеху помрут, чем выучат эту твою гим-нас-ти-ку, – старательно выговорил он незнакомое слово и снова засмеялся, только на этот раз осторожно, видимо, смех еще причинял ему боль.

– И вот ни капельки не смешно! – противореча самой себе, хихикая, ответила я.

– Угу.

– Угу, – передразнила я его. – Но ты бы попробовал. Не сейчас, конечно, нужно немного подождать, пока раны окончательно заживут.

– Может, и попробую, – с улыбкой и какой-то странной нежностью глядя на меня, пообещал он. А потом выдал: – Эх, жаль, что ты еще ребенок!

– Это еще почему? – удивилась я такому повороту беседы.

– Будь ты постарше, я бы тебя выкрал и женился.

– А наоборот никак? – улыбаясь, спросила я.

– Никак, – притворно тяжело вздохнул парень. – Твой отец тебя так просто мне бы не отдал, да и от желающих пристроиться в очередь на твою руку и так уже приходится отбиваться.

Я на это лишь фыркнула, но, вспомнив, как в действительности сейчас ко мне относятся в городе, загрустила.

– Ладно, Саргайл, пошутили и хватит. Пойду я ужин готовить. А ты на вот, выпей отвар и сегодня больше не ходи. Дай себе немного окрепнуть.

Последнюю мою фразу он явно проигнорировал, но отвар

взял и тут же отпил, делая шутливый жест, что приказ понят и принят к исполнению. Это заставило меня улыбнуться. Настроение выровнялось, и в кухню я шла уже вполне довольная жизнью. Правда, продлилось это недолго. Уже на подходе я услышала:

– Эльмира! Я все понимаю! Но слушать эту сумасшедшую?!

– Да там все слушали, госпожа Малика-ханан.

– Все?! Нет, Эльмира, не все! А только такие... – тут она осеклась и немного сбавила обороты. – Неужели ты не понимаешь, что нельзя слушать бред этой сумасшедшей?! Если хочешь знать, несколько лет назад эта самая Мира пыталась меня отравить! И только малышка Лейла помогла мне тогда остаться в живых!

– Да, госпожа... – залепетала Эльмира, неотрывно глядя в пол. – Но...

– Никаких “но”! – взвилась мама. – Еще раз увижу тебя рядом с этой женщиной – можешь искать работу в другом месте!

Угроза была очень весомой – найти сейчас работу в Шалеме просто нереально, поэтому, сверкнув глазами, Эльмира проговорила:

– Хорошо, госпожа. Я вас поняла.

Да-а, давненько я не слышала, чтобы мама с кем-то разговаривала в таком тоне. Вон как покраснелась. А Мира-то, оказывается, и не думала успокаиваться...

В этот момент под ногой скрипнула половица, и женщины обернулись на звук.

– Лейла, доченька...

Повисло неловкое молчание.

– Мам, я пойду в птичник, может, найду на ужин яиц, – я наигранно улыбнулась и быстрым шагом направилась на улицу.

Разумеется, ни в какой птичник не пошла – еще утром собрала все яйца, что снесли наши курочки, оставшиеся после грабительского разбоя армии фаргоциан. Наши птички, видимо, им очень приглянулись. А вот козочек не тронули, наверное, посчитали, что мороки с ними слишком много.

Ноги несли меня на улицу. Почему-то хотелось увидеть, что она не изменилась, что все по-прежнему хотя бы в окружающей действительности, если не в умах людей, которых, кажется, знала с детства. Закрыв за собой калитку, я прислонилась к ней спиной и, прикрыв глаза, тяжело вздохнула. Как, оказывается, все в жизни может быстро поменяться...

Когда вновь их открыла, заморгала, пытаясь понять: это видение или прямо через дорогу напротив меня и правда стоит Сольгер. Невольная улыбка растянула мои губы. Как же я была рада увидеть этого беловолосого парня, которого, кажется, сто лет назад спасала с таким упорством. В ответ его немного настороженное лицо тоже осветилось улыбкой. Он уже хотел что-то сказать и даже сделал ко мне шаг, когда за поворотом улицы послышался усиливающийся с каждой

секундой шум. Невольно мы оба посмотрели в ту сторону и увидели, как оттуда выходит военный конвой.

Вели военнопленных. Одеты они были кое-как: у кого отсутствовала рубашка, кто-то еще сохранил разорванный кафтан, один офицер даже сохранил свой китель, правда, совсем в неподобающем виде. Раненые были перевязаны как придется. И всех их объединяла безнадежность во взглядах. И глядя на них, я вспомнила своих друзей, которые приходили ко мне в кофейню. Вспомнила их веселые глаза и смеющиеся лица. Вспомнила, как они приводили ко мне очередного новобранца, пряча улыбки и заинтересованно сверкая глазами. Вспомнила, что большинства из них уже нет в живых, а о тех, что еще на этом свете, я ничего не знала. Вспомнила, что Сольгер имеет ко всему этому безобразию самое прямое отношение. Вспомнила... и стало больно... А осознания того, что случилось с теми, кто был мне дорог, и что я не смогу Сольгеру этого простить, а простить очень хотелось, потому что... потому что хотелось, делало эту боль особенно сильной. Но я знала, что именно сейчас я этого сделать просто не смогу. Не знаю, как и что будет потом, но сейчас – нет.

Перед глазами зарябило, я заморгала и почувствовала, как по щекам покатались слезинки. Все это время я смотрела на Сольгера. Смотрела, когда конвой еще до нас не дошел, и когда солдаты, даже не глядя по сторонам, проходили мимо, и когда они скрылись за очередным поворотом. А когда он все же отмер и попытался что-то сказать, я сама скрылась за

калиткой.

Слезы хлынули нескончаемым потоком. Я с силой надавила ладонями на глаза в тщетной попытке их остановить. Но это не помогало: плакали ведь не глаза, плакало и рвалось на части мое глупое сердце. Я не хотела, чтобы меня кто-то увидел, а потому побежала в сенник, плюхнулась на ароматное сено и сжалась в комочек в надежде, что здесь смогу переждать ту душевную бурю, что так внезапно на меня обрушилась.

Глава 9

Следующие несколько дней прошли в домашних хлопотах. Для меня они – эти дни – ознаменовались тем, что я узнала о себе много нового – тошно было даже думать об этом. Все просто: я решила поподробнее узнать, что за слухи распускает обо мне Мира – если осведомлён, значит вооружён. Узнала на свою голову, ту самую голову, на которую каждый день выливалось столько помоев, сдобренных досужими домыслами, явной клеветой и просто дикими выдумками, что не будь я той, о ком слагались все эти легенды, пожалуй, поверила бы в часть выдуманного. Из маленькой меня Мира с успехом лепила такое подлое, хитрое и злое чудовище, что становилось по-настоящему страшно. Но самое интересное, что при всём при этом остальные, кто хоть как-то меня поддерживал, даже моя собственная семья, представлялись ею не как пособники Темного Бога, коей она меня и рисовала, а как жертвы моего влияния, помыслы которых прояснятся, как только исчезнет источник зла в моем лице. Вот так все просто: нужно сжечь подлую ведьму – то есть меня, и все сразу станет хорошо, а те, кто сейчас против этого священного для каждого богобоязненного человека действия, после акта сожжения ещё и спасибо скажут, так как, наконец, смогут мыслить без влияния поганой ведьмы.

Тушите свечи....

Обстановка дома тоже накалялась. Вейла уволилась и ушла жить к своей двоюродной сестре. Эльмира, судя по всему, была к этому близка и до сих пор не ушла лишь потому, что не имела родственников в Шалеме. А вчера наш молочник отказался продать маме сливки для так полюбившейся всем панна-котты. Мама решила так намекнуть мне, что пора открывать «Лейму», ведь соседи уже торгуют, несмотря на все невзгоды, что свалились на плечи шалемцев. Да заодно и нас с домашними немного подбодрить и порадовать. Намекнула... Порадовала...

Конечно, мне она ничего не рассказала, но я услышала, как она в возмущении жаловалась Кириму. А я подумала, что если так пойдёт дальше, то скоро всем нам придется жить чуть ли не на осадном положении. Не жизнь будет, а сказка. Страшненькая правда, но как есть...

Вот с такими тяжелыми думами я и пришла с ужином к Саргайлу.

– Привет, красавица! Чего нос повесила? – бодро и даже весело спросил парень.

– А ты чего такой веселый? – с подозрением поинтересовалась я. А удивляться было чему – молодой вояка с каждым днём взаперти становился все более раздражительным и подавленным, а тут такая перемена.

Он смутился, а потом пригладил волосы и решительно сказал:

– Сегодня ночью я уйду.

– В смысле? – опешила я от такого заявления. – Куда это ты собрался? У нас, если хочешь знать, полный город солдат и комендантский час! – искренне возмутилась.

– Я знаю, Лейла.

– И? Что за странные заявления? Да ты и ходить-то более-менее начал только вчера! О каком «уйду» вообще может идти речь?

На несколько минут повисло напряженное молчание, во время которого мы буравили друг друга взглядами.

– Лейла, – наконец, заговорил он. – Неужели ты считаешь меня настолько безрассудным и даже глупым, что думаешь, что я все не взвесил и не продумал?

Я смутилась и опустила глаза. А ведь действительно, почему я отказываю Саргайлу в благоразумии? Потому что боюсь за него... и за себя. Как это ни странно, но именно сейчас он был для меня якорем, предметом неусыпной заботы, который не давал окончательно впасть в уныние. Конечно, вокруг меня были мои родные, которые поддерживали и слова дурного не сказали, но отдушиной стал этот, по сути, чужой человек. Возможно, потому что воспринимался мной, как некто более объективный, чем мои близкие, как тот, кто до сих пор верит мне и в меня.

Возможно, я слишком сильно сгущала краски, но за те годы, что находилась в этом мире, привыкла, что вокруг спокойная, даже счастливая обстановка, что люди относятся по-

ложительно и уважительно, да элементарно привыкла, что на меня смотрят доброжелательно! А сейчас все так резко изменилось, что не сказать на моем мироощущении и самооценке это просто не могло. Я кожей чувствовала, что мир вокруг рушится, оставляя меня под перекрестием недоверчивых и ненавидящих взглядов. Все изменилось слишком резко, чтобы я успела морально подготовиться и нарастить внутреннюю броню.

И вот сейчас Саргайл, человек, ставший для меня кусочком прежнего мира, собрался уйти и оставить меня одну. Понимание этого пронзило меня от макушки до пяток. Желание остановить парня и никуда не пускать было таким сильным, что с большим трудом удалось взять себя в руки и элементарно не повиснуть на нем, сжимая руками и ногами. А ещё я поняла, что не вправе его удерживать, как бы сильно мне этого ни хотелось. У каждого своя дорога, и он уже встал на свою.

– Да, ты прав, прости, – опустил голову, тихо ответила. – Я... Просто я волнуюсь. Я не хотела... – уже почти шептала

Опять навернулись слезы. Наверное, и правда мне пора уже лечить нервы.

– Лейла, – тут же смягчился Саргайл и прижал меня к здоровому боку. – Все будет хорошо. У нас с Киримом есть отличный план, как покинуть город. Старик знает одну бухточку и капитана с небольшой шхуной, который поможет мне добраться до ближайшего эльмирантийского порта.

– Кирим знаком с контрабандистами? – удивилась я.

Потому что никем иным подобный капитан, что ходит на юркой шхуне и прячет ее в неизвестной бухте, быть просто не мог. Это я, живя в портовом городке Эльмирантии не один год, уже хорошо понимала. Может, где-нибудь в Турании и считается вполне нормальным иметь незарегистрированный кораблик, но у нас нет. Хотя все прекрасно знают, что есть у нас и контрабандисты, и такие вот бухточки. Но не знают где и кто.

Саргайл пожал плечами:

– Да мне и самому интересно, откуда у него такие знакомства. И ещё с месяц назад я бы хорошенько порасспросил старика, но сейчас я просто искренне рад, что он мне поможет.

– Угу... – задумчиво протянула я, сопоставляя все, что знала о Кириме.

Сопоставляла и думала, что дедушка не так прост, как мог показаться. Если вдуматься и обобщить все, что я о нем знала из личного опыта, то его предназначение в нашем доме всегда было, скорее, не прислуживание, а наша охрана. Ведь отец никогда не боялся уезжать из дома на длительное время, оставляя нас на попечение именно Кирима – единственного взрослого мужчину в доме. Одно то, как собранно и профессионально он вел себя в ночь родов Малики, да даже совсем недавно во время захвата города. Когда нужно, он просто молча подчинялся, а в другой ситуации брал дело в

свои руки или давал хороший совет... или просто выходил в разведку и возвращается с точными сведениями. И все это с уверенностью и профессионализмом человека, который уверен в себе и знает, что делает и говорит. Я списывала все это на почтенный возраст Кирима и даже не задумывалась ни о чем подобном, привыкнув просто доверять этому человеку.

В любом случае, узнав о его незаконных связях, мое отношение к нему не изменилось. Но я поставила для себя в уме галочку подумать над этим и над тем, что знает об этом отец. А он знает... не может не знать.

– Хорошо, – нахмурилась я. – И как же вы собираетесь улизнуть из города незамеченными?

– Незамеченными – никак, – напустил туману Саргайл и улыбнулся.

Я вздохнула и задала вопрос по-другому:

– Хорошо. А замеченными как?

Улыбка сошла с губ парня, и я отчетливо поняла, что или ничего не скажет, или обманет. Поэтому угрожающе свела брови:

– Не выпущу. Ты знаешь, я смогу. Пока не буду уверена, что то, что вы затеяли, безопасно или, по крайней мере, осуществимо не дам тебе покинуть этот дом.

На это заявление Саргайл сложил руки на груди, чуть отстранился и сузил глаза, смотря на меня в упор. Я отзеркалила его позу и выражение глаз. Так прошла целая минута.

– Хорошо. Но расскажу я тебе это не потому, что ты друг

решила мне угрожать, а потому что в долгу перед тобой.

Мне было все равно, чем он руководствовался, но то, как похолодел его голос и в возмущении затрепетали крылья носа, почему-то сильно задело, но виду я не подала, приготовившись внимать.

– Мне придется умереть, – сухо отчеканил он.

Несколько секунда я непонимающе хлопала глазами, не в силах уложить услышанное в свою голову.

– А... – Наконец, вырвалось у меня произвольно.

А у самой наконец заметались заполошные и совершенно дурацкие мысли: «Это я для чего его лечила?», «То есть как умереть?» «Но ведь если он умрет, то зачем ему шхуна и эльмирантийский порт?». И, наконец, в эту мысленную чехарду затесались более-менее разумные: «Может, он шутит? Хотя, нет, вряд ли, не в том он расположении духа.» «А может он умрет понарошку, то есть не по-настоящему?» Вот за нее-то я и уцепилась и даже успокоилась немного и начала вслух размышлять.

– Умереть значит... А за городом на закате у нас хоронят самоубийц. – До меня, наконец, дошел замысел этих партизан, потому я уже деловым тоном задала следующий вопрос. – И как самоубиваться будешь?

Саргайл, только что наслаждавшийся моим недоумением, даже опешил от вопроса:

– Ну-у... Зачем же сразу самоубиваться? Лягу в телегу, завернусь в саван и буду дышать через раз.

– А какой-нибудь подозрительный стражник решит проверить покойничка, отодвинет саван с лица, а там на него вполне себе приличный человек смотрит, а не синенький или беленький труп. Как он самоубился? – открыто иронизировала я. – Сольгер! Конечно, никто не будет тебя дотошно проверять, но разве я тебе должна объяснять, что смерть от самоубийства НИКОГДА не бывает красивой! А ты сейчас, несмотря на шрамы, хоть куда! Даже румянец появился.

Честно говоря, меня всегда вводили в недоумение и даже оцепенение статьи о самоубийствах, где подружки таких несчастных девочек рассказывали, как та самая самоубийца незадолго перед смертью рассказывала, как ужасна жизнь, что никто не понимает и как прикольно лежать в гробу всей такой бледной и прекрасной, мечтая, как все вокруг будут сожалеть, что вели себя с ней так отвратительно. А на деле никто ее в этом гробу и не увидел, так как после прыжка с высотного здания на земле разве что фарш и раздробленные кости собирали, после утопления тело раздувалось так, что страшно смотреть, а после повешения... Бррр, в общем... Что же касается сожаления – пожалуй, люди сожалели бы о чем-то, даже плакали, только самоубийца не узнает, кто сожалел, а кто пальцем у виска pokrutil. И не узнает, как после этого решиться дальше жить ее родителям. Да и не жить вовсе, а или следом в петлю лезть или всю жизнь руками прикрывать кровоточащую рану в груди, потому что больше никакой пластырь этого сделать не сможет.

– Так что с самоубийством? – снова спросила я задумавшегося парня.

Он как-то странно на меня посмотрел и неуверенно ответил:

– Может, и не будет стражник ничего проверять...

– Это эльмирантийские стражи и то только до войны ничего бы не проверяли, а фаргоцианские солдаты мертвых уже навидались, что заглянуть да проверить не побрезгуют. Тем более сейчас. Вчера вон, Кирим слышал, на базаре говорили, лазутчика эльмирантийского упустили. Комендант, говорят, в бешенстве. Даже вчера в гости к Малике не заглядывал. Как ты думаешь, усилят солдаты бдительность?

Саргайл призадумался, а в это время вошел Кирим. Осмотрел нас зорким взглядом и спросил:

– Сказал уже?

– Сказал... – невесело отозвался парень.

– И что?

– Говорит, маскировка нужна получше. Одного савана мало.

– Правильно говорит, – неожиданно одобрил Кирим. – А потому будем делать из тебя висельника.

Мы с удивлением посмотрели на старика.

– А почему висельника?

– Потому что висельника изобразить проще, чем утопленника. Язык да лицо подсиним, на шее след от веревки нарисуем, да дерьма подложим для запаху.

Кажется, последняя фраза офицера добила:

– А это зачем?

– Что за офицеры нынче пошли... – заворчал Кирим, доставая из принесенного с собой свертка самые настоящие кисти и краску. – Неужто никогда висельников не видел?

– Видел, но издалека все как-то.

– Издалека... – с неудовольствием пробубнил под нос старик. – А вот если б ближе подошел, то сразу учуял характерный запах, – он скосил на меня глаза, но рассказ все-таки продолжил: – В общем, висельник почти всегда расстается с содержимым своих кишок. И это не от страха, как ты мог бы подумать, просто так устроен человек. Но дерьмо выходит редко, в основном... – он снова скосил глаза в мою сторону, – в общем, подсыплем что нужно, чтобы к тебе присматривались поменьше. – Он достал небольшое зеленое яблочко и протянул парню. – На, положи в карман. Съешь перед самой отправкой.

Я посмотрела на яблочко и снова восхитилась предусмотрительностью Кирима. Яблоки этого сорта есть недозрелыми не рекомендуется – у детей от них болит живот, а у взрослых... Взрослые их не едят – наелись детьми. И от их мякоти язык принимает синеватый оттенок, что нам только на руку.

Кирим помог парню сесть на тюфяк и принялся гримировать. Я даже рот приоткрыла. Оказывается, мастера маскировки существуют и в этом мире!

– Кирим, мне очень хочется задать тебе вопрос... Но я,

пожалуй, пока воздержусь.

– И правильно сделаете, юная анна, – не оборачиваясь, отозвался он.

От попытки узнать хотя бы одну из тайн Кирима меня удерживало только понимание того, что если он сам этого не захочет, то и спрашивать бесполезно. Столько лет ведь ни о каких таких умениях старика никто из нас даже не подозревал! И что самое интересное, при прикосновениях к нему я не видела четкой картинки, лишь какие-то размытые образы и всплывающие будто из-под толщи воды слова. Что это? Врожденная ментальная блокировка или воспитанная в себе способность? Уф! Как сложно сдерживать любопытство!

– А отчего бедолага решил повеситься? Солдаты ведь любопытные бывают, могут и спросить... – Кирим на секунду задумался и кивнул мне, предлагая придумать самой. – Ну... Да из-за девки все! – ни с того ни с сего перешла я на простонародный говор. Как будто сама стояла перед любопытным солдатом и рассказывала историю смерти бедняги. Вошла в роль так, что хоть сейчас на подмости. – Вон, вишь, какие шрамы на лице у парня? Ваши во время захвата города посекали. Ну да кто старое помянет... Дык вот. Очухался немного парень после ран своих да к невесте своей сунулся. А та как увидела болезного, так в крик! Уходи, говорит, не хочу даже видеть такое страшилище! А он и пошел, да и повесился.

– Дурак я, что ли? – отозвался насупленный Саргайл. –

Из-за глупой курицы вешаться!

– Нет, ты, конечно, можешь после этой речи аккуратненько так привстать и сказать: мол, не случайте этого бреда, да я никогда из-за глупых куриц не повесился бы! И вообще! Что за дурацкие мысли вешаться по поводу и без?! Жизнь слишком прекрасна! И какая разница, есть у тебя шрам или нет, если внутренняя харизма гораздо больше! И знавал я таких уродов, которых любили красавицы, что не нужно мне про шрамы заливать и смерть из-за глупых высказываний!

Кирим после этой моей речи стал откровенно посмеиваться, не переставая гримировать парня, подрисовывая ему эти самые шрамы так, что они становились совсем уж страшными.

– Эээ... – глубокомысленно выдал Саргайл.

А я улыбнулась и, присев, взяла его за руку:

– Саргайл, шрамы могут появиться у любого человека. И я не буду говорить, что они не будут влиять на отношение к тебе людей. Но как к этому относиться тебе самому – решать тебе самому. Люди относятся к нам так, как мы сами к себе относимся. А твоего обаяния хватит на целую роту шрамированных солдат!

Лицо парня осветила улыбка.

– Так, господин офицер, вы сейчас всю мою работу испортите! Постарайтесь не улыбаться! – раздался суровый голос старика. Но и я, и Саргайл прекрасно поняли, что он совсем не злился, даже наоборот. – А ты чего здесь застыла? – вдруг

обратился он ко мне. – Неужели не хочешь собрать другу что-нибудь в дорогу?

Я спохватилась и побежала в кухню.

– Только заверни все в промасленную бумагу! – донеслось мне вслед, пока закрывалась дверь. И совсем уже тихо: – Запах ведь там будет так себе...

Последующий скрип зубов Саргайла я себе уже додумала.

Кирилл вернулся глубокой ночью. Да уж, вот такая вот странная традиция хоронить самоубийц на закате, таким образом оказывая им свое неуважение, а по правде – все это делалось, чтобы никто не увидел тех, кто решил отдать дань памяти самоубийце.

Как рассказал мне Кирилл, все прошло, как и задумывалось. Разумеется, страж заглянули под саван и тут же отшатнулся от «красивой» картины, нарисованной на лице Саргайла и характерного запаха, который старик, несмотря на все возражения парня, все-таки не погнушался присовокупить к образу «покойничка». Потом старик бомбардировал их выдуманной мной историей самоубийства, и те даже не пытались вглядываться, есть там у трупа дыхание или нет. Да и какое дыхание может быть у мертвого человека? Тем более подходить к нему близко у них не было совершенно никакого желания – сильно уж вонял... А вот что было дальше, мне никто не рассказал, бросил лишь кратко «Посадил на корабль». Тайны мадридского двора какие-то!

Да и простились мы с Саргайлом как-то скомкано и бес-толково. Он весь такой «красивый», мы, не знающие что ска-зать, и я, вообще помалкивающая, потому что сдерживать в горле ком с каждой секундой становилось все сложнее.

– Ну чего надулась? – спросил Кирилл после того, как я поставила перед ним чашку с чаем, сладкие булочки и усе-лась напротив. – Ромича-то где потеряла? Обычно по вече-рам около тебя все крутится. Неужто спать пошел?

Я задумалась. А ведь и правда! Целый вечер его не видела! Даже с Саргайлом не попрощался!

– Может, мама куда послала? – предположила и тут же сама и опровергла эту мысль: – Хотя на ночь глядя – это вряд ли. В мирное время еще могла, но сейчас... Ладно, пойду его поищу, заодно и поспрашиваю.

Однако нигде в доме я Ромича не нашла, и, как выясни-лось, никто его целый вечер не видел. В душе поднималась неконтролируемая тревога и даже паника. Я мерила кухню шагами. Кирилл ничего не спрашивал, но глаза его посурове-ли, да и сам он как-то подобрался. И я почти уже решила-сь попросить его отправиться на поиски, когда услышала, как хлопнула входная дверь. Пулей вылетев в коридор, и наткну-лась на Ромича. Хорошо хоть он меня вовремя придержал, а то бы точно свалилась.

Жаркий солнечный день уже сменился душным вечером, а он, как оказалось, все колот дрова для симпатичной жены

одного из шалемских моряков, который ушел в плавание еще до захвата города и еще не вернулся. Эта морячка попросила Ромича так, что все нутро у него перевернулось, а после все расхаживала рядышком да улыбалась, что руки парня сами собой выбирали бревнышки потолще да повнушительней, чтобы видела она, какой он сильный и сноровистый. И если бы не старая бабка, выглядывавшая из окна дома, то давно бы уже не удержался и что-нибудь сделал. За что или по морде получил бы, или... Ух! От этих мыслей кружилась голова.

Женщина поднесла она ему воды испить и шепнула:

– Приходи на закате к старому сараю, что на окраине, недалеко отсюда. Там обычно сено для общака из окраинных домов хранят. Знаешь?

От охватившего его смятения и даже эйфории он не смог ничего ответить. Просто кивнул и пошел напрямиком к сараю. Все равно до заката осталось недолго, а ничего другого он сегодня уже сделать не смог бы.

Довольно большой сарай оказался закрыт на навесной замок, навешанный прибывшими из Тализии вояками – не поспешили, купили замок, чтобы сено никто не растаскивал и инструменты было где хранить. Все-таки дворы маленькие, негде корм для скотины складывать. Сейчас и сена там немного осталось – начало лета. Только как туда собиралась попасть милая морячка?

Ответ пришлось ждать довольно долго. Ромич уже даже

подумал, что обманула его прелестница. Однако, как только хорошо стемнело, к сарайчику подошла девушка, взяла его за руку и потянула к задней части, где аккуратно сдвинула широкую доску в бок. Лаз оказался маленький, но они пролезли без труда. Последнее, что он услышал перед тем, как совсем потерять голову от нахлынувших вдруг ощущений, был скрип вставшей на место доски.

Я отпрянула от Ромича, как ошпаренная. Нет, я, конечно, все понимала: юношеское либидо, наконец, было удовлетворено, но зачем же мне это показывать! Вернее, не мог, что ли, не показывать... в смысле – скрыть... в смысле... Ай! Надо же мне было это увидеть!

Я, конечно, в своем старом мире и не такое по телику видела, и даже, что греха таить, попробовала. Как то, без особого восторга, правда. То ли парень был не тот, то ли просто нужно было подождать. Ох уж это извечное женское любопытство, которое, как говорится, и кошку сгубило. Просто очень хотелось любить и быть любимой. А в нашем современном обществе любовь часто путают с влечением. На чем попалась и я. Нет, без влечения любви не бывает, но строить отношения только на этом оказалось недостаточно, уж очень разными оказались наши пути, мысли и ожидания.

Но смысл в том, что сейчас я будто сама пережила безумный водоворот страсти, который закрутил парня. Любви там никакой не было, но страсть молодого горячего тела... Эх,

Ромич, Ромич, разбередил ты что-то во мне.

Любовь... Любить и я могу, но не мальчишек же своего возраста! А вот таких, как Саргайл... Таких нельзя, для них я еще совсем зеленая. Зачем душу травить? Хотя настоящая любовь, наверное, и не спросит. Только какая она – настоящая?!

Мне, если по-Земному, до совершеннолетия еще лет девять. По-местному, намного меньше, но выйти в тринадцать замуж... Да даже в пятнадцать! Нет, не могла я еще обстрагиваться от своих земных убеждений. Хотя в оправдание местных стоит сказать, что количество дней в месяце у них на пять больше. И получается, если посчитать, возраст местных жителей к тринадцати годам больше земного где-то на два с половиной года, а к пятнадцати он соответствует восемнадцати земным. Магия цифр. Честно говоря, я не сразу сообразила пересчитать. И поначалу внутренне сильно возмущалась. А выходит, что все не так страшно, да и в нашем мире девочки, бывает, рано замуж выходят. Но внутренние установки у меня были другие, и рушить их не так просто. Хотя все меняется...

– Лейла? Что случилось? Ты чего такая... – Ромич запнулся, подбирая слова. – Такая взъерошенная?

Все заготовленные слова и бившее через край возмущение, замешанное на волнении, тут же испарились.

– Н-ничего. Я спать. Спокойной ночи.

Обняла себя за плечи в надежде удержать тепло, которое

почему-то начало исчезать откуда-то изнутри моего тела, и ушла к себе в комнату.

Сон, как назло, не шел. Откуда ни возьмись, накатила такая удушливая тоска, что хоть вой. Я и выла тихо в подушку. Эта неизменная подруга всех мятущихся душ промокла от слез насквозь, но унять тоску так и не смогла. На меня как-то разом нахлынуло все, что стряслось за последние две недели. Кажется, такой короткий срок, а как круто изменилась моя жизнь и мое мироощущение. Думала, что вот оно – мое место в жизни. Я его нашла! Мне безумно повезло! И как-то разом все покачнулось, толстые и неприступные, как казалось раньше, стены моего мира истончились. Мой оптимизм вдруг дал сбой. В сердце поселилась горечь, почему-то показалось, что все меня бросили.

А потом наступила странная апатия. Она успокоила душу, легла мягким покрывалом на все чувства, но не унесла разум в сон. Я лежала с закрытыми глазами в обнимку с мокрой подушкой и просто слушала спящий дом.

Сон пришел ко мне лишь под утро.

Глава 10

Жарко... Как же жарко... Почему так жарко? Кажется, будто у меня во рту пустыня Сахара... Разве здесь есть Сахара? А где это – здесь?

Чьи-то заботливые руки приподняли мне голову и поднесли к губам воду. Вода... Как же хорошо! Кто же этот благодетель? Нужно открыть глаза, обязательно нужно... Только пустыня затягивает снова, и я бреду по ее раскаленным пескам в тщетной попытке спрятать обожженное под нестерпимым солнцем лицо.

– Бедняжка, ведь столько на нее в последнее время свалилось. Лекарь говорит странная какая-то лихорадка. И где только заболеть успела? – услышала доносившийся как из-под толщи песка женский голос. *Мама...*

– Заболеть дело нехитрое. Только ведь с самого детства так сильно не болела. Тогда чуть выжила... – пробубнил мужской.

– Ратмир не простит, ежели с ней что случится, – снова всхлипнул женский. – Два дня уже в себя не приходит.

– Так, может, и к лучшему? – вклинился еще один совсем тихий женский голос. – Всевышний знает, что делает...

– Эльмира! – тут же взвился мамин голос. – Вон отсюда!.. *Продолжения разговора я не услышала – снова побрела*

по раскаленной пустыне. Шар солнца над головой и не думал двигаться с места. Снова влага на губах. Кажется, я жила от глотка до глотка, хотя сама сделать этот самый глоток не могла. Но мне помогли.

– Да пропустите вы уже! Я лекаря привел, который ей может помочь! – раздался где-то в пустыне знакомый голос.

Я завертела головой. «Сольгер? Мой беловолосый шпион? Что он здесь делает?» Никого не увидела и расстроилась.

– Да пошел ты со своей заботой! Думаешь, я не видел, как она с тобой на улице виделась? Только плакала она потом так, что сердце разрывалось. Что ты ей такого сказал, а? – послышался возмущённый голос Ромича.

«А я думала, моя маленькая истерика прошла незамеченной. Наивная...»

– Постой, Ромич, господин офицер привел доктора. Пусть он посмотрит. Мы сейчас никак не можем помочь Лейле, может, хоть у него получится.

«Кирим. Старый верный Кирим. Почему же я вас всех не вижу? Только песок, только пустыня...»

– Сегодняшняя ночь решающая. Если ей не станет лучше, то в течение нескольких дней она умрет.

– Что же делать? – всхлипнула мама. – Почему? Что это за болезнь такая?

– Простите, ханан, вы знаете, что у вашей дочери есть дар, то есть некие способности? – задал вопрос тот же голос, что предрекал мне скорую смерть.

– Д-дар? – мамин голос был растерян.

– Да, мы знали, – отозвался уверенный голос Кирима.

Как, наверное, удивилась этой уверенности мама. Я мысленно улыбнулась. У нас в семье о моих особенностях догадывались все, но точно знали только папа, профессор и... выходит, Кирим. Ромич, наверное, тоже в курсе. А вот с мамой мы на эту тему не говорили, не сговариваясь, обходили стороной. Она и сама знала, что ее дочь чем-то таким обладает, даже сама говорила, что это благословение Всевышнего, а когда все ее смутные догадки и предположения облекли в вот такую вот простую форму, растерялась.

– Сейчас этот самый дар сжигает ее изнутри.

– Но почему? – спросил Сольгер.

– Потому что какой-то сильный эмоциональный стресс или толчок спровоцировал преждевременную инициацию. Некоторые всю жизнь ходят неинициированные, некоторые идут на инициацию осознанно, а некоторые подпадают под нее спонтанно. Только вот у детей до двенадцати лет этот процесс чаще всего оканчивается смертью. Да и саму инициацию в любом возрасте нужно проходить под наблюдением наставника.

– Но почему они умирают?

– Есть две теории на этот счет: первая – не хватает жизненной энергии тела, вторая – энергии души. Видите ли, что-

бы пройти инициацию, телу и душе нужно накопить силы, чтобы принять в себя способность целиком, это если упростить и не вдаваться в научные подробности. Иначе энергия, выделяемая при этом процессе, сжигает носителя изнутри. И чем мощнее дар, тем больше энергии высвобождается. Что мы сейчас и видим... – тоном лектора на кафедре поведал лекарь.

– Так что же делать? – севшим голосом спросил профессор. «И он здесь...» – Мы же не можем просто стоять и смотреть, как она сгорает изнутри!

– Нужно больше поить, можно обтирать теплой водой, только такой, чтобы разница температур не была слишком большой. Но сразу говорю, это мало поможет. Единственное, чем мы действительно можем помочь этой девочке – только ждать.

– Что? И ради того, чтобы сказать, что моя дочь обречена, вы пришли и строите тут из себя важного господина? – разозлилась мама. – Вон! Вон из моего дома! – Послышались толчки и звуки потасовки. – И хлыща этого с собой заберите! Ну! Чего стоите? Вон из моего дома! Ай, Кирым, пусти!

– Я прошу прощения, – слышался голос профессора, – но вам и правда лучше уйти. И не обижайтесь на Малику-ханан, она просто очень расстроена.

– Да, конечно, простите...

Раздались удаляющиеся шаги и рыдания.

Даа, неприглядная вырисовывается картина. Хотя, что

ей вырисовываться, вон, вокруг: пустыня, нескончаемый песок, безжалостное солнце и жара, дикая и выжигающая, кажется, самую суть.

Кто-то обнял меня, положил голову на живот и шептал:

– Лейма! Лейма! Ты только не умияй, слысыс? Я тебе свое деевянного солдатака отдам! Тойко не умияй! Мамук тозе сегодня пьякал, только сказал, чтобы я никому об этом. Но тебе мозно. Ты зе наса, Лейма.

«Кто собрался умирать? Я? Нет, что ты, маленький... – хотелось сказать мне. – Я обязательно вырвусь из этой пустыни. Только выход найду. Найду... Как же жарко... как жарко...»

– Лейла! – снова шепот. – Не оставляй меня, Лейла! Ты ведь все для меня, слышишь? – и снова кто-то уткнулся мне в живот, обнимая, только уже более жестко, как будто пытался удержать меня в этом мире.

Ромич... Я пытаюсь обнять его в ответ, но у меня ничего не выходит. Почему же я их всех слышу?

– Лейла! Лейла! – снова тихий мужской шепот врывается в мою пустыню, а широкая шершавая ладонь гладит по голове. – Я помогу, слышишь! Этот лекаришка не сказал, но помочь можно. Вернее, помочь может такой же одаренный. Я могу забрать часть жара себе. Есть опасность сгореть вдвоем, если твоих сил осталось совсем мало, но ведь мы попытаемся? Я-то знаю, какая ты сильная. Просто тебе нужно немножко помочь...

– Да-а, а здесь настоящее пекло! – послышалось прямо за спиной через некоторое время.

Я резко обернулась и увидела стоявшего на песке Сольгера в белой рубашке, заправленной в брюки интересного покроя, он демонстративно обмахивался ладонью.

– Ты?! Но... как?!

– Это одна из техник, которым обучают в университете Тализии таких одаренных, как мы. Думаешь, как тамошние учителя помогают в прохождении инициации? Вот так и помогают. Но, блин, как же тут у тебя жарко!

Мне показалось, жара совсем чуть-чуть, но спала.

– Ты одаренный? Какой у тебя дар?

– Фух! – выдохнул он, оглядываясь. – И ни конца, ни края это пустыне не видно. Давай, присядем, что ли. – Он непонятно откуда извлек широкополую шляпу и водрузил на голову. – Вот так намного лучше. Что смотришь? Доставай себе такую, – улыбнулся, присаживаясь на небольшую скамеечку, которая появилось прямо позади него.

– Как? – спросила, округлив от удивления глаза.

– Ну это же на самом деле твоя пустыня, значит ты можешь всем этим управлять. Не полностью пока, но кое-как облегчить свое пребывание здесь можешь уже сейчас. Просто представь, чего бы тебе сейчас хотелось. Думаю, воображение у тебя хорошее.

Я недоверчиво на него посмотрела, но послушалась и представила у себя в руках точно такую же шляпу, как у

него, и лавочку, а потом подумала и добавила стакан воды.

– Молодец! – похвалил парень. – Честно говоря, я даже не надеялся, что у тебя все так быстро получится.

– Что это за пустыня? Почему я могу делать здесь это?

– Это твой дар, который нужно обуздать.

– Что, вся пустыня?

– Да, представь себе, – хмыкнул он. – Вся эта пустыня – это проявление твоего дара.

– Но почему я не могу вырваться отсюда?

– Потому что не хватает сил справиться с даром.

– И ты мне поможешь?

– Помогу. Но времени мало.

– Знаю. Я слышала. А как ты вообще попал ко мне? Я имею в виду свою комнату. Мама ведь тебя сегодня выгнала.

– Выгнала... – невесело улыбнулся он. – Значит, ты слышала... А твой ухажер еще и побить хотел.

– Ромич, что ли? Тоже мне, нашел ухажера. Он мне как брат, вот и переживает. – Сольгер на это лишь фыркнул, но вслух ничего не сказал. – Так как?

– При помощи своего дара... Кирилл помог, разогнал всех из твоей комнаты спать... – вдруг пояснил – Вот у тебя дар мысли читать, прошлое видеть, даже передавать то, что увидела, другим, так ведь?

– Ну не совсем, но как-то так.

– А у меня дар маскировки.

– Именно так ты сбежал из гарнизона?

– Да. Я называю свой дар чудом, поэтому считаю, что сбежал тогда чудом. Впрочем, как и всегда. Сама понимаешь, работа у меня такая.

– Да, понимаю... – поникла я, вспомнив, для чего он тогда шпионил.

– Тогда должна понять и то, что Шалем все равно захватили бы, со мной или без меня. Слишком много ресурсов было задействовано для этого. Я лишь помог сократить количество жертв.

– И каким же образом? – зло спросила я.

– Все просто: больше солдат – больше жертв с обеих сторон. Меньше солдат и наименее ожидаемое время атаки – меньше жертв среди мирного населения и все тех же солдат с обеих сторон.

– Так, может, мы отбились бы?

– Лейла, ты ведь даже не представляешь, о чем говоришь. Через тоннель шла целая армия, которая лишь частично вошла в Шалем. Если бы внезапная атака не удалась, на вас бы обрушилась вся мощь, и от города мало что осталось. Уж поверь.

– Так, может, ты еще и благодетелем себя считаешь? – не в силах унять вспыхнувшие злость и обиду, спросила я.

– Да Всевышний упаси, Лейла! Я лишь хочу донести в твою маленькую красивую головку, что не нужно жалеть о том, что когда-то меня спасла! – неожиданно зло закончил он. Встал со своей лавки и отошел на десять шагов прочь,

упер руки в бока и запрокинул голову к моему беспощадному солнцу.

Мне стало стыдно и нестерпимо захотелось к нему подойти, обнять за талию и прижаться щекой к его напряженной спине. Разумеется, я бы никогда так не сделала, поэтому покрепче зажмурилась, прогоняя это желание, и поняла, что прижимаюсь к мужской спине, а мои руки обвиты вокруг его талии.

– Ой! – вмиг опомнившись, я отскочила от Сольгера и залилась краской.

Вернее, попыталась отскочить – он быстро повернулся и придержал меня за талию.

– Это твой мир, Лейла, мир твоего дара, если точнее. И он очень тонко реагирует на твои самые сильные желания, когда твой разум немного очищается от знойного оупения, в которое погружает тебя солнце необузданных способностей – в этом тебе помогает мой дар. Ведь раньше у тебя не получалось, верно? И... Ты слишком добрая, Лейла, так нельзя.

Я на это лишь грустно хмыкнула:

– И без меня хватает циничных, черствых и равнодушных людей, я всегда успею присоединиться к их лагерю.

Ненадолго повисла пауза, во время которой мы просто стояли и смотрели друг другу в глаза.

– А ты знаешь, что здесь, в мире твоего дара, ты выглядишь старше? – вдруг задал он совершенно неожиданный

вопрос. У меня в удивлении взметнулись вверх брови.

– Старшие? И насколько?

Сольгер еще раз пристально заглянул мне в глаза и, расцепив объятия и спрятав руки за спину, проговорил:

– Достаточно.

– Достаточно для чего?

– Для всего, – наконец, ответил, и посмотрел так, как на меня уже очень и очень давно никто не смотрел.

Я смутилась и отступила на несколько шагов, а потом вернулась на свой стульчик и присела. Странно... Как все это странно и... забыто, а еще волнительно и... несвоевременно. Он тоже вернулся на скамеечку и как ни в чем не бывало продолжил свой рассказ, будто и не было этого неприятного, но нужного разговора о его спасении и захвате города, о доброте и возрасте.

– Я могу становиться невидимым для других на какое-то время, недолгое. И, предупреждая твой следующий вопрос скажу: нет, я не исчезаю, я просто искажаю вокруг себя пространство. Но это очень энергозатратно. А вот если изменять вокруг себя пространство так, чтобы люди видели, к примеру, другие черты лица, то держать эту личину можно долго, но без амулета все равно не больше трех часов.

– Амулета?

– Да, есть в Тализии такой умелец, тоже, кстати, одаренный, который может засунуть в какую-нибудь вещицу часть твоего дара... даже не так... сложно объяснить...

Он может направить часть твоего дара в амулет и запечатать его так, чтобы он зациклился, и им могла пользоваться не только ты, но любой одаренный, подпитывая своим собственным даром. И чем сильнее одаренный, тем дольше будет работать амулет. У тебя в руках он, судя по всему, смог бы работать круглые сутки. Только редко какой одаренный идет на то, чтобы сделать амулет для другого. В основном всегда для себя, иначе может возникнуть слишком много проблем. Ну и для короны иногда. Дорогой, правда, выходит амулетик... Очень дорогой. И не всегда приходится платить деньгами, но оно того стоит.

– А как его подпитывать?

– Да никак. Как смогли за все это время понять ученые, вокруг любого одаренного всегда есть так называемое поле силы, нечто вроде второй кожи. И, соприкасаясь с этим полем, амулет и работает.

– А как работает твой? В смысле, как он меняет черты лица?

– Ну, тут все просто и сложно одновременно. В моем амулете заложено изменение трех параметров, он активизируется, когда касается тела, тогда и нужно четко представить желаемые изменения. Если их будет больше или меньше, то ничего не выйдет: амулет будет просто тянуть энергию.

– А менять можно только черты лица? – Не на шутку заинтересовалась я интересной вещью.

– Нет, амулету, как и дару, все равно. Просто люди в основном обращают внимание на лицо, а походку или осанку всегда можно изменить самому.

Класс! Да это же самая настоящая магия! Способности, дар... Да называйте как хотите! Это же... это же.... Даже слов нет!

– А можно на него посмотреть! – В моих глазах плясал такой энтузиазм первооткрывателя, что Сольгер улыбнулся, опустил локти на колени и скрестил пальцы рук под подбородком.

– Если выберемся отсюда... – он выразительно обвел взглядом окружающую нас пустыню, – я тебе его подарю.

– Но ты же сам только что сказал, что одаренные никогда не...

Он оборвал меня фразой, показавшейся поначалу странной и неуместной:

– Знаешь, Лейла, пожалуй, только здесь и сейчас я могу говорить с тобой откровенно... – тяжело вздохнул и продолжил. – Знаешь ли ты, что одаренных людей очень мало? – Я кивнула. – А что отношение к ним изменилось не так давно? – Я снова кивнула. А он в удивлении поднял одну бровь: – Профессор? Хотя мог бы и не спрашивать. Тогда он, наверное, рассказал тебе, что в Тализии есть университет, где учат одаренных? Хотя, если точнее сказать, сейчас образовался целый факультет. Рассказывал ли тебе профессор, что там могут учиться только мальчишки? – Я

снова кивнула. – А знаешь, что происходит с одаренными девочками в Тализии и Фаргоции? В Эльмирантии, думаю, дела обстоят не лучшие, просто еще более засекречены.

Вот тут я забуксовала. А ведь и правда – проф не рассказывал, а я как-то и не спрашивала. Знала, что этот университет мне не светит, поэтому и интересовалась этой темой больше в качестве развития кругозора и про девочек не задумывалась. Мне казалось само собой разумеющимся, что они просто продолжают жить в семье. Но оказалось все не так радужно, как представлялось наивной мне:

– По достижении девочками возраста, когда они могут рожать, государство изымает их у родителей и, если говорить без уверток и украшательств, приправленных патристическими бреднями – просто продают вельможам, тем, кто больше заплатит. Это не касается дворянок – там свои правила. Но их продают на срок до рождения ребенка, который остается у отца – от женичины с даром почти всегда рождаются такие же одаренные дети. А потом их снова продают, и снова... до тех пор, пока она в состоянии родить. Если женичина каким-то чудом остается жива после бесконечных родов, корона обеспечивает ей проживание в закрытом храме в горах. Только жить после всего, что им приходится пережить, стремятся не многие, поэтому среди таких женичин очень велика смертность, да и мало их. Очень мало... Некоторым, правда, везет... – После небольшой паузы он продолжил с каким-то остервенен-

нием, выплевывая слова: – И какой-нибудь очень богатый вельможа выкупает их у государства за бешеные деньги и селит там, где ему удобно пользоваться услугами содержанки и... ну, скажем, бесконечно рожаящей ему одаренных детей свинома... ммм... женичины. Ты знаешь, кто такая содержанка? Да? Вот и хорошо. Да, забыл упомянуть: с такими вельможами сразу же заключается контракт, по которому он должен отдать государству на воспитание второго одаренного ребенка и забыть о его существовании. Есть при королевской канцелярии Фаргоции такой небольшой детский корпус, в котором растят будущую опору королевства и свежий пласт аристократии, преданной только королю. Но, вернемся к их матерям. Чтобы они не смогли воспользоваться собственным даром и каким-либо образом сбежать или изменить свою участь, на них надевают блокирующий дар амулет-ошейник. Снять его можно только специальным инструментом, который сделан из того же сверхпрочного сплава, что и ошейник, и достать подобный инструмент невозможно, как и сплав – он находится под строжайшим секретом и контролем. Вот так...

На некоторое время между нами повисло молчание, во время которого я пыталась осознать все сказанное и протолкнуть подкативший к горлу ком тошноты. Сольгер же как-то страшно улыбнулся и почти весело сказал:

– ...А знаешь, почему на таких, как мы, отменили гонения? Проф не рассказал? – он снова усмехнулся. – Да пото-

му что изобрели этот чертов блокирующий сплав – способ контроля одаренных! Не шали, мол, а то видишь вот этот дивный амулет? Он всегда тебя ждет на отдельной полочке и даже с бирочкой с твоим именем!

Сольгер вскочил на ноги и начал расхаживать взад и вперед. – Ведь понимают прекрасно, что без одаренных им не удержат страну в том виде, в каком она сейчас. Скрывается и всячески вымарывается из летописей, что раньше королями были ТОЛЬКО одаренные, как, впрочем, и аристократией. Именно благодаря их дару существуют такие большие страны, как Тализия, Эльмирантия и Фаргоция! И остается только удивляться, как наши предки без дара умудрялись и до сих пор умудряются сдерживать эти страны от распада на бесчисленное множество мелких княжеств. Видимо, с большим трудом, – хмыкнул он зло. – Раз решились-таки признать одаренных людьми и вернуть в общество.

Да-а, наболело у Саргайла... И сильно, раз он сейчас вот так, без купюр, рассказывал мне об этом. Я, конечно, понимала, что людям с даром здесь непросто живет, а женщинам и подавно, но чтобы настолько... Это же кошмар какой-то! Приснится ночью – п о том не один раз обольешься! И ведь даже защиты искать негде! И что же мне прикажете теперь делать? Как из всего этого выпутываться?

– Н-да, немного не это и не так хотел я тебе расска-

зять. – голос Сольгера вырвал меня из размышлений.

А меня озарила дикая и невозможная догадка:

– Ты ведь и есть такой ребенок, второй, да?

Он остановился, как вкопанный и, резко вскинув голову, остро глянул на меня и холодно ответил:

– В сообразительности тебе не откажешь.

А я снова смутилась. И чего, спрашивается, полезла со своими вопросами? Ведь видно, что его это до сих пор задевает.

– Прости.

Он на это лишь фыркнул:

– За что? – потом снова присел и резко потер лицо руками. – Я ведь ее видел. Не так давно... Еще года два назад по своим канал узнал, что она до сих пор жива и находится в монастыре, а тут случайно выпало через этот монастырь ехать, ну и весточку попросили кое-кому там передать. И знаешь, я исхитрился и нашел ее в маленьком садике при монастыре. Она была уже совсем седой и старенькой, сидела на лавочке, смотрела ничего не видящими безумными глазами и баюкала в руках сверток, который считала своим ребенком, и улыбалась... Не поверишь, так светло и радостно улыбалась, что у меня ком в горле встал, да такой, что ни вдохнуть, ни выдохнуть! – он с таким остервенением мне исповедовался, а ведь ничем, кроме исповеди, этот его рассказ назвать было невозможно, что вены на его руках, что он силой стискивал, вздулись. – Хотел подойти. Но...

не смог. Побоялся испугать. Вдруг подумает, что я пришел и этого ребенка у нее забрать. Так и уехал, лишь бы больше никогда не видеть ни этого места, ни этой улыбки.

Я сидела, словно пригвожденная к месту его рассказом, и плакала. Как наяву видела перед собой и эту несчастную женщину и ее сына, видевшего то безумие, в котором она пряталась от несправедливости и ужасов мира, в котором ей довелось жить, и... себя, если не смогу избежать подобной участи. Некоторое время мы просто сидели, я пыталась все это осмыслить и взять себя в руки.

– Лейла, времени почти не осталось. Нужно выбираться.

Я и сама это видела – краски пустыни постепенно начали будто выцветать, и нетрудно было понять, что скоро все превратится в сплошное белое пятно небытия.

– А нужно ли, Сольгер?

Снова молчание.

– Нужно, Лейла, – наконец, ответил он. – Нужно. Потому что ты достаточно сильна и умна, чтобы избежать подобной участи. И я тебе в этом помогу.

– Амулет?

– Ближайшие несколько лет тебе ничего не будет угрожать, к тебе даже приставят охранника, но я найду способ помочь. Поверь. А амулет... – он ненадолго задумался. – Пусть у тебя на всякий случай всегда будет выбор и... чудо.

Я прослезилась от благодарности к этому парню.

– Спасибо!

— Ладно. — Сказал, как будто встряхнулся, Сольгер. — Пора выбираться.

— Но как?

— Ты должна справиться со своим даром, научиться им управлять, чувствовать его.

— Но как?

— Управляй им. Ты же пожелала шляпу — и вот она!

— И что мне нужно пожелать? — в растерянности оглянулась я.

— Ну, как минимум благоприятные для тебя условия. Тебе же не нравится пустыня? Или я ошибаюсь?

— Не нравится.

— Так подумай о том, что нравится.

— И у меня получится?

— Я помогу. — Подойдя совсем близко, взял мою ладонь в свою. — Ну же, не трусь.

И я послушно представила, как пустыня зарастает травой, потом на ней появляются цветы, бабочки, птицы... Немного в отдалении зеленеет лес и блестит кромка озера, а прямо передо мной стоит небольшой, но уютный деревянный домик, в котором уже накрыт стол к чаю. Я представила, как мне во всем этом хорошо и комфортно, и даже вздохнула с облегчением, когда почувствовала, как зной перестал давить на плечи и туманить голову, а нос вдохнул ароматы цветущего луга и выпечки, что стояла прямо за раскрытым окном придуманного мною домика.

– Честно говоря, я думал, ты представишь морской пейзаж.

А я неосознанно представила пейзаж своей земной родины. И поняла, как скучала именно по такому вот лесу, озеру, лугу. Когда-то в том моем детстве мы с бабушкой каждое лето ездили на дачу, где все было очень похоже на созданный мной мирок.

– И дом странный. Больше похож на наши постройки.

– Я и сама странная. Разве ты до сих пор не понял? – улыбнулась, заходя в дом. – Чай будешь?

Он задумчиво огляделся:

– Времени у нас мало, но на чай, думаю, хватит. Тем более у тебя наверняка еще есть кое-какие вопросы. Имей в виду, после инициации ты еще дней пять будешь обессиленной и даром пользоваться не сможешь, будешь только есть и спать, а мне уже завтра будет нужно покинуть город. Поэтому спрашивай сейчас.

Мы уселись за стол, и я налила нам ароматный мятный напиток:

– Эх, поправлюсь, сделаю вареники с вишней. Она уже совсем скоро поспеть должна. Еще ни разу своих таким не баловала. Ты, кстати, тоже приглашен, если успеешь приехать до того, как вишня отойдет.

Он отсалютовал мне в знак согласия кружкой, а я, наконец, определилась с вопросами, которые еще хотела задать:

– Я смогу сюда возвращаться?

Он кивнул.

– Во время медитаций и специальных техник – всему этому учат в университете.

– А ты?

– А я научить не смогу. Не потому что не хочу, просто скоро к тебе приставят охранника, и ни о каких уроках речи идти уже не будет, если мы, конечно, хотим хотя бы изредка видеться и думать о... о том, как избежать участи...

– Страшнее, чем смерть, – закончила я за него фразу.

Он невесело ухмыльнулся:

– Как-то так.

– Сольгер, я ведь теперь буду иницизированной, мне не оденут этот жуткий амулет-ошейник?

– Не должны, – ответил он. Стало понятно, что он тоже об этом думал. – Понимаешь, считается, что одаренным нельзя надевать блокирующие дар амулеты до вступления в детородный возраст, иначе дар может пропасть. Как поведет себя уже иницизированный дар – тоже неизвестно, поэтому, думаю, никто не будет рисковать такой сильной и перспективной одаренной.

– А...

Внезапно, краски начали очень быстро выцветать. Этот процесс начался так резко и неожиданно, что на секунду мы просто застыли, а потом Сольгер быстро заговорил:

– Быстро. Попытайся как бы свернуть этот мир в небольшой комок, как будто платок комкаешь, аккуратно

складывать времени уже нет, я не рассчитал. И кладки мысленно этот ком в район своего солнечного сплетения. – Я вытаращицалась на него в недоумении: мир в ком? А он почти закричал, оглядываясь: – Не знаю, как точнее объяснить. У каждого свой способ ужать дар! Сама попробуй! Давай! Давай же!

Мир вокруг уже почти совсем поблек, я зажмурилась и представила, будто смотрю на созданный мною пейзаж с высоты птичьего полета, потом представила его в виде маленькой круглой планеты, примерно такой, какой запомнила на картинках нашу Землю. Взяла свой мир в руки и поднесла его к солнечному сплетению, где почему-то видела искры. А потом моя маленькая планета-дар заняла свое место среди искр, и я услышала облегченное:

– Получилось.

Я улыбнулась и уплыла в сон. Самый обычный, оздоравливающе душу и тело сон.

Глава 11

Два дня я только спала и ела не в состоянии даже говорить. Дар чуть не выжег всю жизненную силу моего детского организма и сейчас тот усиленно восстанавливал утраченное. Поэтому, если я не спала, то ела, если не ела, то спала. Лишь на третий день мне удалось узнать новости, которых было не так уж и много. Главной из них было то, что послезавтра в городе состоится религиозный праздник: день Радости Всевышнего. По легенде, в первый день лета Всевышний вышел к людям, чтобы посмотреть, как они живут, чем занимаются, а те радовались и восхваляли того. Был устроен большой праздник, во время которого Всевышний сидел за одним столом с простыми людьми и улыбался. Целый год это поселение не знало никаких бед и болезней, а поля и сады рождали в два раза больше. С тех пор все, кто верует во Всевышнего, празднуют этот день и веселятся, восхваляя его и прося благословения на весь следующий год. Оккупация не стала для шалемцев причиной отменить праздник, и радостное предвкушение витало в воздухе уже сейчас.

– Мы с самого утра пойдем в храм, потом на площадь. Комендант сегодня сам маме говорил, что ко Дню Радости ожидается прибытие циркачей из Фаргоции, даже в первый ряд приглашал, представляешь! – рассказывал мне, размахивая

руками, Мамук.

– А мама что?

– В смысле?

– Мама, говорю, что ему на приглашение ответила?

– Ааа. Ну она ему «Спасибо за новость, дети с радостью посмотрят на этих циркачей, а я так занята, так занята буду... Да и сейчас вот пора к Лейле идти. Вы уж извините, господин комендант», – пропищал Мамук, подражая женскому голосу. – А у того губы побелели, глаза блеснули, даже хотел маму за руку ухватить, но та уже сбежала. Комендант жуть как не любит, когда мама его не по имени зовет, каждый раз поправляет. А она все обещает исправиться, да каждый раз забывает. Такая забывчивая у нас мама, аж диву даюсь! – Хитро блеснув глазами и всплеснув руками, проговорил мальчик.

– Тебе бы самому в цирке выступать, клоун малолетний! – ответила я, улыбаясь. – Точно нашел бы чем рассмешить публику.

– Я подумаю над твоим предложением, – откликнулся паршивец и ускакал прочь.

День Радости Всевышнего можно сравнить с Пасхой. В Бога я всегда верила, настолько может верить в него современный человек, начитавшийся литературы о различных религиозных течениях и верованиях. Мне трудно было просто и доходчиво объяснить свое видение Бога, и здесь ничего не изменилось. Пожалуй, его можно охарактеризовать одной

фразой: Бог разговаривает на разных язык. Трудно серьезно рассуждать о Боге как о высшем разуме, но одно то, что я попала в этот мир, вполне оправдывает и подтверждает мои рассуждения. Поэтому, несмотря на мой скепсис, связанный с интерпретацией местных праздников и легенд, связанных с ними, во Всевышнего я верила. И мы каждый год всей семьей с удовольствием праздновали День Радости, ходили на гуляния и приглашали друзей в гости.

На этот раз при всем желании я не смогу поучаствовать – просто не доползу до Храма и главной площади. Но это неважно. Я поправлюсь, но как жить дальше, зная, что меня ждет? Нет, не буду сейчас об этом думать! Не хочу, не сейчас!

Повернувшись на другой бок, закрыла глаза и тут же заснула.

– Лейла, я недолго! Только в Храм схожу и обратно! Ты не грусти, хорошо?

– Хорошо, мам, не переживай! Иди сразу на празднования, а то Мамук без тебя снова что-нибудь учудит, – отозвалась я, улыбаясь.

– Не учудит, Кирилл и профессор присмотрят.

Она поцеловала меня и ушла догонять остальное семейство. И зачем только возвращаться собралась? Я без присмотра день в постели не полежу? Тем более мне стало зна-

чительно легче. По крайней мере, по дому уже без посторонней помощи могу вполне сносно передвигаться.

В этот момент в комнату заглянула Эльмира:

– Привет, – сказала она как-то неуверенно.

– Привет. Я думала, ты со всеми в Храм пошла... – удивилась я.

– Д-да, сейчас пойду их догонять. А ты как себя чувствуешь?

– Нормально, – с опаской ответила я. – Сегодня намного лучше. – Может, человек и правда интересуется, дошло, что не нужно слушать всякий бред, что рассказывают на улице. – А ты как? Я смотрю, новую блузу надела. Тебе идет, – уже более дружелюбно похвалила я.

Она как-то странно дернулась, но улыбнулась:

– Да, мне подарили... Ладно, пора уже, а то совсем отстаю.

– Ну, пока... – ответила я уже пустому дверному проему. Странно, и чего, спрашивается, заходила?

Мама, как и обещала, пришла сразу же после служения в Храме и принялась готовить праздничный обед. Я пыталась ей помогать, но надолго меня не хватило. Поэтому я просто сидела у стеночки и «помогала» ей своим присутствием.

– ...Оказывается, основное представление циркачи будут давать только вечером, – рассказывала мама. – Сейчас они показывают какие-то смешные сценки и диковинных зверей и заывают на вечернее представление. Но там и без них есть

на что посмотреть – приехал еще и кукольный театр, там такие смешные куклы есть! Да и наши городские постарались на славу.

– Так чего же ты на площади не осталась? Там бы все и перекусили.

Мама на это лишь фыркнула:

– Еще насмотрюсь. А перекус праздничный обед не заметит!

Я знала, что она лукавит: мама просто не хотела оставлять меня надолго одну. И это было так приятно, что на сердце само собой становилось тепло и радостно, несмотря на тяжелые мысли, что крутились в моей голове с тех пор, как состоялся разговор с Сольгером.

Обед оставил странное впечатление. С одной стороны – было хорошо, тепло и уютно с этими людьми, даже Сэйра с детьми пришла, только папы не хватало, что невольно возникали мысли о счастье, которое у меня есть... С другой – сердце щемило какое-то непонятное, не оформившееся чувство, будто я в последний раз вижу их, будто никогда больше не соберемся все за одним столом и это всепоглощающее счастье единения с семьей больше никогда не повторится. А потому, когда все немного притихли, увлеченно пробуя мамины деликатесы, я неожиданно даже для себя сказала:

– Я хочу вам сказать, что очень сильно вас всех люблю и хочу, чтобы вы знали: что бы ни случилось в будущем, мое детство было самым лучшим, как и люди, которые все это

время меня окружали...

Все затихли и уставились на меня непонимающими тревожными взглядами. А я смутилась и опустила глаза – что на меня нашло? Отчего вдруг потянуло на признания? Спас положение, как ни странно, Мамук. Хороший все-таки растет мальчуган:

– Мы тоже тебя любим, Лейла. И, если кому интересно, мое детство мне тоже нравится. А если сегодня меня еще и на представление цирка отведут, то я буду просто счастлив!

Все заулыбались, а Ромич сказал:

– Тебя попробуй не отведи, ты же потом своими стонами достанешь всех так, что и жизнь будет не мила.

– Ну прям и не мила?! Думаю, какая-нибудь морячка сумеет унять твою грусть-печаль!

Уши Ромича загорелись так, что мне его стало жаль, а все сидящие за столом зафыркали и усиленно начали делать вид, что не поняли вполне прозрачных намеков мальчишки. Видимо, тайные свидания Ромича уже ни для кого не тайна. Хотя в этом доме вообще сложно что-то от кого-то утаить.

– Слушай, Мамук, – наконец, отреагировал на выпад Ромич. – Тебе никто не говорил, что со своими шуточками тебе в пору самому в цирке выступать?

– Ну почему же, говорили. – Важно ответил он, покосившись на меня, и тут же рыбкой метнулся из-за стола – заметил, как мамина рука потянулась к его уху.

Тут уже смеялись все, позабыв и о моих странных словах,

и обидах на Мамука.

Однако всему хорошему приходит конец. Вот и обед закончился, и все стали собираться на главную площадь, где ожидалась основная часть гуляния.

– Лейла, может, мне все-таки остаться? – уже на пороге спросила мама.

– Не нужно! Я сейчас все равно спать лягу. А ты повеселись там хорошенько, заодно мне потом все в подробностях расскажешь.

Мама улыбнулась и вышла.

Почему-то на сердце было беспокойно, щемило в дурном предчувствии. Я уже по привычке отогнала дурные мысли и пошла в свою комнату. Но уснуть удалось совсем ненадолго, и приснилось нечто совсем уж тревожное...

Девушка Лиза сидела на парапете моста и смотрела на бурную весеннюю реку под ногами. Красивое зрелище, завораживающее, в момент созерцания которого она всегда с необоримой ясностью понимала, что стихия – вода, воздух, огонь или земля – это та мощь, которая может уничтожить тебя и даже не заметить такой малости.

Она вовсе не собиралась заканчивать жизнь самоубийством и даже не думала о такой глупости. Жизнь слишком интересная и непредсказуемая штука, чтобы делать это!

Так вот, Лиза сидела на краешке парапета моста и смотрела на весенний паводок. Было жутко и немного тре-

возможно, но наполняло какой-то мощью и даже радостью.

Внезапно ее кто-то окликнул.

– Девушка! А, девушка! А что вы там делаете? Поверьте, не случилось ничего такого, чего нельзя было бы поправить!

Лиза с удивлением обернулась и увидела щуплого молодого человека, который вышел из машины и с расширившимися от тревоги глазами смотрел на нее.

– С чего вы решили, что что-то произошло? – удивилась Лиза. – Я просто смотрю на воду.

– Да? – Молодой человек заметно удивился.

– Точно вам говорю, – улыбнулась она в ответ. – Буйство стихии в чистом виде. Сами посмотрите!

Она взмахнула рукой и показала на воду.

В этот момент она что-то увидела в воде.

– Не может быть... Смотрите, там человек! Ребенок! Да что же это такое? – Воскликнула девушка, не в силах оторвать взгляд от мелькавшей под мостом макушки, которая с угрожающей скоростью неслась вперед, то пропадая, то вновь появляясь над водой.

Молодой человек подошел поближе и, побледнев, сказал:

– А я плавать не умею.

– А я умею, но здесь же так высоко...

– Мама! Мамочка! – еле слышно донеслось снизу.

И в этот момент все меняется, и во сне уже не прежняя Лиза, а я сегодняшняя.

Я смотрю вниз, собираясь с мыслями. Но в это мгнове-

ние только что говоривший со мной молодой человек с силой толкает меня в спину и говорит вслед почему-то голо- сом Мирры: «Вот и спасай! Надеюсь, на этот раз не выплывешь!».

На моих губах застыл дикий крик, и я проснулась.

– Капец! – выдохнула и вытерла ладонью мокрый от пота лоб. – Что б вас всех с этими снами! – непонятно к кому обратилась я. – И к чему на этот раз?

Разумеется, никто не спешил отвечать на мои вопросы, но звук собственного голоса помог немного прийти в себя. Подумав, что все равно не усну, я решила немного почитать. Отец всегда старался привозить книги из своих поездок, они были дорогими и весили немало, но он не скупился, а мне нравилось их читать и перечитывать. Чудилось в этих рукописных творениях что-то мистическое. Может, от того, что писали и переписывали их от руки, а может, потому что в своем мире я уже привыкла к электронным аналогам, и держать в руках увесистый том в вычурной обложке приравнивалось к прикосновению к чему-то древнему и овеянному тайной.

Но ни почитать, ни даже просто открыть книгу мне сегодня не посчастливилось – в мою комнату ворвалась раскрасневшаяся и какая-то шальная Эльмира.

– Что случилось? – подпрыгнула я на кровати.

– Лейла, Ромича убивают! – выдохнула она.

– Где? За что? – спросила, поспешно одеваясь.

– Братья того морячка, с чьей женой он миловался последнюю неделю.

– И приспичило же им прямо сегодня! – зло процедила, цепляясь за угол – от резкого движения меня вдруг повело.

– Где все? Ты кого-нибудь из наших видела?

– Нет, никого. Все на главной площади!

Я зло выдохнула, собираясь с силами.

– Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Пошли! Только в кухню заскочим, там тревожный чемоданчик стоит. Ты его возьми, я не донесу.

– Да-да, хорошо! – согласилась Эльмира, и мы отправились спасать горе-любовника.

Подумать, что там делала Эльмира, мне почему-то в голову не пришло, а о том, как я смогу повлиять на ситуацию – тем более.

Идти пришлось на другую улицу – она поворачивала от нашей под острым углом, и сразу было заметно, что живут тут люди беднее, чем мы. И чем дальше к окраине, тем хуже и меньше были дома. Уже через пять минут я поняла, что сильно переоценила свои силы, которых вряд ли хватит дотащиться до места побоища. Но тут помогла Эльмира, ловко перехватила меня за талию и практически поволокла вперед. Через десять минут мы уже подошли к дому морячки, вернее, дотащились. Я выдохлась настолько, что уже даже сообщила с трудом. Мир перед глазами накренился то в одну,

то в другую сторону, а надвигавшийся закат в моем воспаленном воображении выглядел кровавым.

– Мы дошли? – просипела, когда увидела впереди толпу людей.

– Дошли-дошли, – ответила запыхавшаяся девушка.

– А Ромич где? Ты его видишь? – спросила в тщетной попытке разглядеть в круговороте, что сейчас был перед моими глазами, хоть что-то.

– Вижу-вижу. Вон он, совсем немного осталось, – ответила она и с силой подтолкнула меня вперед. Сама почему-то осталась на месте, а я лишь чудом не растянулась посреди улицы, лишившись опоры.

С трудом соображая, что произошло, я сделала несколько неуверенных шагов вперед и услышала крик, который заставил волосы на моей голове зашевелить от ужаса.

– Я же говорила, что эта ведьма придет на закате, почувствует стервь притяжение проклятого предмета! Всевышний будет рад, что мы, наконец, избавим мир от этого отродья мрака, да еще в такой день!

«Какого предмета? При чем тут закат? Опять какую-то легенду сочинила или приплела?» – заметались в голове заполосные мысли.

Не узнать кричавшую я не могла. Мира. И почему я не удивлена?

– Лейла! Беги! Беги! – раздался отчаянный крик Ромича, которого, как я сейчас увидела прояснившимся от ужаса

зрением, держали в толпе двое крепких парней, похожих на матросов.

Его тут же ударили кулаком в солнечное сплетение, и бедолага захрипел. В этот момент с толпы как будто сорвали покрывало тишины. Она взорвалась какими-то криками и гвалтом. Я застыла на месте, не в силах до конца осознать происходящее и складывая в голове невидимые пазлы, что привели меня сюда.

Неужели Эльмира привела меня на суд обезумевшей и подогретой выдумками и страшилками Миры толпы? Неужели все они собрались здесь, в этот светлый праздник, ради того, чтобы осудить меня на смерть? А эта интриганка Мира все продумала: и отсутствие родных, и страсть Ромича пристроила к делу, да еще, небось, меня в этом и обвинила и нашла в наших рядах предательницу, что пошла на ужасное, получив для верности в подарок новую блузу, в которой сегодня красовалась. А в том, что подарила ей эту блузу именно Мира, я не сомневалась. Отчего-то, как на яву, видела злые глаза женщины, которая шептала Эльмире: «Бери, красивой будешь! И не вздумай не привести это отродье!»

Всевышний! Эта толпа сейчас разорвет меня части, и не будет больше ни Лейлы, ни Лизы. Высшие силы вряд ли дадут мне третий шанс на жизнь, коли уж двумя предыдущими не сумела достойно воспользоваться. Только вот за что, Всевышний? За что?

Все эти мысли промелькнули молниями, оставляя в душе

выжженный след предательства. Я бессильна что-либо изменить. Бежать? Да в моем состоянии стоять – уже достижение... Эх, Ромич, Ромич, как жаль, что ты все это увидишь...

В один миг толпа оказалась вокруг меня, крича и подбадривая друг друга. Перекошенные злобой лица кружились передо мной, сменяя друг друга. Мир качался из стороны в сторону, а люди кричали что-то, брызжа слюной и размахивая руками. Что их сдерживало от того, чтобы не вцепиться мне в волосы сию же секунду, было для меня загадкой, но решишь кто-то напасть первым – меня уже ничто не спасет...

Эх, Сольгер, не поможет мне сегодня твое чудо, твой оставленный на моем детском запястье волшебный браслет, что сейчас лежит в шкатулке для самых дорогих сердцу вещей, не будет у нас нескольких лет придумать, как спастись от сильных мира сего. Ничего не будет...

Внезапно толпа загомонила громче, а потом накал страстей как-то резко схлынул, и я услышала тихие шепотки.

– Патруль...

– Чего им тут надо?!

– Разгонят...

– Не разгонят...

– Вон, Мира им что-то говорит...

– Говорят, никакого самосуда...

– Коменданта сюда давай! – вдруг раздалось из толпы особенно громко. – Пусть он решает!

– Да! Коменданта сюда!

Громкий рев толпы подтвердил это общее желание, и солдаты патруля просто не смогли его проигнорировать.

– Вон, послали одного...

– Где ведьма? – послышался зычный голос патрульного.

И через несколько секунд возле меня появились двое солдат. Что-то жиденский у них какой-то патруль. Видимо, основные силы в центр города стянули. Но даже эти двое вселили в меня надежду, я всхлипнула и вцепилась в лацканы одного из них.

– Спасите, дяденьки! – зашептала я. – Умоляю, спасите!

– Это, что ли, ваша страшная ведьма? – скептически уточнил солдат.

– А ты на возраст да на милое личико не гляди! – раздался совсем близко голос Миры. – Она, знаете, сколько всего уже натворить успела?

И понеслось... Толпа опять взорвалась криками и обличительными речами, людское кольцо начало сжиматься, и я стала опасаться, что эти двое служивых меня не спасут. Однако они вытащили из ножен мечи и, громко покрикивая, оттеснили людей. Немного погодя мне удалось увидеть в толпе обеспокоенное разбитое лицо Ромича, которого с двух сторон все также зажимали бородатые морячки, но их оттеснили, и я потеряла его из вида.

Довольно быстро к нам вернулся посланный к коменданту солдат и сказал, чтобы народ ожидал, комендант, мол, на подходе. От слабости я почти висела на одном из служивых,

поэтому мне удалось услышать его тихий разговор с посланцем.

– Долго нам ждать-то? Народ волнуется, того и гляди сдерживать больше не сможем. Еще эта дура подзадоривает. Так бы взял и...

– Не знаю. Комендант пока ее мать не найдет, – кивнул он на меня, – да свое не выторгует, вряд ли здесь появится.

Похоже, не только у нас в семье что-то сложно утаить, но и в армии все про всех знают, тем более о коменданте и его тайной страсти. А уж то какие слухи ходят о ней и обо мне – не знать не могли. Вот и сложили без труда два и два. А может, кто и помог.

– Вот же с...ка! – эмоционально прошипел мой защитник. – Нас с этой малахольной уже и разорвать к тому моменту могут!

Тут из толпы послышалось:

– В сарай!

– В сарай ее!

– Чтоб не сбежала, пока коменданта ждем!

– Это ж ведьма! Она может!

– Может!..

И толпа пришла в движение, подгоняя и меня и моих невольных защитников.

– Да что ж ты болезная такая? – прошипел служивый, в которого я вцепилась. Идти я уже не могла, поэтому просто на нем повисла, мешая идти и ему, а это в напиравшей толпе

было чревато.

– Так болею, – еле слышно отозвалась я.

– Болеет она... а как тут оказалось? – он взял меня на руки. – А легкая какая... В чем только жизнь теплится? – бубнил себе под нос.

А я в почти полуобморочном состоянии лежала у него на руках и ощущала, как гудят ноги. Внезапно что-то больно ударило мне в спину. Потом снова и снова. Последовало нецензурное ругательство моего то ли спасителя, то ли конвоира, он заорал:

– Бегом! Бегом вперед! А то нас вместе с ней сейчас камнями закидают! Торвич, Мелич, прикрывайте!

Через пару минут мы оказались у сарая, что стоял на отшибе и с которого какой-то местный снимал тяжелый навесной замок.

– Вот! Сюда ее, сюда! – приговаривал он все это время. – И закроем!

Рядом с ним кружила вездесущая сегодня Мира.

Служивый зло и недоверчиво на них покосился, но занес меня внутрь и усадил на сено. Дверь закрылась, отрезая от толпы, олицетворявшей мой ужас, но не укрывая от ее криков, свиста и улюлюканья. Комендант все не появлялся, и накал страстей начал заметно спадать – я заметила это, даже сидя в укрытии. «Всевышний! Неужели все обойдется!» – уже подумала, и вдруг почувствовала запах гари и заметила струйки дыма, просачивавшиеся внутрь сарая. Солнце уже

почти село, и в его последних кровавых лучах язычки зарождавшегося пламени были почти незаметны, я ощутила их жар быстрее, чем увидела.

Ужас. Дикий, липкий, неудержимый накатил с такой силой, что я начала задыхаться, голова закружилась, мир перед глазами покачнулся. А за стенами моего уже совсем не убежища послышались радостные крики – толпа вновь загомонила, и накал страстей на этот раз взвинтился в несколько раз. Я слышала, как кто-то поначалу пытался затушить пламя песком, потом кричал в попытке найти того местного, что меня закрыл, потом раздались глухие удары о замок, но тут добродетеля кто-то, судя по звукам, то ли оглушил, то ли просто оттащил, и пламя взметнулось с новой силой. Дым застилал все вокруг, дышать стало почти невозможно. Мысли скакали как блохи. Я давно уже дышала через подол рубахи. «Воды! Мне нужна вода! Чтобы намочить ткань, так дышать будет легче, – метались мои мысли. – Да какая, блин, вода! Сейчас крыша обрушится, и дышать уже и не нужно будет!» В ужасе я металась по сараю, пока не забилась в его дальнюю часть, где огня пока не было, скрючилась в тщетной попытке сжаться в маленькую точку и исчезнуть из этого кошмара.

Обидно! Как же обидно! И больше всего обидно, что не справедливо! Сколько себя помню, больше всего меня задевала, как раз несправедливость. Конечно, со временем на многие вещи начинаешь смотреть иначе, но на несправедли-

вость почему-то продолжала реагировать также остро. И сегодня, сейчас, вокруг меня творилась именно несправедливость, жертвой которой стала я сама.

Огонь взметнулся совсем близко. Не выдержав затопившего меня страха, какой-то иррациональной обиды на этот мир, и осознания своей беспомощности, я закричала, вкладывая в крик все, что сжигало в эти мгновения меня изнутри. Казалось, будто этот мой предсмертный крик подхватил ветер, разнося по окрестностям, а я, заливаясь слезами, приготовилась к боли и смерти... если к этому вообще можно подготовиться. Почему-то жизнь не спешила проноситься перед глазами, меня сжигал лишь ужас, олицетворением которого стал огонь, что прямо сейчас подбирался к моей одежде, коже, волосам...

Внезапно чьи-то сильные руки подхватили меня и, чертыхаясь, понесли, раздался еле слышный скрип отодвигаемой доски, и меня вытолкнули на улицу, потом спаситель, откашливаясь, вылез сам и, снова подхватив меня, понес куда-то в ночь, что уже успела опуститься на Шалем тяжелым темным покрывалом.

То, что я спасена из горящего плена, до меня все еще не доходило. Мне было жутко плохо, кашель не прекращался, несмотря на возможность дышать свежим воздухом, глаза слезились, кожа горела. И я поняла, что сейчас меня вырвет.

– Стой! Стой! – пыталась то ли прокричать, то ли просипеть между приступами кашля. Но меня не отпускали. По-

этому я ударила спасителя по плечу и крикнула изо всех сил. – Стой!

Он, наконец, меня послушался, а я вырвалась из его объятий. К счастью, он меня не уронил, а лишь поддержал, и меня буквально вывернуло наизнанку. Когда спазмы успокоились, я обернулась и увидела яростное огненное зарево, в котором должна была закончиться моя жизнь.

– Лейла, ты как? Тебе лучше? – раздался голос Ромича. Слава Всевышнему, живой!

И я, наконец, поняла, как произошло мое дивное спасение – это же был тот самый сарай, в котором Ромич с морячкой устраивали свои шуры-муры! Не будь мне так страшно и плохо в тот момент, когда меня туда засунули, я может, и смогла бы его узнать. Хотя вряд ли, все-таки я запомнила лишь отодвигающуюся доску и лаз, а дальше не смотрела.

Внезапно все происходящее отчего-то показалось мне таким смешным, нелепым, гротескным и вообще произошедшим будто не со мной, что я захохотала. Ведь смешно же, правда? Ромич отмер и с силой прижал меня к себе, целуя в макушку и явно не разделяя моего веселья. Постепенно смеяться расхотелось и мне, а весь ужас ситуации обрушился на мою голову с новой силой. Неуместный хохот перешел во всхлипы и рыдания, а меня начало трясти уже от нескончаемого потока слез и осознания, что мне удалось выжить, сбежать от разъярённой и раззадоренной толпы из огненной ловушки, в которую она меня загнала. От этого я не сразу

заметила, что и Ромича сотрясает крупная дрожь. Эта дрожь шла откуда-то изнутри, у него даже зубы стучали. Так мы некоторое время и стояли, прижавшись друг к другу, то ли поддерживая, то ли держась друг за друга.

– Надо уходить, пока нас никто не заметил. Темнота скроет, – наконец, проговорил он и, снова подхватив меня на руки и крепко прижав к груди, куда-то понес.

Несколько раз мы прятались, несколько раз перелезали через какие-то заборы, путались в траве и даже падали – все это я запомнила какими-то урывками, в какой-то момент оказались в нашем дворе, а потом и в потайной комнате. Зачем Ромич решил там запрятаться, я уже не думала, потому что обессилела и провалилась в сон...

Во сне я снова переживала предательство, ощущала подступающий удушливый ужас, видела пляшущее перед глазами пламя и плакала, плакала... Казалось, этот кошмар никогда не выпустит меня из липких объятий. Но вдруг в сон стали проникать чьи-то успокаивающие слова, часто слышалась мамина колыбельная, и ощущались ее руки, что ласково гладили лоб и волосы. А потом сонная хмарь резко, словно волна прибоя, отступила, и я открыла глаза. Взгляд уперся в потолок, скользнул по стене, и я поняла, что нахожусь в потайной комнате, что послужила нашим убежищем во время нападения. Сбоку раздался шелест страниц и кряхтение. Повернув голову, я увидела сидевшего рядом профессора. Он что-то читал в толстой, обитой коричневой кожей кни-

ге, и щурился, вода увеличивающую линзу вдоль строк. У ног старика стоял кувшин, и я поняла, как сильно хочу пить. Невольно сглотнув вязкий ком в горле, попыталась позвать профессора, получилось плохо, но Проф отвлекся от чтения:

– Лейла! Детка! – Уж чего-чего, а что он вдруг быстро-быстро заморгает глазами в попытке сдержать слезы и, все-таки, сдавшись, даст им волю, я не ожидала. – Очнулась! Наконец-то! – Книга упала с его колен, но он этого будто и не заметил, стараясь стереть трясущимися руками предательскую влагу. Я хотела что-то сказать и успокоить старика, но... – Ох, сейчас-сейчас, подожди минутку... – Он начал торопливо оглядываться в поисках кружки и кувшина. Все это стояло рядом с ним, но он их в упор не видел от волнения. – Да-да, сейчас-сейчас... – наконец, нашел он воду и, расплескивая, налил полную кружку. Затем помог мне приподняться и напиться.

Тело я чувствовала плохо, руки и ноги слушались слабо, я даже приподнять голову сама смогла бы с большим трудом. Видимо, нервное и физическое истощение от пережитого ужаса, наложенные на непрошедшие еще последствия от инициации, окончательно лишили меня сил.

Вода вернула способность говорить:

– Долго я спала?

Суетливые движения профессора как-то разом приостановились, он, глубоко вздохнув, поставил чашку на пол и посмотрел на меня грустно:

– Три дня, Лейла. Ты не приходила в себя целых три дня.

И теперь я заметила, как вдруг постарел проф. На его изборозженном морщинами лице их появилось еще больше, а волосы окончательно поседели.

– Мы уже ждали, что если через три дня не очнешься... – голос старика оборвался, и он снова вытер глаза.

– А где все?

Старик тяжело вздохнул и ответил:

– По дому управляют.

Я поняла, что он скрывал гораздо больше, чем говорил. Достаточно взять его за руку – и я обо всем узнаю, ведь образы ближайшего прошлого всегда лежат на поверхности, и мне не составит труда их считать. Возможно, так будет лучше, и лишит старика необходимости все мне рассказывать.

– Дайте мне руку, Тимуран-аха, – попросила, зная, что он поймет.

Но он не то, что не протянул мне ладонь – еще глубже запрятал их в рукава своего одеяния.

– Не нужно, Лейла. За эти дни я пережил и передумал столько, что не хочу, чтобы ты увидела весь этот мусор. Я прошу тебя и у других не смотреть события этих дней, даже случайно не делай этого. Лучше я все расскажу тебе сам... – прикрыв глаза, он вздохнул. – Малика и Ромич все это время от тебя не отходили ни на минуту, а тут я ее отправил приготовить бульон. Сказал, когда ты проснешься, будешь жутко голодной. Мамук и Мират тоже нуждаются в матери,

и ей необходимо было об этом напомнить. Да и бояться я за нее стал, уж очень переживала, вот и решил немного переключить ее внимание. А Ромич... – он снова прикрыл глаза и вздохнул. – Ромич не сразу вышел из убежища, чтобы сказать нам, что ты жива. Сидел с тобой в обнимку всю ночь, боялся даже на шаг отойти. Потом все-таки позвал и рассказал, что случилось: его морячка в тот день позвала к себе, а там его бугаи встретили, побили, на улицу вытащили, а там народ собрался, и Мира всех подзуживает. Он как узнал, что затевается, рванулся, но его удержали, а тут и ты с Эльмирой, тварью этакой, подошла. Вырваться ему удалось как раз перед тем, как ты в том сарае закричала... Огонь уже во всю бушевал, но он бросился к тебе – знал про лаз с обратной стороны. Повезло, что ты совсем рядом была и он сумел тебя быстро найти. Смелый мальчик...

Очень он за тебя переживает, Лейла. Он когда утром дал Малике тебя помыть и переодеть, снова рядом сел, в руку вцепился и сидел так еще сутки, даже к еде не притрагивался, еле выгнал его помогать Кириму по хозяйству. Тот все это время сам со всем управлялся: и еду готовил, и за мальчишками следил, и животину кормил, и коменданта от дома отваживал. Этот... – профессор сдержался от желания высказаться, – ...комендант совсем с ума сошел. Ведь он Малику в тот вечер нашел и не успокоился, пока не вынудил ее дать какое-то обещание... Шакал! Она вся бледная была, а он довольный. И поглядывал так, будто Малика вот-вот его

собственностью станет! – прошипел профессор, но взял себя в руки. – Мы подошли к сараю, а огонь-то уже пылал вовсю, и крик твой из него... Малика тоже в крик, да сознание потеряла. А как пришла в себя, залепила этому скудоумному оплеуху и сказала, чтобы не думал к ней приближаться даже на полет стрелы. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Тот взбесился, схватил ее своими лапищами, только Кирым рядом был и сказал этому обделенному Всевышним что-то на ухо, тот Малику и отпустил, но закричал что-то о том, что не отступится. Малика ему на это в лицо плюнула и в сарай к тебе рванула, мы с Кирым едва поймали. Потом темно совсем стало, уговорили ее домой сходить, чтобы прийти с первыми лучами солнца искать... твои останки... – Он в который раз тяжело вздохнул. – Удалось уговорить лишь потому, что дома мальчишки одни остались, нужно было убедиться, что с ними все в порядке. С площади-то до дома соседку попросили их проводить. Не тащить же их было в тот ужас. Пришли... А там к утру Ромич из убежища вывалился. Весь в копоти и подпалинах, с диким взглядом, нас позвал к тебе... – профессор помолчал немного и добавил: – Вот и все.

– Почему я здесь? – Хотелось знать, почему меня прячут. Неужели народ не угомонился?

– Потому, Лейла, что для всех, кроме нас, ты умерла, а в то утро мы с Кирым нашли на пепелище обгоревшие останки, которые завернули в саван и похоронили на кладбище

возле храма.

– Останки?

Проф хмыкнул.

– Пока Кирим отпугивал и всячески отвлекал солдат, получивших приказ найти твое тело, я завернул в саван несколько головешек и уложил их в телегу. А на кладбище служитель даже не заикнулся о том, чтобы раскрыть саван.

Мне оставалось лишь дивиться смекалке и расторопности двух стариков, на долю которых выпало такое нелегкое испытание. Но потом у меня возник вопрос, который все-таки требовал разъяснения:

– Но как меня разрешили похоронить на территории Храма? Ведь меня считают ведьмой?

– Эти недалекие люди не заслуживают, чтобы рядом с ними жил такой светлый и одаренный человек, как ты, Лейла. И не им было тебя судить и уж тем более осуждать на смерть! Если уж решили обвинить, нужно было делать это через Храм и его служителей. Вот тогда бы тебя и в самом деле все признали ведьмой, и мы не смогли бы похоронить тело на святой земле. Но то, что сделала Мира и та толпа обделенных разумом – это чистый самосуд!

– Им хоть что-нибудь за это будет? – вырвался у меня вопрос. Все, что со мной сотворила эта безумная толпа под предводительством Миры – за гранью добра и зла.

– Кому им? – устало спросил профессор. – У толпы нет лица, Лейла.

– А Мира?

– А что Мира? – удивленно и как-то наигранно спросил профессор. – За навет и подстрекательство ей разве что большой штраф прописали бы, но, к сожалению, наши власти не смогут наказать ее даже так.

– Почему?

– Потому что эту змеюку наказал сам Всевышний: следующей ночью ни с того, ни с сего загорелся ее дом. Выбежать смогли все, кроме Миры. Она почему-то не смогла выйти из своей комнаты, хотя ее крики слышались еще долго после начала пожара...

И такими холодом и сталью горел взгляд старика, что я поняла – знать подробности мне не стоит. А если честно, то как раз спрашивать мне и не хотелось, как не хотелось узнать действительно ли во внезапном пожаре есть заслуга Всевышнего...

– А вот и Малика с Ромичем, – встрепенулся профессор.

Слезы радости, улыбки облегчения, слава восхваления Всевышнему и вцепившиеся в меня руки, которые не верили, что я здесь, с ними, что я, наконец, очнулась, описывать не буду. Скажу лишь, что в этих слезах, улыбках и прикосновениях умывала свою изболевшуюся душу и обретала веру, что все еще жива и все обязательно будет хорошо.

Глава 12

Две недели понадобилось мне, чтобы встать на ноги и передвигаться хотя бы по комнате. В дом я не выходила, сидела все время в комнате – мальчикам так и не сказали, что я жива. И не потому что не доверяли, просто это дети, им гораздо сложнее сдерживать свои порывы и лгать эмоциями.

К моему несказанному удивлению, в городе за это время мнение обо мне кардинально изменилось – теперь я представляла перед жителями кем-то вроде святой, которую своими лживыми наветами убила злая ведьма Мира, и которую за это Всевышний покарал той же смертью, на которую она обрекла меня. Удивительно, как может меняться людское мнение. Хотя не удивлюсь, если этому способствовали мои близкие и другие люди, ведь у меня есть друзья и просто те, кто не верил Мире и ее рассказками – слишком хорошо ее знали. Но все эти робкие голоса были задавлены обрушившейся лавиной лжи, ведь эта ложь легла на благоприятную почву. В тот момент людям было слишком тяжело нести на себе груз свалившихся на них несчастий, и было так соблазнительно перекинуть хоть его часть на чьи-то плечи, персонифицировать зло и покарать его. Но все равно у меня в голове не укладывалось подобное. ...

Теперь же, как говорит мама, не скрывая раздражения

и злости, эти люди валом валили к моей могиле, прося о прощении и благословении. И многие потом клялись, что чувствовали во время этого благодать, исходящую из земли. Бедному настоятелю Храма вчера пришлось даже оградку поставить, чтобы могилку не затоптали, ведь каждый такой паломник считал своим долгом пасть на колени и возложить на нее руки. Эльмира стала самой рьяной раскаявшейся грешницей и теперь с утра до вечера торчала в Храме и у могилы. Оставалась бы и на ночь, но Храм закрывался, и где она в это время спала, никто не знал – родных у нее в городе не было, а никто другой брать ее к себе на постой и работу не желал. Мне даже жаль ее стало, но никто меня в этом не поддерживал.

Появись я сейчас перед народом живая и здоровая, то по популярности, наверное, смогла бы конкурировать с самим Всевышним. Кто бы еще неделю назад мог о таком подумать?! После того разговора с профессором о том дне и последующих событиях никто старался не упоминать, более того, мои близкие всячески этого избегали, а я, чтобы не ворошить еще незажившие раны, на таких разговорах и не настаивала. Меня вообще старались оградить от любого негатива. Лишь пару дней назад все тот же профессор пришел ко мне и издалека начал очень важный разговор.

– Лейла, ты же понимаешь, что не сможешь и дальше жить в Шалеме?

– Даже лучше, чем вы можете себе представить.

Профессор невесело ухмыльнулся:

– Верю, девочка, верю... – он ненадолго задумался. – С того дня, как узнал о твоём даре, я лелеял мечту отправить тебя учиться в Тализийский университет. – Он остро на меня глянул и продолжил, не давая вставить слово. – Там учатся только мальчишки, но я надеялся, что ты сможешь хотя бы недолго претворяться парнишкой и успеешь постигнуть хотя бы азы управления даром. А там мы бы придумали, что делать дальше. Конечно, ты можешь спросить, зачем тебе все это, ведь гораздо проще выйти замуж и жить обычной жизнью, но после того, как посторонние узнали о твоём даре... Я уже говорил с твоим отцом о такой возможности – еще до всех этих событий, но он не выразил готовности куда-то тебя отправлять. Сейчас это уже единственный вариант выбраться тебе из этой комнаты. Конечно, ты можешь начать новую жизнь в любом приглянувшемся уголке мира подальше отсюда, но ведь это не поможет тебе избежать очередного разоблачения – ты слишком добра и непосредственна, чтобы слиться с общей массой и не выделяться. Я знаю, ты можешь не захотеть пойти на этот риск и не согласишься ввязываться в эту авантюру с университетом, но я хочу, чтобы ты подумала о том, что если более глубоко освоишь дар, тебе будет легче его контролировать и в будущем не выдать себя окружающим. Поэтому я считаю, что твоя учеба – неизбежная необходимость... – профессор еще некоторое время расписывал мне плюсы обучения, даже не пытаясь услышать, что я

сама думаю по этому поводу, видимо, ему казалось, что подобное предложение меня шокирует, и я тут же откажусь, а в одно мгновение потом сник. — Я понимаю, что все эти аргументы могут для тебя ничего не значить, но я хочу, чтобы ты знала, что отношение к одаренным девушкам в наше время отвратительно. Я никогда раньше не затрагивал эту тему, хотел хотя бы ненадолго оградить тебя от жестокости этого мира, но... Но должен рассказать.

В этот момент мне удалось вставить пару слов:

— Профессор, я знаю!

— Что? — казалось, он не сразу понял, что я сказала.

— Я знаю, что происходит с одаренным девушками...

— Да? Откуда? — его удивлению не было предела.

— Сольгер рассказал.

Профессор задумчиво свел брови.

— И когда успел, паршивец?

— Кирим вам говорил, что Сольгер помог мне пройти инициацию?

Профессор кивнул:

— Но ведь ты же все время пролежала без чувств.

— Это сложно объяснить. Беседа велась внутри моего сознания.

Глаза профессора загорелись неподдельным интересом, все-таки даже в такие моменты он оставался ученым до мозга костей, он ведь даже умудрился пропустить всю эту возню вокруг меня, изучая, наконец, оцененную им по достоинству

мясорубку. По его словам, этот механизм открывал огромные горизонты в освоении многих вещей. Лишь во время праздника Радости Всевышнего его удалось оторвать от каких-то расчетов и чертежей. А теперь на него внезапно обрушилось все это... закрученное Мирой. Однако в очередной раз становиться объектом его исследований мне не хотелось, поэтому я переключила его внимание на другое:

– Тимуран-аха, я согласна с вашим утверждением, что мне нужно осваивать свой дар, и даже думаю, что без труда смогу выдавать себя за мальчика долгое время. Видите ли, в тот день Сольгер подарил мне одну вещь, которая сделает мое пребывание в университете гораздо проще и безопаснее. Будьте добры, принесите из моей комнаты деревянный ларец с безделушками, тот, что подарил отец на прошлый праздник Смены времен.

Этот праздник по сути и содержанию соответствовал земному Новому Году, однако, праздновался в начале весны, как раз, когда считалось, что природа пробуждается ото сна, и отец всегда старался дарить нам всем запоминающиеся подарки.

Профессор без вопросов внял моей просьбе и через некоторое время принес искусно вырезанную шкатулку, которую я перестала прятать совсем недавно, когда убедилась, что солдаты Фаргоции действительно больше не собираются никого грабить. Под крышку заглядывать не стала – предмет, который меня интересовал, прятался в потайном отделении,

которое я открыла нажатием хитрого рычажка, замаскированного под резьбу. Там я хранила небольшой кожаный браслет, который обнаружила у себя на предплечье, когда очнулась после инициации. Сольгер, как и обещал, оставил его мне перед тем, как уйти. Сначала я не поверила, что простая, довольно узкая полоска кожи на завязочках с несколькими медными клепками и есть тот самый амулет, но, подумав, решила, что именно таким он и должен быть: удобным, простым и не привлекающим ничьего жадного внимания. На моей руке он смотрелся еще и стильно, я даже несколько минут по воображала себя эдаким рокером в косухе и с гитарой. Эх!

И вот теперь я демонстрировала этот браслет профессору.

– Это не простой браслет, Тимуран-аха. Это амулет, которым могут пользоваться только одаренные.

Глядя на профессора, я невольно улыбнулась. У него было такое по-детски восторженное и в то же время заинтересованное лицо, что удержаться было просто невозможно.

– А что он делает? – заинтересованно спросил он.

А я надела его на руку, прикрыла глаза и представила, что у меня темные волосы, широкие темные брови и большой нос.

По тому, как подавился воздухом профессор, я поняла, что эксперимент удался. Решив, что шокирующих явлений для него на сегодня достаточно, сняла браслет. Несколько секунд профессор молчал, а потом задал целую лавину во-

просов, на большую часть которых я не могла ему ответить, но профессора это ничуть не расстроило.

– Замечательно! Просто замечательно! Значит, в ближайшее время мы отправляемся в плавание! И как все вовремя! Приплывем как раз за два месяца до начала занятий и успеем немного оглядеться. К тому же там еще и до самого университета нужно некоторое время добираться... Так-так-так... Нужно поднять некоторые связи... Пообщаться с коллегами... – рассуждал профессор вслух.

Теперь уже я обалдело взидала на профессора.

– Профессор! Тимуран-аха! Вы поедете со мной? – не верила я своим ушам.

– А? Да! И я, и Ромич, конечно!

– Ромич?

– Всенепременно! Неужели ты думала, что он отпустит тебя куда-то одну? Да он и сидит-то до сих пор в Шалеме только из-за тебя! Ты ж ему семью заменила. Через пару лет, может, окрутит его какая красотка, и эта болезненная привязанность ослабнет, но пока отделаться от него даже не надейся. Седина в его волосах – прямое доказательство моих слов.

– Да я и не собиралась ни от кого отделяться... – лепетала я с радостной растерянностью, понимая, что отправлюсь в новый этап своей жизни не одна, а в компании упрямого, вредного, увлекающегося, но умного, доброго и уже такого родного старика и верного и не менее родного Ромича.

Упоминание о его седине немного сбило радостный настрой, все-таки причиной появления той белой пряди стала именно я, но, несмотря на будущие расставания с остальными членами семьи, в душе поселилось радостное предвкушение перемен. Я даже замечталась немного, и не сразу заметила, что профессор взял браслет и с какой-то тоской и грустью в него всматривался.

– Что-то не так?

– Нет, Лейла, что ты... Все, наоборот, слишком хорошо... Просто я вспомнил другую девочку, которой в свое время такой браслет помог бы сохранить жизнь и разум. – Профессор поднял на меня глаза и, увидев неподдельный интерес и сопереживание, решил поделиться со мной этой историей. – Ты ведь знаешь, что я стал рабом незадолго до того, как попал к твоему отцу? – Я утвердительно кивнула. – Но не знаешь, почему я им стал... – Он немного помолчал, углубившись в воспоминания. – За три года до того, как я попал в рабство, Султан Турании Фарид гар-Аронхид пригласил меня учить наукам своих сыновей. В то время у меня возникли некоторые разногласия с новым ректором Тализийского университета, в котором я тогда уже долгое время преподавал, и, очередной раз всплыв после наших споров, я решил принять это заманчивое во всех смыслах предложение. Мне всегда было интересно изучать чужие культуры, а тут такая возможность побывать в самом сердце Турании! Да и оплата обещала быть немаленькой, гораздо выше той, что я зараба-

тывал на тот момент. Хотя, повторюсь, это было для меня отнюдь не главным, и если бы не те самые разногласия... Но это уже не важно. Я приплыл в Турацию. Я ведь тебе рассказывал, что истинными сыновьями признаются только дети, рожденные от признанной жены, которая может быть только одна. Таких у султана оказалось всего трое. Те, кто рождается от девушек гарема, сыновьями не считаются, а отдаются на обучение и будущее служение в военные полки. С девочками другая ситуация. Они все признаются дочерьми Султана и воспитываются во дворце, имея право до определенного возраста покидать гарем и гулять по дворцу Султана, общаясь с воспитываемыми на мужской половине братьями. Таким девочкам везет больше остальных, так как Султан отдаст их в жены своим приближенным. А жена – это не наложница. Вот только маленькой Салиме не повезло: у нее обнаружился дар. Мы познакомились с ней за год до этого открытия – однажды, гуляя по замку, шестилетняя Салима забрела на урок к братьям и с тех пор стала постоянной слушательницей моих лекций. Сначала я совершенно не обращал на нее внимания, маленькая пигалица тихо сидела за спинами мальчишек и что-то рисовала. – Лицо профессора осветила грустная, но светлая улыбка. – У нее были забавные черные кудряшки, которые ни в какую не желали заплетаться, отчего служанки часто обильно мазали их маслом, и ее макушка блестела, как отполированная... Как оказалось, она рисовала вовсе не каракули, как я поначалу думал, а училась писать

и научилась гораздо быстрее братьев!..

Недоумение профессора было таким искренним, что улыбка начинала сама собой набегать на мое лицо, но я сдержалась. Мне хотелось сказать профессору, что девочка, отнюдь не равно не подвластная обучению! Даже наоборот, девочки более дисциплинированы, а потому часто быстрее воспринимают и осваивают преподанный материал. Но я промолчала, давая ему возможность рассказать свою историю. Тем более, что сейчас он явно транслировал свои тогдашние мысли, а не то, что думает об обучении девочек сейчас.

– Я стал чаще с ней общаться, увидел неприкрытую жажду знаний и полюбил этого непосредственного умного ребенка. Так случилось, что Всевышний не послал мне собственных детей и внуков, и Салима тогда стала для меня отдушиной. – Старик стер набежавшую на глаза влагу. – А потом у нее нашли дар... Вряд ли Сольгер рассказывал тебе о том, что происходит с такими девочками в Турании, он сам вряд ли об этом осведомлен. Я и сам узнал об этом совершенно случайно, услышав разговор приближенного к Султану одаренного и одного из его сыновей. Оказывается, если где-то в Султанате отыскивается одаренная девочка, то она или попадает в гарем Султана или его приближенных – сыновья таких девочек почти всегда признаются законными сыновьями – или она отдает свой дар тому, на кого укажет Султан...

– Отдает свой дар? – ошалело переспросила я. Никогда

ничего подобного даже не слышала!

– Да. Эта информация сама по себе – огромная тайна, а уж за то, как происходит процедура передачи, король любой страны отдал бы немало, однако секрет знает только Султан и его наследник, и делиться им они не спешат...

Я поняла, что случилось с Салимой:

– У нее отняли дар... – прервала я сгустившуюся тишину.

– Да. Только я не рассказал тебе главного. Эту процедуру можно провести только с девочками и только до их вхождения в возраст, и у той, у которой отнимают дар, вместе с ним уходит и разум. Узнав об этом, я хотел организовать девочке побег, даже задействовал некоторые появившиеся там связи, но кто-то меня предал. А на следующий день Салима лишилась дара и разума – отец решил, что ее дар выгоднее отдать сыну, чем выдать девочку замуж за своего приближенного... а я должен был лишиться жизни... – Старик замолчал, погруженный в воспоминания, но через некоторое время произнес фразу, которая ввела меня в совершеннейший ступор. – Спас меня отец Ратмира.

– Вас спас мой дедушка? – решила уточнить, не веря своим ушам. До этой минуты в нашей семье никогда не упоминались ни родственники отца, ни матери, а тут такое открытие!

– Так сложилось, что мы с ним часто любили побеседовать об астрономии и математике и, будучи визирем Султана, он решил спасти незадачливого ученого.

Визирем Султана! Обалдеть! Мой дед – визирь! Но как тогда его сын, мой отец, оказался в таком месте, как Шалем, без каких-либо приличных накоплений, да еще и в качестве помощника купца? Одни загадки, на которые, подождав, я получу ответы или очень нескоро, или не получу никогда. Пока все эти мысли метались у меня в голове стайками испуганных птиц, профессор продолжал свой рассказ:

– В тот день обезглавили другого старика. Не спрашивай кого, я не знаю, как не знаю, заслуживал он смерти или нет. Но я был не в том положении, чтобы лезть с расспросами.

– Почему же вы стали рабом, если вас спасли?

– Потому что это был самый легкий способ затеряться и выехать из страны. Раб есть раб. Никто не будет обращать на него внимания, по крайней мере, больше необходимого. Ты не поверишь, насколько в Турании человека делает незаметным рабский ошейник! – Профессор покачал головой. – А потом появился твой отец, и я решил принять его предложение пересидеть шумиху в Шалеме. Все-таки окажись я сразу после смерти снова в Тализии, кто-то мог узнать меня и донести Султану, а это могло подставить под удар твоего деда, чего я, разумеется, совершенно не хотел. Вероятность, конечно, была невелика, но мало ли. Тем более это был хороший способ выехать из Турании. А здесь я познакомился с твоей семьей, с тобой... Не поверишь, но никогда прежде у меня не было такой дружной семьи и таких талантливых учеников. Я привязался к вам, как к родным, Лейла. И очень

рад, что вся эта история закончилась благополучно... сравнительно благополучно, конечно.

Он как-то вымученно улыбнулся. Видимо, погружение в воспоминания дались старику нелегко. Глядеть на эту сгорбленную фигуру было так тяжело, что я не выдержала и, подойдя, обняла его.

– Тимуран-аха, вы тоже за это время стали для всех нас родным человеком... дедушкой. И то, что вы собираетесь отправиться со мной в Тализию, делает мой отъезд не таким болезненным. Поверьте, это очень важно для меня!

Профессор неловко потрепал меня по плечу и быстро вышел прочь. А я поняла, что он просто сбежал, ведь сдерживать чувства ему стало слишком тяжело, но и бесконечно плакать у меня на глазах он тоже позволить себе не мог.

Вот уже две недели я сидела в комнате, перебирала воспоминания и думала, чего же действительно хочу от жизни. А еще думала о будущем, которое казалось туманным и каким-то фантастическим. Ведь я на полном серьезе собиралась выдавать себя за мальчика! Не день и не два, а весь период обучения, а это пять лет университетской школы и три года самого университета!

От мыслей отвлекла скрипнувшая дверь. Подняв глаза, я увидела... отца! Дыхание сбилось, а сердце зачастило с неистовой силой. Волна радости подхватила меня и понесла

вперед.

– Папа! – выдохнула я, повиснув на родном человеке, которого уже и не чаяла увидеть до своего отъезда. Я не знала, как и когда покину город, но Кирим сказал, что решение этого вопроса он возьмет на себя, и мне не стоит волноваться, лишь поскорее выздоравливать. – Папа! Как я рада тебя видеть! – Слезы брызнули из глаз.

А он подхватил меня и со мной на руках сел на лавку, что стояла у стены.

– Лейла, доченька! – Отец крепко прижимал меня к своей груди и нежно гладил по волосам. – Ну, не плачь, все уже позади. Не плачь, сердечко мое.

А я уже просто не могла сдержаться, выплескивая слезами тоску по отцу и все, что мне пришлось пережить за время нашей разлуки. Слезы лились, не переставая, а когда закончились, я еще долго всхлипывала. Почему-то только сейчас, рядом с ним, я осознала, что весь тот ужас, в котором я жила все время с захвата города, наконец, оставил меня и больше не вернется.

– Прости меня, сердечко, – тихо проговорил отец, когда я успокоилась. – Прости, что не был рядом, что не защитил.

И столько боли было в этих словах, что я всхлипнула вновь и обняла его еще крепче, вжимаясь в родного человека.

– В этом нет твоей вины! Просто все сложилось так, как сложилось.

Отец горько улыбнулся и поцеловал меня в лоб:

– Ты как всегда слишком добра, сердечко. Но я сделаю все, чтобы подобное больше никогда не повторилось! Я спрячу тебя так, что никакая сволочь больше не найдет и не причинит тебя вреда!

Я, млевшая в руках отца от ощущения небывалой защищенности, насторожилась:

– В смысле?

– Сердечко, у меня есть одно очень защищенное место, куда никому нет ходу. Я увезу тебя туда. Там будет скучновато, но со временем...

– Папа, стой! – Я испугалась не на шутку. Мне вовсе не хотелось всю оставшуюся жизнь прятаться от людей и вздрагивать от любого неосторожного звука.

– Что случилось, сердечко?

– Я не хочу прятаться! Я хочу научиться пользоваться даром, получить образование и самой выбирать путь в жизни!

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, Лейла! Если хоть кто-то узнает о твоём даре... – Его губы болезненно скривились. – Тебя ждет страшная участь...

– Я знаю, отец! Поверь, я много думала и прекрасно представляю, что меня ждет, если обо мне узнают, но закрыть себя в четырех стенах – не выход, это лишь отсрочка неизбежного. Можно спрятаться, можно прожить жизнь забившись в предложенный тобой угол, но зачем тогда мне такая жизнь? Это будет просто существование, я так не хочу. Я хочу под-

чинить себе свой дар и спасти от участи быть использованной или сожженной хотя бы одну одаренную девочку! Потому что то, что сейчас происходит – это жестокость, которой нет оправдания. И если мне это удастся, то и жизнь моя будет прожита не зря!

Всю эту речь я говорила, выпрямившись и глядя отцу в глаза. А когда закончила, не спешила снова прильнуть к его груди, требовательно глядя и ожидая реакции на свои слова.

Наконец, он заговорил:

– Ты изменилась.

– Может быть. Прежнюю Лейлу сожгла в сарае толпа обезумевших людей, которым многие годы рассказывают страшилки о ведьмах. Не спорю, одаренные бывают разными, но ведь и обычные люди творят такое, о чем и вспоминать страшно. А потому, если Всевышний даст, я стану тем камешком, который будет способен осыпать целую гору. – Ненадолго я замолчала, понимая, что не убедила отца. – Я знаю, что у меня может не получиться, знаю, что очень сильно рискую. Но знаю и то, что если не попробую, то не смогу жить по-прежнему. Я просто перестану быть той Лейлой, которую вы все знаете и любите. Моя задумка слишком амбициозна и практически невыполнима, но в том сарае я вдруг отчетливо поняла, что ничего не успела, что совершенно зря появилась в этом мире, что у меня все это время не было цели, которая бы оправдала тот шанс, что дали мне небеса, когда вернули к жизни. Кто-то когда-то сказал: «Если цель

твоей жизни не кажется тебе грандиозной, то это всего лишь план на завтра». Этот мир дал мне много: и любящих родных, и преданных друзей, и даже дар, что при правильной огранке может стать большим помощником в любых начинаниях, и который я совершенно не ценила и считала лишь помехой, не стремясь развивать. И пытались убить меня отнюдь не из-за дара, а в силу зависти и злобы, что сжигала одну черную душу. И сейчас, чтобы сделать хотя бы первый шаг на пути к своей цели, мне нужна лишь вера... Твоя вера в меня.

Несколько минут отец смотрел на меня, а потом тяжело вздохнул и притянул к своей груди:

– Конечно, я верю в тебя, сердечко мое. Верю... Но так боюсь потерять... Ты ведь еще такая маленькая, а мы все часто забываем об этом. – Он положил мне на голову свой подбородок и снова вздохнул. – Я постараюсь смириться с теми планами, что вы придумали с профессором, по крайней мере, нам будет о чем вечером поговорить с этим старым интриганом, а сейчас лучше расскажи, как ты себя чувствуешь?

– Да все уже совсем хорошо! Мне гораздо интересней, где ты пропадал полтора месяца?

Как выяснилось, он, движимый неясными предчувствиями, решил как можно скорее добраться до Турании, не заходя по дороге в порты Эльмирантии, и, распродав товар и закупив побыстрее новый, вернуться домой. Весть о захвате Шалема достигла бы его уже на другом материке, не встретить

он по дороге один скоростной кораблик, шедший туда же с вестью о нападении и развязавшейся войне между Фаргоцией и Эльмирантией. Услышав об этом, отец тут же отправился обратно, но шторм замедлил движение.

– ...Поверь, сердечко, я прибыл так быстро, как только мог! И теперь никому не дам вас в обиду... – сказал, совсем уж посмурнев.

А я вдруг поняла своим обострившимся даром, что сейчас он переживает не только о том, что случилось со мной, но и том, что успел узнать о маме и коменданте.

– Папа, людская молва ведь не пожалела не меня одну! Не нужно верить чужим завистливым словам, лучше поговори с той, кто все это время искренне тебя ждал. – Я посмотрела на папу, в его какие-то больные глаза, и добавила. – Поверь, Малика стоит того, чтобы перешагнуть через надуманные обиды и выслушать! – тяжело вздохнула и решилась. – Смотри! Только больше я такого делать не буду. Вы взрослые люди и должны уметь разговаривать друг с другом.

И я показала ему все, что знала о встречах мамы и коменданта: и то, что видела сама, и то, о чем слышала от других. Все это время отец сидел с широко распахнутыми глазами, а потом снова покрепче обнял и тихо произнес:

– Спасибо...

После чего встал и, поцеловав меня в макушку, сказал, что скоро снова ко мне зайдет, а потом вышел из комнаты. Видимо, пошел мириться.

Тем же вечером у меня в комнате собралась вся мужская часть, населявшая наш дом, кроме детей, конечно. Маму на это импровизированное собрание дружно не пустили, мотивируя тем, что со столь эмоциональной женщиной они ни до чего не договорятся даже за целую ночь. Мама обиделась, но осталась с мальчиками – все-таки воспитание не давало послушаться воли мужа. Я на это лишь покачала головой, но спорить не стала.

На этом семейном собрании и было решено... отправлять меня учиться в Тализию!

– ...Я уже решил, куда нам стоит наведаться в первую очередь и кому написать. С моим опытом преподаванию, думаю, мне не составит труда устроиться поближе к Лейле. Ромича назову своим ассистентом. Думаю, он без труда справится с сопутствующей нагрузкой. Разумеется, на первое время нам понадобятся средства... – рассуждал профессор.

– Тимуран-аха, мы же уже решили этот вопрос... – укорил его мой родитель.

– Конечно-конечно! Я всего лишь собираю все свои мысли в общий расклад.

– Тимуран-аха, по вашим подсчетам как скоро нам нужно отправляться в путь? – поинтересовался отец.

Профессор ненадолго задумался:

– Чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо! – решительно ответил папа. – Думаю, недели команде корабля хватит отдохнуть и разобраться с последствиями всего, что обрушилось на их семьи после захвата Шалема. А я уже с завтрашнего дня займусь необходимыми в дорогу закупками.

– Папа, а нас выпустят из порта? – Отец недоуменно на меня посмотрел. – Я имею в виду, нет ли каких-то ограничений в связи с тем, что город захватили фаргоциане?

– А... Как мне заявили по прибытии в порт, Фаргоция рассчитывает сделать Шалем одним из лучших торговых городов, а потому всегда будет рада помочь жителям города. А если опустить всю эту пафосную шелуху, то «платите, господа купцы, пошлины на товар, приносите в казну Фаргоции как можно больше денег, и никто не будет вам чинить никаких препятствий».

Мне оставалось только удивляться такому подходу. Почему-то казалось, что дальнейшее взаимодействие с властями будет для шалемцев не таким радужным.

– Что ж, это просто замечательно.

– Это разумно, – поправил меня отец.

– У-угу-у... – протянула я, уже представляя очередную неделю в заточении. Комната мне уже так опостылела, что я предвидела, что скоро начну самым натуральным образом выть от скуки и однообразия.

– В чем дело, Лейла? Что-то не так? – обеспокоился моим погрузневшим видом отец.

– Да нет, все хорошо, просто я опасаясь, что, просидев в четырех стенах еще целую неделю, начну сходиться с ума и бросаться на людей, – попыталась я неловко пошутить.

Мужчины ненадолго задумались, а потом Кирим предложил план, от которого я бы ни за что не пожелала отказаться.

И уже на следующий день меня, закупоренную в небольшую бочку, доставили на корабль отца. Мама тем же вечером, не стесняясь слез, обстригла мои длинные светлые локоны, как принято среди дворянский детей Тализии, а всю последующую ночь мы с ней на пару шили для меня костюм тализийского мальчика-дворянина: довольно узкие штанишки на завязочках, рубахи со стоячим воротничком и курточки с различными украшениями из яркой тесьмы. К данному костюму еще прилагался берет такого же темного-зеленого цвета из материала, похожего на бархат, из какого был пошит и костюм. Ботиночки вполне подошли мои, хотя профессор и сказал, что обязательно закажет мне в Тализии другие, более соответствующие образу.

На корабле я с помощью амулета изменила цвет волос, бровей и форму носа и отправилась домой как гость отца, которого по просьбе друга он вез из Турании в Тализию, чтобы передать на обучение в университетскую школу.

Вот так благодаря маленькой хитрости я снова могла находиться дома и открыто гулять по городу на вполне за-

конных основаниях. А довольно правдоподобные документы тем же вечером мы сделали вдвоем с профессором, который, на удивление, оказался сведущ в подделке печатей. Разумеется, своими талантами он до этого не пользовался и пользоваться не собирался, но ради меня решил поступиться своими принципами.

Документы детям в этом мире вовсе не нужны, но так как я собиралась выдавать себя за представителя дворянского рода, который покинул своих родителей, документы и соответствующие верительные грамоты стали необходимы. Дворянское происхождение выбрали, потому что представить меня рабом или юнгой неудобно – рабовладение уже не простили бы и меня отобрали, как чуть не произошло с Ромичем и Киримом, а юнгу вести к себе домой купцу не пристало и вызвало бы ненужное внимание и подозрения. К тому же, мне стоило привыкать вести себя как мальчику из дворянского семейства, которым я и буду представляться в Тализии. Там меня собирались представить дальним родственником профессора, который в своих странствиях попал в гости к троюродной тетке, у которой как раз гостила с сыном внучатая племянница ее мужа – проследить хитросплетения этих родственных связей практически невозможно, потому и выбрали такую версию. Эта троюродная тетка и попросила профессора присмотреть за недорослем и отвезти его в Тализийский университет. И так как профессор не скрывал цели вернуться к преподаванию в Тализии, то и отказаться

уже не смог. Вполне правдоподобно.

Больше меня беспокоило, как изменять внешность в Та-
лизи. Все-таки, браслет может изменить лишь три парамет-
ра, а если сейчас, надев мужское платье и подстригшись, от-
личить меня от мальчика практически невозможно, некую
миловидность в расчет не берем, так как и мальчики в этом
возрасте вполне могут ею отличаться, то года через два-три
различия должны появиться. Так, во время полового созре-
вания, нужно будет приделать себе кадык, увеличить нос,
так как я уже давно заметила, что эта часть мальчишеской
физиономии почему-то практически всегда меняется в боль-
шую сторону, да и вполне может придать мне брутально-
сти. Дальше грудь. Иллюзия не повлияет на тактильные ощу-
щения, поэтому придется ее постоянно перевязывать, но по
первости все же можно будет сглаживать впечатление и без
тугих перевязок. Все таки я девочка и не хочу по итогам та-
ких перетягиваний остаться плоской, как доска. А если так
над собой издеваться, то грудь может и не вырасти. И бедра –
нужно будет перекинуть один параметр на них, чтобы скрыть
округлости, хотя опять же это не спасет от прикосновений.
От идеи приделать себе иллюзорное мужское достоинство я
отказалась – в штанах иллюзию никто не рассмотрит, а на
тактильные ощущения она все равно не повлияет. В общем,
нужно еще думать как быть.

– Малика-ханан, а давайте сегодня сделаем вареники! –
сидя с утра в кухне вместе с мамой, выдвинула я предложе-

ние.

– А что это, господин Лей? – заинтересовалась мама.

Конечно, она прекрасно знала, кто прячется за внешностью чернобрового мальчугана, но по обоюдной договоренности мы старались вести себя в рамках выбранной мной роли.

– О! Это вкуснятина! А если кратко, то так называется вишня в тесте.

По эмоциональному маминому лицу проскользнула гримаса, больше похожая на отвращение, но я не дала ей заподозрить меня в том, что я над ней потешаюсь, а потому спрыгнула с лавки и направилась за продуктами.

– Поверьте, на вкус это гораздо лучше, чем звучит!

– Лей-аха, может, вы лучше пойдете и погуляете с мальчишками во дворе? – попыталась откреститься от моих кулинарных экспериментов мама.

– К ним я обязательно присоединюсь после вкусного полдника! — парировала я.

Смирившись, мама спросила:

– Чем я могу помочь?

– Достать из вишен косточки. А я пока займусь тестом.

Где там наш кефирчик?

Я знала, что большинство предпочитают готовить вареники на воде и ничего против этого не имела, но вот вареники с ягодами, все-таки предпочитала заворачивать в тесто из кефира.

Итак, возьмем пол литра этого продукта, туда сольки, сахара, два яичка, хорошенько перемешаем и добавим муки. Теперь остается только хорошенько вымесить тесто и, накрыв полотенчиком, дать постоять около получаса. Я похлопала получившийся колобок и решила помочь маме с очисткой вишни.

Надо сказать, что добывать косточки без специального небольшого устройства, что было у меня на Земле, оказалось не так аккуратно. Брызги разлетались в самые непредсказуемые стороны и, если бы не предусмотрительно надетые фартуки, мы с мамой оказались бы знатно перемазаны вишневым соком. Наконец, когда я пересыпала вишню сахаром и посчитала задачу выполненной, пришло время раскатывать тесто и лепить долгожданные вареники. Кружком, который послужил для вырезания из теста основы для вареников, стала большая любимая кружка профессора. Знал бы он, как я использую его любимицу... Однако, ничего более удобного на кухне я просто не нашла.

Поначалу мама, вымазанная соком вишни, просто смотрела, как я беру кружок теста, накладываю на него вишню и заворачиваю, аккуратно сплющивая концы, а потом и сама присоединилась и совсем скоро лепила вареники ловчее меня.

– Ладно, мам, пойду ставить кастрюлю с водой и созывать всех на полдник.

Поставив воду и растопив печь, я пошла созывать всех

пробовать заморскую вкусность, рецепт которой якобы привезла из Туралии. Понятно, что мальчикам никаких рецептов знать не полагалось, но ничем другим, кроме как большой любовью к вареникам, которая заставила меня выучить рецепт их приготовления, подобные знания я объяснить просто не смогла. Я немного задержалась в комнате, чтобы переодеться – капли сока попали на рукава моей белой рубашки. Решив застирать их после полдника, надела другую рубашку – мама уже успела пошить мне несколько сменных. Подходя к дверям кухни в приподнятом настроении, я неожиданно насторожилась – за дверью стояла полная тишина.

Стараясь двигаться как можно тише, я заглянула в небольшую щелку и увидела Сольгера. Он стоял в тех дверях кухни, что выходили в сени. Его лицо было немного виноватым, однако чем дальше, тем больше в нем проступало недоумение и даже возмущение.

– Послушайте, – говорил он, – если вы не хотите, чтобы я общался с Лейлой, не надо. Просто скажите: все ли с ней хорошо? Когда я уезжал почти месяц тому назад, она была без сознания!

Отец прокашлялся и спросил:

– Молодой человек, простите, не имел чести быть с вами знаком...

– Сольгер ар-Наринал¹⁴, капитан фаргоцианской армии.

¹⁴ Приставка «ар» означает принадлежность человека к дворянскому сословию в Фаргоции.

– Очень приятно, а меня зовут Ратмир сын Харуфа, я отец Лейлы. Скажите, как давно вы прибыли в город? – голос отца был тихим, но напряжение в нем я почувствовала отчетливо.

– Только что. Сделал крюк специально, чтобы заглянуть к вам и справиться о здоровье Лейлы прежде, чем ехать в крепость.

Напряжение, витавшее в кухне, тут же сбавило накал, видимо, все были сбиты с толку уверенностью парня в том, что я жива, и боялись, что он каким-то образом узнал, что я тогда не сгорела, а услышав, что он ничего об этом не знает, немного расслабились. Прикрыв глаза, отец ответил Сольгеру:

– Ее больше нет. Ее убили почти три недели назад. – С лица Сольгера разом сошла вся краска, а судя по сдавленному «Как?», горло сдавил спазм. – Ее сожгли.

Осознав то, что он только что услышал, парень провел по лицу ладонью, резко скользнул пальцами в волосы на макушке и сильно их сжал.

– Но почему? Как комендант мог допустить такое? Подобное попирает все законы королевства! Не понимаю... – распалялся он.

Мамин голос просто сочился злостью и сарказмом:

– Просто ваш комендант, узнав о готовящемся бесчинстве, вместо того чтобы все это прекратить, искал меня, чтобы вытребовать за спасение дочери... – она запнулась и буквально выплюнула следующие слова: – Мою благосклон-

ность!

Казалось, эти слова заставили Сольгера дышать с трудом. Заметив это, и что парень по-настоящему переживал мою гибель, отец смягчился:

– Присядьте, Сольгер-аха.

Внезапно вода, что я поставила на печь, закипела начала выплескиваться на печь и зашипела, привлекая внимание.

– Это вода под вареники, – тут же отозвалась мама, – сейчас сниму.

– Какие вареники? – раздался сдавленный вопрос Саргайла.

– С вишней, – ответила мама.

– Она... Она звала... меня... на вареники... с вишней... Звала... – слова Саргайла прозвучали глухо, он рванул у горла сорочку, так что пуговицы разлетелись по разным углам, и, просипев «Простите», чуть не ударившись о косяк, вышел прочь.

Мое сердце сдавила такая жалость к этому парню, что лишь большим усилием воли я заставила себя остаться на месте и не кинуться следом, чтобы рассказать, что со мной все в порядке, что я жива. Вместо этого я оперлась лбом о косяк и попыталась успокоить полившие из глаз слезы.

«Если я хочу начать новую жизнь, то все, кто знал обо мне и моем даре, должны верить, что меня больше нет. Иначе все пойдет прахом. Иначе весь этот маскарад не имеет смысла».

Несмотря на эти мысли, на душе было тяжело и маетно и

успокоиться удалось далеко не сразу.

На следующий день мы узнали, что злополучного коменданта сняли с должности и отослали на передовую, а вечером перед этим кто-то сильно его избил, когда он возвращался из городского кабака. Отец клялся, что не имеет к этому инциденту никакого отношения. И я ему верила – если бы отец поднял руку на коменданта, да еще в военное время, его бы ждала виселица. Даже если бы просто пошел ругаться, то за оскорбление офицера при исполнении скорее всего тут же попал бы в тюрьму, а то и все туда же: на виселицу. В то, что комендант на это способен, я не сомневалась. И кому после этого стало бы легче?

Конечно, поначалу все эти соображения отца не остановили, и если бы не своевременное вмешательство Кирима, то все вполне могло закончиться очень нехорошо. Но старый слуга сумел вразумить, и отец отказался от импульсивных действий, но в то, что забыл подобное, не верилось. Да и допускать такого впредь он был не намерен и собирался перед отъездом нанять для мамы телохранителей. Закон Фаргоции оправдывал действия таких защитников, даже если бы им пришлось схлестнуться с самим комендантом. Поэтому я целиком и полностью поддерживала его позицию, но точно знала, что как только появится случай отомстить, отец не преминет им воспользоваться. Хотя теперь если случай и пред-

ставится, то нескоро. Но можно считать, что за маму этому подлецу все-таки прилетело, и почему-то казалось, что в этой истории не обошлось без Сольгера.

Но тогда кто он такой на самом деле, если смог меньше чем за день снять военного коменданта города?

Эпилог

Вот и пришло время плавания. Мама, Кирилл, мальчишки, Сэйра, Сольгер и многие другие... Они остались на том берегу, сейчас стремительно исчезающем из виду. Я знала, что буду по ним безумно скучать. Да что там! Я уже скучала, хотя слезы расставания еще не высохли на моих щеках. Но я точно знала, что сделала все правильно – пришло время изменить свою судьбу, и если не плыть против течения, то взять штурвал корабля собственной жизни в свои руки. Ветер перемен уже трепал мои непослушные локоны, а перед глазами раскинулось широкое Алое море. Море, что принимало такой странный оттенок лишь на рассвете. Профессор обязательно еще расскажет мне некую научную теорию, объяснявшую эту странность.

Да, впереди будет еще очень много интересного и увлекательного, трудного и практически невыполнимого. Впереди меня ждет нелегкая стезя притворства и обмана. Все-таки выдавать себя за мальчика не так легко, как может показаться.

Невольно, я улыбнулась этой мысли. Когда-то, читая о девочках, которые переодевались мальчиками, мне было очень интересно следить за перипетиями их жизни. Каких только писатели не посылали им испытаний! И вот теперь... Здрав-

ствуй, гендерная интрига! Я сама стану участником такой вот истории. Только это будет уже не книга, которую в любой момент можно закрыть, это будет моя жизнь, мой путь...

– Как дела? – спросил подошедший сзади Ромич и положил свою крепкую ладонь мне на плечо. – Не страшно?

– Все хорошо, Ромич. А страх... Да, я боюсь. Но это какой-то задорный страх, что ли. Я боюсь тех перемен, что скрываются за горизонтом этого моря. Но еще больше я хочу их. Так что плывем навстречу переменам, мой верный друг!

Краем глаза я заметила, что Ромича переполняет тоже предвкушение, что жило сейчас и во мне. А потому, весело улыбнувшись, он вскинул вверх левую руку, сжатую в кулак, и закричал:

– Навстречу переменам!

– Навстречу переменам! – вторила я ему...

--

Вот и закончилась первая часть приключений Лейлы! Приглашаю вас заглянуть во вторую книгу, где ее ждет взросление, много приключений и, конечно, любовь: [https://www.litres.ru/book/katerina-cvik/leyla-navstrechu-peremenam-67620936/!](https://www.litres.ru/book/katerina-cvik/leyla-navstrechu-peremenam-67620936/))

Здоровья вам и пусть мечты сбываются!)

Катя Цвик